
Василий
Бетаки
В поисках
деревянного
слона
Облики
Парижа

Salamandra P.V.V.

Василий Бетаки

В ПОИСКАХ ДЕРЕВЯННОГО СЛОНА

Облики Парижа

Фотографии
ЕЛЕНЫ КАССЕЛЬ

Salamandra P.V.V.

Бетаки В.

В поисках деревянного слона: Облики Парижа. Фотогр. Е. Кассель. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. – 284 с., илл. – PDF.

«Это – не путеводитель по Парижу, потому что в путеводителе должен быть весь город, а тут рассказано только о тех местах, которые автор любит больше других.

Это – не история Парижа, потому что история должна излагаться хронологически, а тут рассказаны только те эпизоды истории, которые автору интереснее других.

Это – не очерки о парижской архитектуре, потому что тут довольно мало собственно искусствоведения, и много субъективно-лирического взгляда на те или иные памятники архитектуры

Но это – и не лирические очерки, потому что здесь слишком много таких сведений, которым место – в путеводителях, и слишком много разных исторических эпизодов, которым место – в истории.

Это просто книга о Париже, в которой всего упомянутого понемногу» – так характеризует свою книгу В. Бетаки.

Но точнее всего будет сказать, что эта книга, родившаяся из цикла радиопередач, которые поэт вел в семидесятые-восьмидесятые годы – признание в любви к городу, где автор прожил более 35 лет.

ОТ АВТОРА

Это – не путеводитель по Парижу, потому что в путеводителе должен быть весь город, а тут рассказано только о тех местах, которые автор любит больше других.

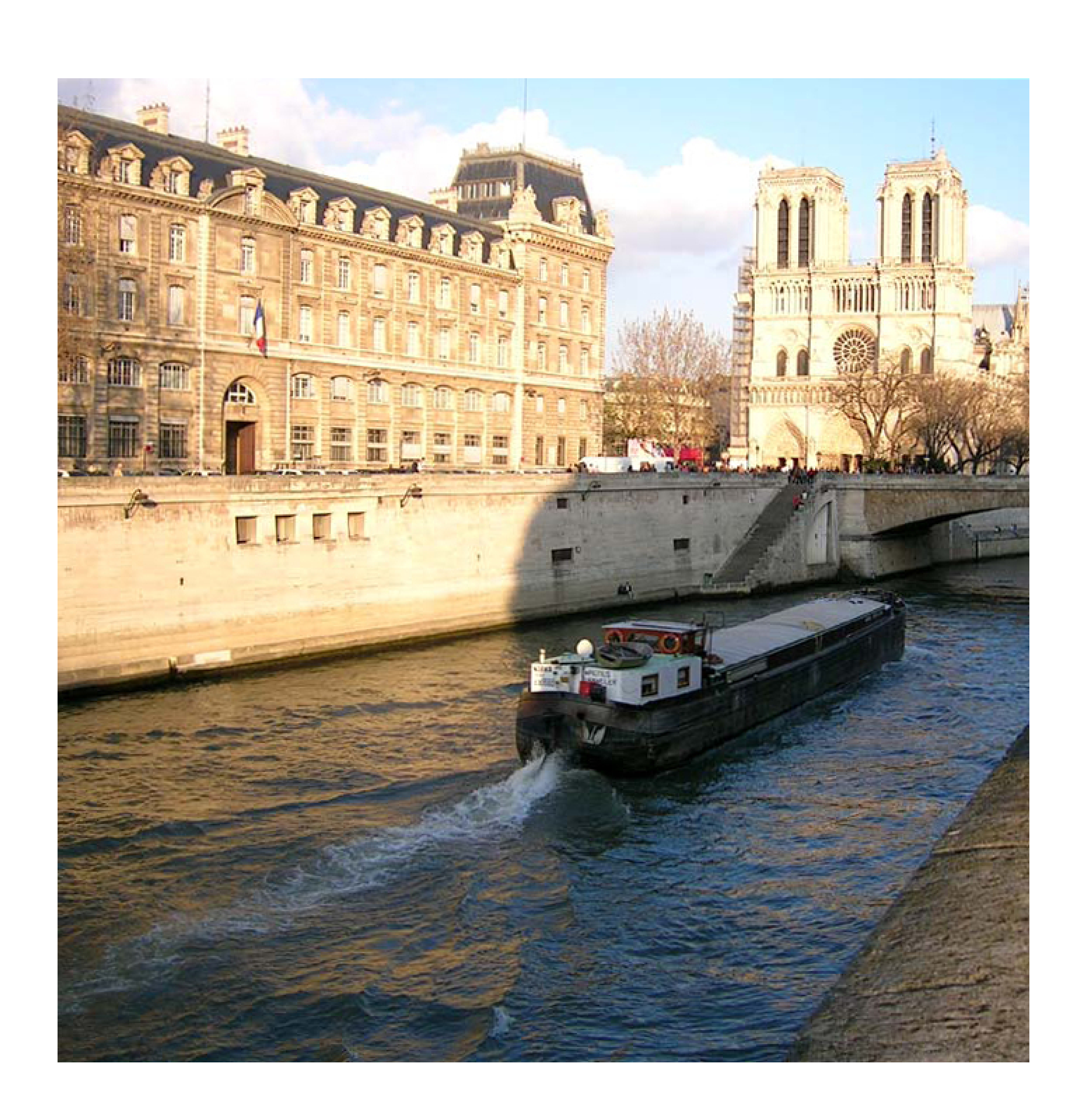
Это – не история Парижа, потому что история должна излагаться хронологически, а тут рассказаны только те эпизоды истории, которые автору интереснее других.

Это – не очерки о парижской архитектуре, потому что тут довольно мало собственно искусствоведения, и много субъективно-лирического взгляда на те или иные памятники архитектуры.

Но это – и не лирические очерки, потому что здесь слишком много таких сведений, которым место – в путеводителях, и слишком много разных исторических эпизодов, которым место – в истории.

Это просто книга о Париже, в которой всего упомянутого понемногу, в которой реминисценции из Александра Дюма или Виктора Гюго соседствуют запросто с цифрами, говорящими о пропорциях того или иного здания, а приключения исторических персонажей – перемешаны с анализом архитектуры.

Все стихи, приведенные в тексте или эпиграфах, под которыми специально не указан автор, взяты из моих книг. Приводимые в тексте французские эпиграммы разных времен и авторов публикуются в моем переводе.

ВСТУПЛЕНИЕ

Париж и Петербург. Краткий очерк истории Парижа.
Набережные, мосты, история городского транспорта.

Париж и Петербург

Улавливая каждый лучик
В секунды скрученных годов,
С разбегу разрезают тучи
Кораблики двух городов:

Парижский – круглый, словно чаша
Полна неведомым вином,
(Пусть ветер орифламмой машет,
А в лилиях упрятан гном!) –

И трехмачтовый, золоченый
Как жбан пивной, фрегат Петра.
(Под килем яблочком моченым
Опохмеляемся с утра!)

Да только вот...

Некогда Н. Анциферов, написавший одну из лучших книг о Питере, «Душа Петербурга», сравнил Петербург с Флоренцией и Римом... но ни словом не обмолвился о Париже.

Однако, сходство есть, хотя и не то, самоочевидное, обычное, первым лезущее в глаза... Дело тут не в наличии каналов или стиле колоннад – ведь дух города, *genius loci*, куда неуловимее... Но, наверное, не во всякое время года он может вам явиться...

Осень, разлитая по всей Европе, освещает ее города тем внутренним светом, который накопился в листве за лето, и сейчас в пасмурные дни листья отдают этот накопленный солнечный свет, так что парки освещают свои города рассеянным невидимым солнцем, а леса озаряют пригороды... (Наверное, только Венеция лишена этого таинственного освещения, потому что в ней нет деревьев...)

Банальность золотой осени сопровождает меня с детства, она для меня всегда была неотделима от Павловска и Летнего сада, а тут, как старая знакомая, встретила в лесах Рамбуйе и Фонтенбло, в Люксембургском саду, в парке Монсо... Кстати – не бывает, видимо, никаких специфически русских пейзажей – есть только европейские. Северные, конечно, не похожи на южные, но запад и восток тут мало отличимы...

Genius loci Петербурга для Анциферова – в одном центре и даже в одной статуе (естественно, в Медном всаднике...) Может и так, но для меня дух любого города – только в соединении архитектуры с природой. И главное – в том, насколько это сочетание органично, насколько оно ненасильственно, особенно в том прозрачном и призрачном желтом освещении, которое роднит все осенние города...

В Питере действительно один центр. Он – между Петропавловской крепостью, Биржей, Зимним дворцом и Медным всадником. Он – в воде.

А в Париже несколько центров. Ни Ситэ с громадой собора Парижской Богоматери, ни грандиозный наполеоновский город с куполом Инвалидов и Триумфальной аркой, ни Лувр с садом Тюильри, ни тесный Марэ с его запрятанными в переулки дворцами и замками не могут претендовать на роль единственного городского центра.

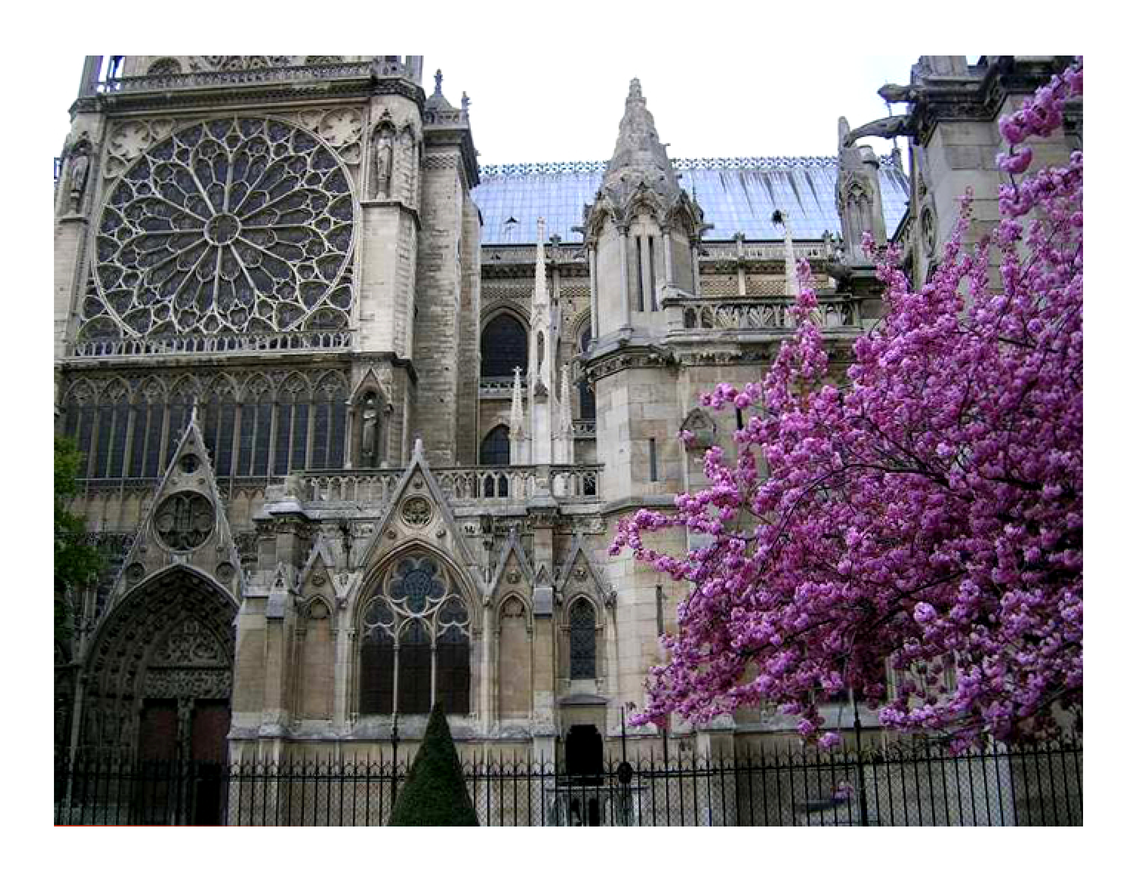
А значит, и *genius loci* Парижа тоже не один: сколько центров, столько духов города... Только осень, если дни солнечные, соединяет озарением падающей листвы все столь разные районы.

Если говорить о сходстве двух городов – то естественно, что Париж Наполеона с ампирными колоннадами и воинственными по-древнеримски украшенными фронтонами отличается от Петербурга главным образом цветом. Потемневший и даже отчищенный песчаник не похож на питерскую охру с белизной. Эти питерские желтые стены с белыми колоннами нередки в викторианском Лондоне – в Париже их почти нет.

А вот набережные похожи, хотя парапеты над берегами Сены из того же песчаника, что и большинство домов Парижа, а не из гранита. Похожи и тем, что когда вы идете вдоль реки, неожиданно распахиваются перед вами площади. Как и у многих питерских, так и у парижских прибрежных площадей только три стороны, а четвертая – река. И площади эти распахиваются порой навстречу друг другу с противоположных берегов.

Париж строился и перестраивался в течение двух тысячелетий, а Петербург – одним махом: ну что такое два века в сравнении с двадцатью? Всего-то одна десятая...

Поэтому когда в любой из архитектурных ансамблей Петербурга какой-нибудь шутник втыкает здание иных времен, иного стиля – оно смотрится довольно дико. Давно ли Дом книги и Театр комедии раздражали строгих блюстителей цельности Невского проспекта?

Хорошо, что постройки 30-х годов, а то и еще страшнее – «хрущобы» 60-х, вообще никакого отношения к понятию архитектуры не имеющие, не посмели втереться в центр (кроме одного дурацкого громоздкого здания за домиком Петра на Петроградской, построенного из кирпича в тридцатых годах, а потом срочно снабженного двумя гигантскими соц-статуями и оштукатуренного под «ампир понаслышке» сразу после войны. Да еще бетонная гостиница неподалеку...)

В Париже – наоборот: единство стиля – единственное свойство, принципиально чуждое этому городу.

Ренессанс (которого в Питере, естественно, и быть не может) вполне мирится в Париже и с конструктивизмом, и с готикой, и с барокко, и с классицизмом последних Людовиков, и с тем уютным и слегка фантастическим стилем начала нашего столетия, который тут называется стиль «Belle époque» – «Прекрасной эпохи» (в России это – так называемый «стиль модерн»).

Здания «Прекрасной эпохи» занимают чуть ли не половину территории Парижа, хотя в силу имманентных признаков стиль этот (если говорить о жилых домах) хотя и узорный, не назойливый, и количественное преобладание таких построек в Париже малозаметно... Это тот самый стиль, который в советские времена достаточно долго и достаточно официально проклинали. А ведь Каменноостровский проспект все-таки не самая худшая часть Петербурга. Да и Витебский вокзал не худшее в городе здание, как, впрочем, только что упомянутые Театр комедии и Дом книги...

Но все же Петербург един в пушкинской «однообразной красивости», а Париж един в многообразии.

Париж освоит, включит в себя все что угодно. Эйфелева башня, вызвавшая такой гнев Мопассана, в те времена резко чужеродное тело в благородном городе, стала довольно скоро одним из его символов (если не главным?)

Четыре Парижа

В Париже я вижу четко четыре слитых друг с другом города, каждый со своим лицом, со своим характером, со своими литературными героями и их авторами. Вообще-то любой город состоит из нескольких, только они, как правило, перемешаны.

Конечно, бывает, что исчезают из облика города следы целой эпохи: так в Лондоне от средневековья остался один Тауэр, а от Ренессанса – Вестминстер, но зато и современные бетон со стеклом в нем затерялись. Лондон – удивительно цельный город XIX века. Лицо его центра – та особая разновидность позднего ампира, которую называют викторианской по имени королевы Виктории, царствовавшей более полустолетия. И какого столетия!

Рим – наоборот, смесь целых шести эпох, от античной архитектуры до сегодняшней, но перемешаны они очень сильно...

А тут – великая удача: четыре Парижа, как бы сообразно хронологии стилей последовательно сменяя друг друга и проникая друг в друга, все же расположились в основном с Востока на Запад вдоль Сены и полностью так и не перемешались между собой, будто кто-то позаботился выстроить грандиозное учебное пособие для студентов архитектурного факультета!

Средневековый и ренессансный город (с XI по XVI век) с его домами в пять-шесть этажей, острыми кровлями и узкими улочками – «лишь бы только стен не задевала / алебарда поперек седла» – занимает восток парижского центра. Это Марэ на правом берегу, Латинский квартал на левом, и между ними – два острова: Ситэ и Сен-Луи.

В этом старом Париже осталось немало домов из грубо отесанного песчаника с гигантскими деревянными балками под потолками и грубо коваными решетками в нижней части каждого окна, доходящего до пола (решетки эти, кстати, прозвали «защита сумасшедшего» и они стали настолько неотъемлемой частью парижского облика, что их делают нередко даже в самых современных домах!)

Цокольный этаж жилого парижского дома, построенного до начала XVII века, обычно слегка наклонен в сторону узкой улицы, оставив для тротуара, точнее для прохожей части вдоль стены, требуемое законом и обычаем место, а все другие этажи над ним как бы чуть завалены вглубь, что давало немного дополнительного света...

Таким образом дома на узкой улице выигрывали площадь пола на вторых, как правило парадных, этажах. Линия домов, зачастую довольно узких, всего в два-три окна шириной, нередко прерывается башнями замков, вполне естественно чувствующих себя в тесноте такого города...

Второй Париж начинается сразу от почти полукилометрового фасада Лувра. Этот Париж и верно ближе всего к Питеру. Площади открываются к реке. На фасадах дворцов торжественные колонны, треугольные классические, или круглые барочные фронтоны, украшенные трубящими славами, связками античного оружия (в которое порой замешалась пушка), лавровыми венками... В общем, смесь барокко и ампира. XVIII – начало XIX века. Да и по размаху –

сходство с пушкинским Петербургом, то есть с Петербургом *par excellence*.

Один из главных параметров, определяющих облик любого города, – это отношение ширины улиц и площадей к высоте основного количества построек. В этой части Парижа ширина улицы – классически, как в Петербурге, – на четверть, как минимум, больше высоты (тогда как средневековый город – две-три высоты на одну ширину).

Третий Париж – это Париж стиля «Прекрасной эпохи».

В отличие от Петербурга, где Театр комедии, Дом книги, Витебский вокзал и особняк Кшесинской раскиданы по разным районам, парижские здания начала XX века не рассыпаны по городу, а составляют целые районы. Это преимущественно западная часть города. Набережные с обеих сторон от Эйфелевой башни, кварталы Пасси и Елисейские поля почти полностью построены в период господства этого стиля с 1890-х годов и по начало 1920-х гг., хотя отдельные дома того времени встречаются повсюду (в Петербурге разве только Каменноостровский проспект по большей части состоит из домов «модерна».)

В кварталы «Прекрасной эпохи» вклинивается (преимущественно на западе) четвертый Париж (30-е – 60-е годы), город конструктивизма Корбюзье и новейших небоскребов, которые в Париже бывают все-таки не просто строительными сооружениями, но имеют все же некий свой стиль.

Начиная с 70-х гг. все виднее становится он в новых постройках Парижа. Хотя и тут господствуют бетон и стекло, но они все резче и решительней уходят от безликого «коробочного» или «корбюзьяньего» вида. Даже простые десятиэтажные жилые дома последнего двадцатилетия имеют свой архитектурный стиль, определить который пока еще трудно. Можно только утверждать, что он уже почти сложился.

Особенно из таких новейших кварталов интересен пригород Кретей (Créteil), ансамбли которого, на мой взгляд, наиболее талантливое воплощение этого синтетического, но пока еще не существующего стиля: анализировать его особенности только начинают... Кроме того, этот новейший Париж еще не успел обзавестись ни легендами, ни литературными героями, с которыми всегда связаны бывают старые города. Поэтому нет у него еще тех ассоциативных корней, которые делают для нас тот или иной город действительно живым, своеобычным и населенным не только людьми.

Краткий очерк истории Парижа

Ты вспомнишь не четверть столетья,
А Времени бронзовый шаг,
Ты – память, а если истлеть ей –
Хоть гулом останься в ушах...

П. Антокольский. «Париж»

За 250 лет до Р. Х. остров, который сейчас называется Ситэ и который тогда был на треть меньше, чем сегодня, населяло кельтское племя паризиев. В середине I в. до Р. Х. римляне с Юлием Цезарем во главе захватили городок на острове и назвали его Лютецией. Вскоре появились поселения и на левом берегу, соединенные с Лютецией первым здесь мостом и той главной дорогой, по которой римляне двигались на Север, завоевывая Галлию. Это была нынешняя улица Сен-Жак.

Но в III в. римский городок на южном берегу Сены был уничтожен очередными нашествиями германских племен, и город Лютеция снова оказался небольшим поселением на острове. С 307 года оно носит официально новое латинское имя Civitas Parisiorum ... Этот галло-римский город был значительно перестроен первым королем, общим для галлов и франков, Хлодвигом (Кловис, как зовут его французы). Король во главе франкского войска разбил римлян под Суассоном в 486 г. и тогда занялся городом. Начался период династии Меровингов.

При Дагобере I, одном из преемников Хлодвига, город расцвел. Из ремесленников здешних особенно знамениты были мебельщики и серебряники, изготовлявшие посуду, ценившуюся высоко как в Риме, так и среди варваров северной Европы.

К X веку, при династии Каролингов, несмотря на то, что ни Карл Великий, ни его отец Пипин Короткий, не жили здесь (столицей Карла был Аахен), в огромной империи основано было около двухсот школ, и немалая часть из них была в Париже. Париж еще более разросся: правый берег Сены давно превзошел свою островную колыбель и размерами, и численностью населения. Все пространство вдоль Великой дороги на север от реки и до самого аббатства Сен-Дени было, пусть нерегулярно, но застроено.

В XI веке город занял и заброшенный в конце римской оккупации и разоренный варварами левый берег – возникла «университетская сторона» Парижа.

Обнесенный первой стеной, построенной по приказу короля Филиппа-Августа, город насчитывал уже 310 улиц. 36 из них были на острове Ситэ, 80 на Университетском берегу и 194 «за мостами», т. е. на правом берегу. Филипп-Август (который возглавлял Третий крестовый поход с французской стороны) правил Францией в течение сорока трех лет (1180–1223). Кроме городской стены, он построил Большой рынок, «чтоб лавок и прочих помещений безопасных было достаточно», – как писал король. Он же завел специальную службу по розыску трупов тех, кого убили разбойники. Она состояла из солдат и нескольких десятков собак. Защитить горожан от разбойников у короля явно не хватало сил, но вот хоть трупы найти было уже неким прогрессом. Было устроено для жертв разбоя недалеко от рынка кладбище Невинных (на этом месте сейчас находится фонтан Невинных, построенный в XVII в.).

Позже на этом месте располагалось знаменитое «чрево Парижа» (Les Halles), то есть оптовый городской рынок, а сейчас там – новый комплекс (сохранивший то же название), с садом на поверхности и несколькими подземными этажами торговых рядов.

Филипп-Август восстановил старый римский акведук, снабжавший город питьевой водой.

Он же дал в 1215 г. автономию Университету, и со всей Европы сюда повалили студенты и знаменитые богословы.

Внук Филиппа-Августа, Святой Людовик, заказал прославленному архитектору Пьеру де Монтрей постройку Св. Капеллы. Освящая ее, кардинал де Шатору сказал: «Франция – печь, в которой выпекается интеллектуальный хлеб человечества».

В 1383 году город был обнесен новой укрепленной стеной (стена Карла V), в царствование «Короля Возрождения» Франциска Первого (1515–1547) великий зодчий Пьер Леско основательно перестроил восточное крыло Лувра и построил основную часть западного, а в царствование Генриха IV (1589-1610) в городе добавилось всего за два десятилетия 68 новых улиц.

Наконец, в 1670 году, когда никаких вражеских нашествий уже можно было не опасаться, Людовик XIV приказал срыть городские стены, и город стал расти кругами во всех направлениях.

Но отсутствие стен быстро сказалось на королевских доходах, и в 1784 году Париж был снова обнесен стеной, получившей прозвище Таможенной или стены Сборщиков Пошлин (le mur des Fermiers-Généraux) длиной в 23 км. По линии этой стены, снесенной только в 1860 году, проходит нынешнее кольцо «внешних» (или «Маршальских») бульваров. В отличие от прежних, оборонительных стен, эта стена сразу же стала весьма непопулярна. Как всегда во Франции, «чуть что не так – готова эпиграмма», чаще всего – анонимная (как в России анекдот), но в данном случае автор известен: это великий драматург Бомарше.

Король стал до того хорош,
Что засадил в тюрьму Париж,
Оставив вместо франка – грош,
А вместо горизонта – шиш.

При Людовике XV (1715–1774) был построен ансамбль Вандомской площади и площадь Согласия.

При Людовике XVI (1774–1791) – естественно, «ничего».

В годы «Великой революции» (1989–1894) тоже ничего.

В царствование Наполеона (1804–1815) был прорыт канал Урк, напоивший город. Продолжением этого канала являются каналы Сен-Дени и Сен-Мартен. При Наполеоне была завершена колоннада Лувра, построенная по проекту архитектора Перро, жившего во времена Людовика XIV. Эту колоннаду строили больше ста лет, – начинали, бросали, долгое время она простояла без крыши… Тогда же при Наполеоне возведены арка Карусель, вблизи Лувра, во славу Великой Армии (арка – почти копия арки Септимия Севера в Риме) и Вандомская колонна, оформлена улица Риволи, построена Биржа, а также возведено великое множество казарм и конюшен.

В царствование «короля-гражданина» Луи-Филиппа (он правил весь период между двумя революциями с 1830 по 1848 г.) главные улицы Парижа осветились газовыми фонарями, архитектор Виоле ле Дюк начал реставрацию Сент-Шапель (Св. Капеллы) и собора Парижской Богоматери; был поставлен памятник Мольеру, выстроено несколько новых мостов и закончено строительство Триумфальной арки на пл. Звезды.

За последние сто пятьдесят лет планировка Парижа в основном не менялась, и город остается в тех размерах, какие имел он в царствова-

ние Наполеона III после того, как префект округа Сены, барон Осман (Hausmann), согласно указу императора, присоединил к Парижу пригородные деревни: Отей (Auteuil), Пасси (Passy), Бати-ньоль (Batignolles), Монмартр (Montmartre), Берси (Bercy), Вожирар (Vaugirard), Гренель (Grenelle) и несколько других, а также – Булонский лес.

Самая длинная улица Парижа до сих пор – Вожирар (rue Vaugirard), 4360 метров, а самая широкая – авеню Фош (avenue Foch), 120 метров в ширину.

Всемирные выставки конца XIX столетия обогатили город Эйфелевой башней, Большим и Малым дворцами, мостом Александра Третьего и еще множеством построек.

Набережные

Сена, на протяжении 15 километров ее течения, проходит через Париж. Большая часть города находится в долине реки. Особенно это важно для пологого правого берега – вся северная половина города находится в довольно широкой долине: местами ширина ее достигает десятка километров. Говорят, что в доисторические вре-

мена только сама река была никак не уже 5 км при средней глубине 40 м. Но уже в античные времена Сена была всего вдвое шире сегодняшней.

Дуга, образуемая рекой в пределах города, продиктовала его генеральную планировку. Впрочем, так бывает со всеми городами, стоящими на обоих берегах крупной реки. Как в любом городе, планировка которого обусловлена рекой, на набережных и на площадях, открытых в сторону Сены, находится множество архитектурных ансамблей.

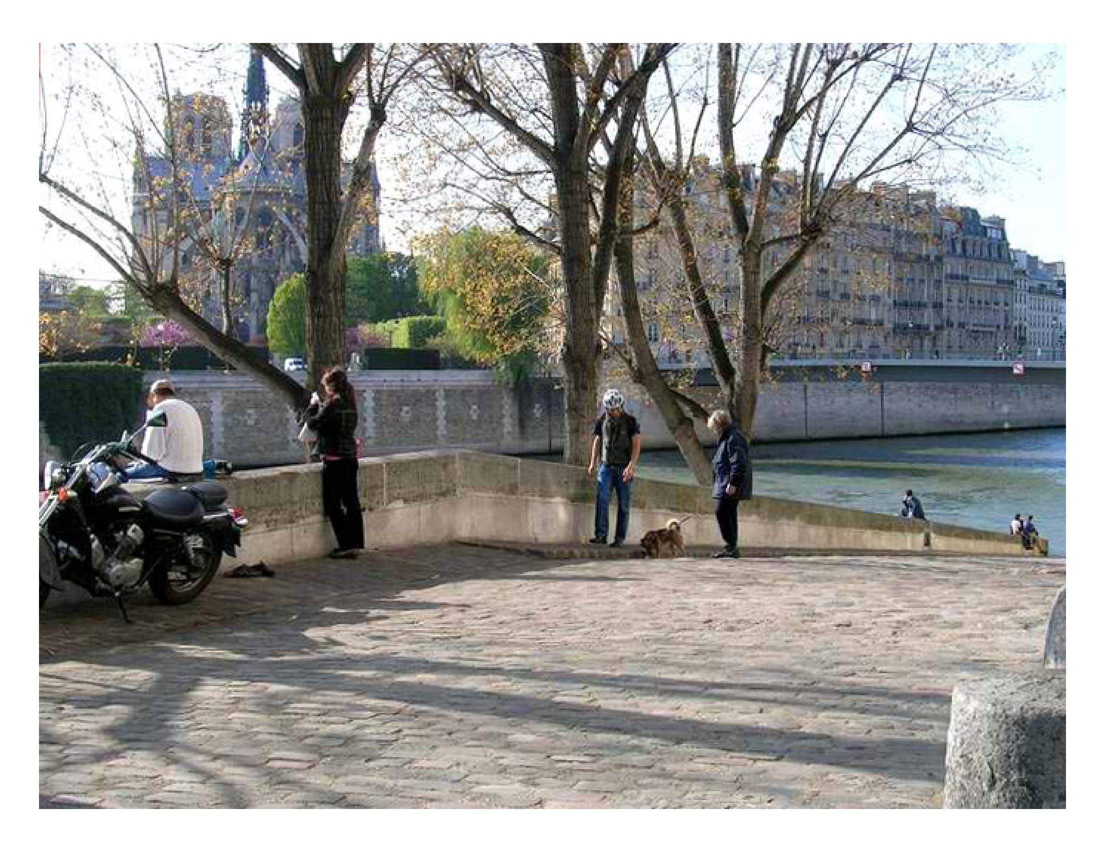
Самый грандиозный из этих ансамблей – площадь Согласия (place de la Concorde) с Королевской улицей (rue Royale), идущей от площади в глубину правого берега. В конце этой широкой и короткой улицы перспектива замыкается церковью Мадлен (Madeleine), построенной в формах античного храма (повторены почти точно все пропорции афинского Парфенона), а на левом берегу реки ей отвечает выдержанный почти в тех же пропорциях, что и Мадлен, фасад Палаты депутатов (Бурбонский дворец).

В разных местах по обоим берегам Сены перед вашим взглядом возникает множество шедевров архитектуры. То купол и полуциркуль-

ный фасад Академии, то, напротив него на правом берегу, почти километровый комплекс зданий Лувра, то музей (бывший вокзал) Орсэ (Musée d'Orsay) – одна из самых совершенных построек «Прекрасной эпохи».

И высокая площадка Трокадеро (дворец и театр Шайо – 1937. г.) на правом берегу, и столь же «конструктивистски» выглядящая Эйфелева башня на левом – все это связано с рекой, все это составляет небывалое разнообразие парижских набережных, где в единый грандиозный ансамбль города соединены все стили и времена: от готики собора Парижской Богоматери (XII в.) до небоскребов «Фасада Сены» – «второго конструктивизма» 70-х годов XX века.

Здание Военной школы, построенное в середине XVIII века, совершенно естественно смотрится сквозь огромные арочные пролеты Эйфелевой башни, как бы говоря тем самым, что в Париже все стили и все века могут сосуществовать.

В IV веке Лютеция, располагавшаяся на острове Ситэ, была действительно труднодоступна: Сена тогда была вдвое шире, чем в наше время. Никаких набережных римляне не строили, хотя берега острова и были укреплены, но только так, как военные римские лагеря: частоколом или палисадом. Мосты между Ситэ и берегами были

сначала наплавные, потом каменные, но от них не осталось и следов.

Первая каменная набережная в городе – нынешняя наб. Августинцев – построена при Филиппе IV Красивом в 1313 году.

В конце XIV в. была «одета камнем» набережная вдоль тогдашнего Лувра, кусок метров в двести у Городской мэрии (Hôtel de Ville) и другой кусок около находившегося по соседству с ней селестинского монастыря, а Франциск I, после того как Новый Лувр занял еще сотни три метров вдоль берега, приказал продолжить луврскую набережную в западную сторону. В 1604 году при Генрихе IV обе части набережной соединились, таким образом весь центр города (по правому берегу) получил каменную набережную.

Наконец, в царствование Людовика XV, т.е. в середине XVIII века, были сломаны все дома на мостах и на берегах, и по набережным стало можно ездить и ходить.

Однако генеральный план устройства обоих берегов (архитектор П. Л. Моро), утвержденный Людовиком XV, был осуществлен только в начале XIX в. уже по распоряжению Наполеона. Желая вернуть речным перевозкам ту роль, какую играли они до революции, император велел окончательно очистить все берега от построек, мешав-

ших сквозному движению, замостить дороги вдоль берегов и построить где надо пристани. С реки были снесены все портомойни, то есть каменные или деревянные площадки почти на уровне воды, куда горожанки ходили стирать одежду. Сломаны были и водяные мельницы, мешавшие движению судов.

Была восстановлена уничтоженная революцией должность начальника мостов, который возглавлял портовую и речную полицию. Должность эта, кстати, была необходима еще и потому, что Сена (как все реки, текущие на запад) оставалась достаточно опасной во время наводнений каждую осень.

Как известно всем, читавшим французских писателей прошлого века, вдоль набережных в центре Парижа располагаются букинисты. Первые лавки их возникли на Новом мосту, когда он действительно еще был Новым – при Генрихе IV. Позднее букинисты не раз изгонялись с моста и набережных по приказу того или иного короля или президента, и только в 1891 году президентским указом они получили право торговать на всех набережных, не снимая на ночь свои знаменитые длинные ящики, укрепленные на парапетах. «Единственный город, у которого есть библиотека на открытом воздухе», как сказал кто-то из писателей начала XX века.

БУКИНИСТ

Пахнет пылью belle époque,
Позолотой, кожей старой...
Посреди земного шара
Ни ларек, ни сундучок -
На щербинах парапета
Ящик с книгами повис.
Сел на стульчик букинист
Над безумием планеты...

На мосту – шарманка. Там -
Шляпы с перьями и шлейфы.
И четвероногий Эйфель
Догоняет Нотр-Дам.

Ох, четвероногий Эйфель,
Врет, что он – земная ось!
Мир – хоть оторви, да брось:
Ни колумбов нет, ни лейфов –

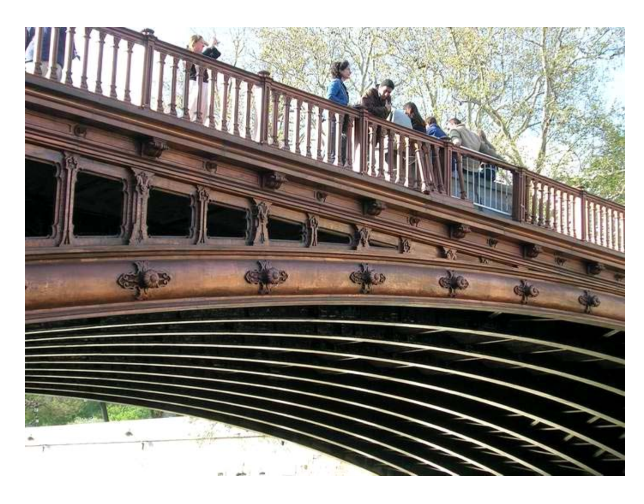
Все под переплет ушли,
Закрывается планета...
Отделишь ли тьму от света
На окраинах Земли?

Небоскребы да могилы,
Где-то взрывы, грабежи,
Где-то вовсе ни души,
Где-то очередь за мылом...
Хриплых двигателей свист,
Телевизоры, пожары...
Посреди земного шара
Умер старый букинист.

Мосты

Первыми постоянными мостами Парижа были Большой – с острова Ситэ на правый берег, и Малый – на левый берег. Предполагается, что оба моста находятся на том самом месте, где некогда были каменные мосты, построенные «еще рабами Рима» и разрушенные в раннем средневековье варварами.

А средневековые мосты, в основном деревянные, приходилось уже без конца ремонтировать, а то и отстраивать заново. Первым каменным мостом через Сену считается Новый мост (Pont Neuf), возле которого (на Ситэ) стоит памятник Генриху IV.

В XVII веке были построены из камня сохранившие и поныне свой облик мост Мари (Pont Marie) (во время застройки острова Св. Людовика) и Королевский (Pont Royal), против Лувра.

А в конце XIX века стали строить через Сену уже и металлические клепаные мосты.

Сегодня в черте города насчитывается 33 моста.

Кроме Нового моста и моста Мари, нужно упомянуть еще пешеходный мост Искусств (Pont des Arts). Не то чтобы он был уж очень красив: на простой и легкой металлической конструкции лежит реечный настил, сквозь который видна вода, и только. Но расположен он так, что с него виден весь остров Ситэ, выглядящий кораблем, плывущим прямо на вас.

Мост этот перекинут точно между входом в Квадратный двор Лувра и центральным входом в здание Академий. На мостике всегда людно, посреди него – садовые скамейки. Нередко художники выставляют и продают тут свои работы. Тут же играют иногда и уличные музыканты.

Мост был построен в 1804 г. по приказу Наполеона, который еще не был императором Наполеоном, а всего лишь первым консулом Республики.

Что же касается стиля «Прекрасной эпохи», то он и среди мостов имеет свои шедевры: это мост Александра Третьего, построенный на рубеже веков и составляющий вместе с Большим и Малым дворцами роскошный ансамбль, а также мост Мирабо – самый западный из мостов в черте города, прославленный в знаменитом стихотворении Гийома Аполлинера, но, к сожалению, процитировать эти стихи по-русски не могу: знаю два их перевода, и оба очень плохие...

Городской транспорт

Верховые лошади и мулы, а так же фуры, т. е. высокие телеги с двумя продольными скамейками, были главными транспортными средствами в Париже с римских времен и до появления первых карет в середине XVI в.

В 1550 году карет было три на весь город – у королевы Екатерины Медичи, у принцессы Дианы Французской и у некоего сеньора Жана де Лаваля, который был так толст и тяжел, что никакая лошадь не свезла бы его в седле, почему он и получил разрешение «пользоваться каретой, «как у знатнейших дам».

В 1594 г. в Париже насчитывалось уже восемь карет. Это были огромные ящики на четырех колесах, соединенных с корпусом хитроумной подвеской из ремней и веревок. С дверцами, с крышей на восьми колонках и с кожаными занавесками. В такой вот карете вместе с семью придворными и находился Генрих IV в тот момент, когда Равальяк, вспрыгнув на подножку, ткнул в него кинжалом.

В 1610 году, когда это произошло, карет в Париже было уже 325 штук. Появились и застекленные окошки. Вскоре городской суд ограничил «количество этих опасных вещей: не более одной на семейную пару».

Королева Марго ввела в моду легкий портшез, который несли четверо слуг.

А в 1645 году, в мушкетерские времена, появились и фиакры – нечто вроде четырехместного маршрутного такси. Придумал их некто Николя Соваж, бывший почтальон из Амьена. Первая станция их располагалась у Большой гостиницы Св. Фиакра, на улице Сен-Мартен (отсюда и название, закрепившееся тогда же за этими легкими каретами).

В 1662 году крупнейший ученый «Великого века» Блез Паскаль со своим другом, герцогом Роаннезом, получили право завести кареты-омнибусы, предназначавшиеся поначалу для стариков и инвалидов, которые не могли пользоваться обычными каретами. Они открыли пять постоянных маршрутов, но это предприятие просуществовало всего лет пятнадцать.

Вскоре появились легкие кабриолеты, запряженные одной лошадью, но их быстрота вынудила Людовика XV сказать, что будь он начальником полиции, он «уж постарался бы запретить этот убийственный вид транспорта» (и это говорит абсолютный монарх, каково???)

В конце XVIII века фиакров прибавилось. Ко времени революции их было уже более 800, и проезд стоил 1 ливр 16 солей в час, по тем временам невероятно дорого. Кроме фиакров, по улицам носились лихие кабриолеты молодых дворян, солидные двуколки «третьего сословия», а в Версаль ходили «карабасы» – большие фиакры с

восьмеркой лошадей, бравшие до 20 пассажиров. Количество транспорта в столице резко уменьшилось после революции и еще более – при Наполеоне: кавалерия требовала все больше и больше лошадей.

Многие историки, кстати, считают, что одной из главнейших причин окончательного падения наполеоновской империи оказалась именно нехватка лошадей для кавалерии, роль которой в наполеоновских войнах невозможно переоценить. В частности, так считает профессор П. Ю. Уваров (Москва), автор нескольких замечательных книг по истории Франции.

В 1820 году создалась в Париже монопольная компания почтовых дилижансов Лафитта и Гаяра, разъезжавших по всей стране, а кроме того по улицам города ходили «мальпосты», развозившие не только почту, но и пассажиров, от двух до шести человек. Ходили они по одному в час и стоили значительно дороже дилижансов.

В городе также открылись восемь постоянных линий омнибуса. Омнибусов было около ста штук. В каждый омнибус запрягалось только три лошади, а брал он 14 пассажиров, отличаясь от дилижансов не только количеством лошадей и меньшей легкостью, но и тем, что на нем мог ехать действительно каждый заплативший за проезд, независимо от того, как он был одет и к какому слою общества принадлежит. Это был наиболее дешевый транспорт того времени.

Во второй половине XIX столетия в Париже было несколько «транспортных» компаний, слившихся в одну в 1865 г. Компания обслуживала 31 линию и владела более чем семью тысячами лошадей. В те же годы от площади Согласия до Булонского леса были проложены рельсы и стали ходить «трамваи» на конной тяге, а в 1889 году, во время открытия всемирной выставки, конная тяга была заменена паровой.

Наконец в 1905 году по Парижу пошли и первые автомобили-такси. Вот тогда-то и появились на главных перекрестках столицы полицейские-регулировщики с белыми палками.

8 декабря того же года открылась и первая автобусная линия – от Биржи до Монмартра, а последний конный омнибус исчез только в 1913 году.

В очерках о Париже, написанных в те же годы перед Первой мировой войной, Максимилиан Волошин, испуганный обилием автомобилей и автобусов, предположил, что теперь ходить по улицам стало слишком опасно, на них безраздельно царят машины, и уже

нет места для людей. А поэтому вся пешеходная жизнь города, а с ней все кафе, магазины, «синема» и т.п. должна будет вскоре переместиться на уровень верхних этажей, где и будет устроен пешеходный город. Но, как видим, этот «Париж вверх ногами» так и не осуществился...

С 1929 года по Сене ходит регулярный пассажирский водный транспорт. Но еще за тридцать лет до того в Париже появилось метро.

19 октября 1899 года первый пробный поезд прошел по линии от пригорода Нейи (Neuilly) до площади Нации (place de la Nation). Это и есть нынешняя линия №1. В том же году несколько входов в метро были выполнены по проекту молодого архитектора, одного из создателей стиля «Прекрасной эпохи», Гектора Гимара.

Г. Гимар. Вход в метро. Станция Сите.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

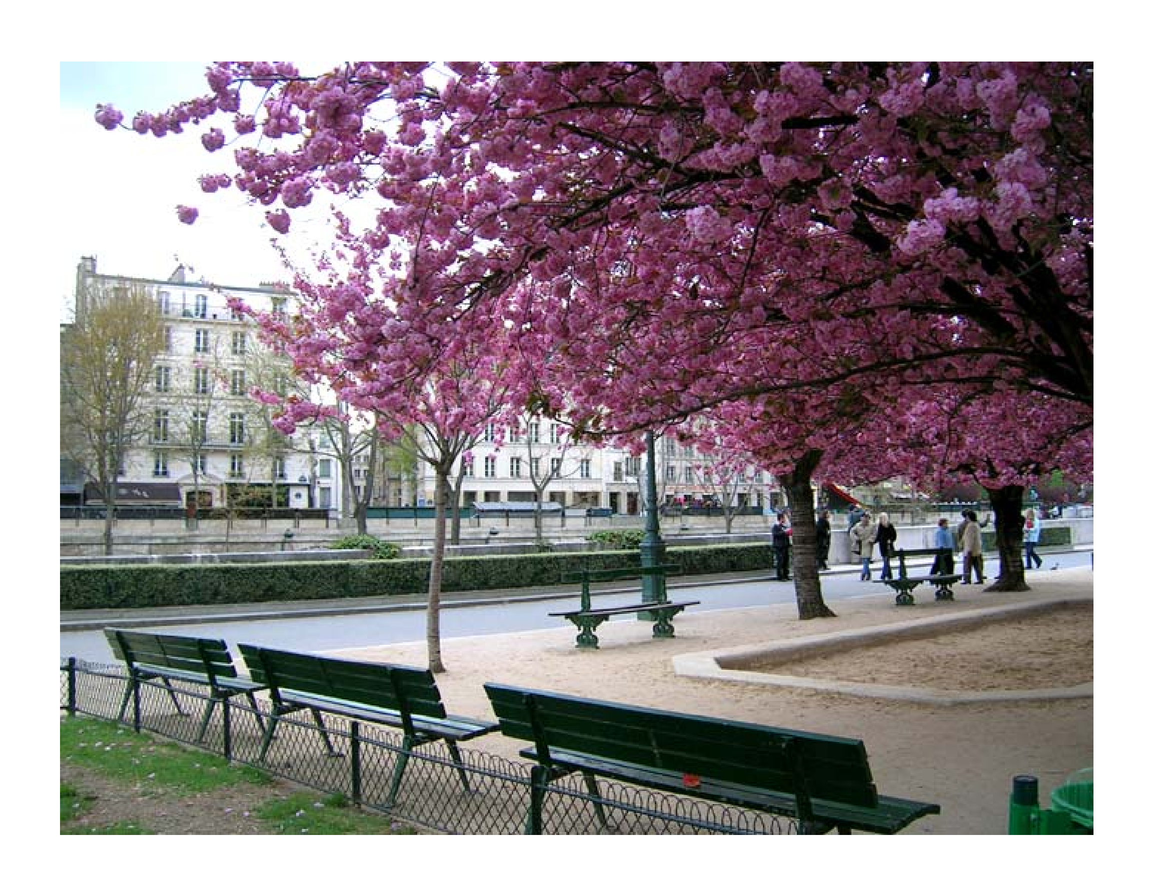
ОСТРОВА СИТЭ И СЕН-ЛУИ

Ситэ, Консьержери, Дворец Юстиции, Сент-Шапель, Нотр-Дам, остров Сен-Луи

Ситэ (Cité)

«Голова, сердце и хребет Парижа», – писал в XII веке Ги де Базош об этом острове.

Остров Ситэ – колыбель города – мало что сохранил от своего средневекового облика: одиноко возвышается в верхней части острова Нотр-Дам, хмуро смотрят на правый берег Сены башни Консьержери, да прячется где-то, окруженная помпезными громадами Дворца юстиции, Сент-Шапель – самая фантастическая и призрачная из готических церквей, когда-либо мной виденных…

За 350 лет до Р.Х. на острове уже было поселение кельтского племени паризиев. Отсюда и произошло нынешнее название города.

В 52 г., выселив кельтов на пустынный тогда правый берег Сены, на острове укрепились римляне, завоевавшие вскоре всю Галлию. Как утверждает легенда, из всей территории современной Франции калиги римских легионеров не вступили ни разу только на самую северную оконечность нынешнего Брестского полуострова – оккупации удалось избежать лишь нескольким деревенькам на северо-западе Бретани (где и жил герой мультиков и комиксов Астерикс со своими друзьями.)

В 55 году до Р.Х. на острове Ситэ расположил свой главный штаб Юлий Цезарь.

Римский город – Лютеция (Lutetia Parisiorum)– сложился из укрепленного лагеря на острове и построек, постепенно возникавших как вокруг укреплений, так и на высоком левом берегу Сены (поныне из римских построек сохранились термы Клюни, арена на ул. Монж, остатки театра около лицея Сен-Луи).

Остров расположен на перекрестке двух древних путей: речного по Сене и сухопутного – древнеримской военной дороги с юга на север. Эта дорога, – частично нынешняя ул Сен-Жак (St. Jaques) – проходя через Ситэ, пересекала Сену. На левом берегу она проходила между болотами Бьевра и деревней Гренель, существовавшей, видимо, еще с времен неолита. А на правом берегу уходила на север через высотку Бельвиль. Вся же дорога тянулась от Рима до Кале, где римляне переправлялись в Британию.

Дворец римского наместника сначала располагался прямо под нынешним зданием Парижской префектуры, и поэтому ни для каких раскопок недоступен. Весь период истории острова от I до V века погребен под Префектурой и Дворцом юстиции, только площадь перед собором Нотр-Дам, образовавшаяся в середине прошлого столетия, после того, как тут снесли несколько улочек и церквушек, осталась доступной для археологов. Когда на этом месте делали подземный гараж, то строители наткнулись на остатки построек галло-римского периода. Гараж сделали намного глубже, чем предполагалось, а между ним и поверхностью находится подземный музей: две улочки и остатки нескольких зданий, расчищенных археологами.

В раннее средневековье (так наз. Темные века) на Ситэ было более 30 улочек, причем дома в 3-4 этажа были построены так, что верхние этажи выступали над нижними, почти смыкаясь наверху.

Это были дома и общественные здания времени короля « Хлодвига сына Хилдерика», франкского военного вождя, завоевавшего Галлию. Хлодвиг объединил разрозненные галльские племена под властью франкской аристократии. «Эти германцы (т. е. франки) принесли галлам начатки государственности», – писал позднее средневековый летописец.

Сам Хлодвиг поселился в бывшем дворце римского наместника, сделав Лютецию своей столицей в 508 году. К этому времени город все чаще называли уже не Лютецией, а Парижем. Эпоха Меровингов и Каролингов началась с Хлодвига в 752 году (французы зовут этого, первого своего короля, Кловис, и считают, что имя Луи, которое носили 18 королей, происходит от этого имени: германское Хлодвиг или Людвиг, латинское – Людовик, французское – Луи).

Эта эпоха продолжалась до 987 г., когда во Франции воцарились Капетинги. Короли этой династии продолжали жить на Ситэ, но в новом дворце, часть которого сейчас входит в грандиозный комплекс Консьержери – Дворец юстиции. Здесь жили Людовик VI Толстый, Людовик VII Юный, Филипп-Август, его внук Св. Людовик (он же Луи IX) и внук Людовика Девятого Филипп IV Красивый («Железный король»). При этих королях остров оставался центром уже немалого города, расширившегося на оба берега, и украсился собором Парижской Богоматери. Только в XIV веке Карл V (династия Валуа) переселился в Лувр, превратив его из маленькой крепости в королевскую резиденцию.

На площади перед собором Нотр-Дам находится памятник Карлу Великому и сквер его имени.

Памятник выполнен в 1877 году скульпторами Шарлем и Луи Роше и представляет собой если не высокохудожественное, то во всяком случае археологически точное произведение: одежда, сбруя коня – все воспроизведено исторически скрупулезно. Это же относится и к рыцарям Карла – Роланду (на фото слева) и Оливье, пешие фигуры которых стоят рядом с конным императором. Более того, меч Роланда – Дюрандаль – точно скопирован с оригинала, хранящегося в Мадриде.

Тут, в сквере Шарлеманя (так французы трансформировали латинское имя Карла Великого – Carolus Magnus), всегда людно.

Всю ночь звучат гитары, площадь днем и ночью заполнена туристами и парижанами, а рядом на мосту нередко можно увидеть виртуозное катание на роликовых коньках.

Площадь перед собором Нотр-Дам существует с 1864 года. Ее устроил префект департамента Сены, барон Осман (Haussmann), ярый прогрессист, вполне в духе второй половины прошлого века, которому Наполеон III поручил «переделать и благоустроить столицу» (созвучие имени этого префекта с именем небезызвестного турецкого султана Османа «по его роли разрушителя старины вполне ему пристало», – заметил историк города Жак Илларэ).

На месте резиденции Хлодвига по указаниям Османа были построены Префектура и грандиозное здание Дворца юстиции. Под этими двумя мастодонтами и оказалась погребенной почти вся древняя островная Лютеция – от построек эпохи Юлия Цезаря и до сооружений времени первых Капетингов. Рядом на руинах и фундаментах большинства древних зданий находились еще и постройки XI – XII вв. Тут было ко

времени начала османовской перестройки 22 церкви романских и готических, приют для прокаженных, а рядом с ним – знаменитая таверна Сосновой Шишки, завсегдатаями которой были Мольер, Лафонтен, Буало, Расин и другие властители дум XVII века...

Кардинально перестраивая Париж, Осман разрушил немало: только с Ситэ было переселено 25 тыс. человек. Наполеону Третьему не нравился старинный вид города, и тысячелетние постройки уступали место бульварам и площадям. Но за сто пятьдесят лет, прошедших после этих перестроек, центр города все равно отстал от современных транспортных требований, а множество средневековых улиц Парижа исчезло навсегда...

Сегодня на площади булыжниками выложены бывшие улицы и переулки, словно на чертеже в натуральную величину. Но разметка эта сделана недавно, во время последних раскопок 60-х годов. Тут же перед собором на вбитом в мостовую металлическом круге значится: «0 км», поскольку весь километраж по стране отсчитывается от этой точки.

Справа от собора Нотр-Дам располагается старейшая больница Парижа – Отель-Дье. Согласно легенде, основал его св. Ландри в 651 году как убежище для нищих, а в 1160 году архиепископ Морис де Сюлли решил расширить здание и превратить его в больницу. Ее корпуса разместились не только на острове, но и на левом берегу Сены. В 1160 году, одновременно с первым зданием больницы, Морис де Сюлли начал строить Нотр-Дам и архиепископский дворец.

В 1747 году рядом с больницей был открыт еще и приют для подкидышей (Отель-Дье в его нынешнем виде построен уже в 1878 году в так наз. неофлорентийском стиле по распоряжению префекта Османа).

Сегодняшний остров Ситэ почти не имеет жителей. Две-три небольших улицы, часть Цветочной набережной и площадь Дофин – т. е. не более трех десятков домов составляют жилую часть Ситэ.

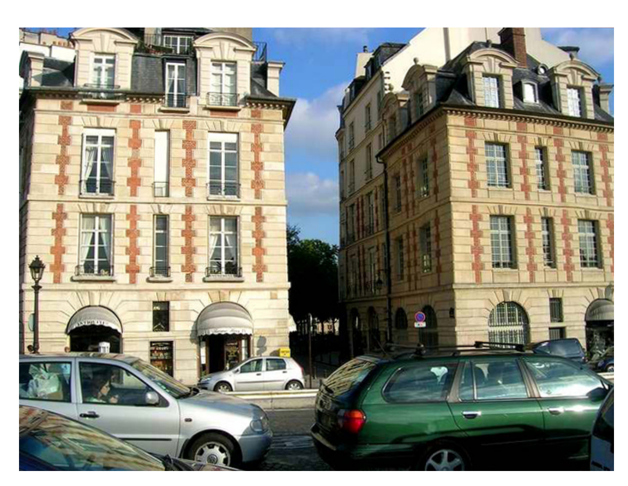
Площадь Дофин, несмотря на то, что находится она в самом центре Парижа, одно из самых немноголюдных и тихих мест города. Ее прославил романтик Жерар де Нерваль, она описана в романе Анатоля Франса «Боги жаждут».

Здесь в книжной лавке Финкера часами рылся в старинных книгах Томас Манн. Тут, среди маленьких картинных галерей и ресторан-

чиков находится квартира, где многие годы жил Ив Монтан... (полуциркульные три окна в бельэтаже).

Площадь Дофин – треугольник, образованный Дворцом юстиции (вторая пол. XIX в.) и несколькими домами, построенными в 1607 году Генрихом Четвертым в честь наследника – дофина Луи (с 1610 года – Людовик XIII). Дома были предназначены для банкиров и крупных купцов. Генрих поощрял новый образ жизни, идущий из Италии, и хотел, чтобы новое сословие селилось поближе ко двору.

Два из этих домов, образующие выход на набережную, дошли до нашего времени без малейших изменений.

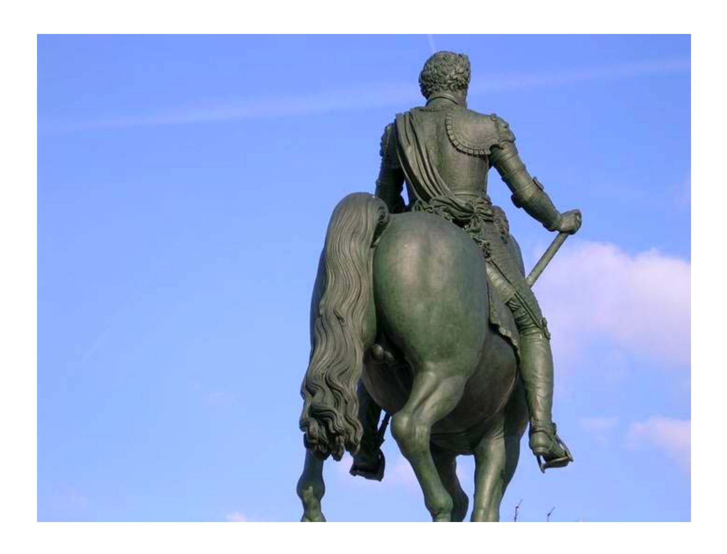
Фасады из красного кирпича с окнами, облицованными светлым песчаником, характерны для недолгой, но бурной эпохи Генриха Четвертого, типичного короля Ренессанса, всесторонностью талантов и интересов достойно завершившего XVI век

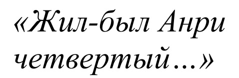
– век Возрождения во Франции. После его царствования в Париже прибавилось 68 улиц: 35 на правом берегу и 33 на левом.

На стрелке острова, где узкий проход между двумя домами выводит на открытую набережную, стоит конная статуя «Веселого короля», как раз около Нового моста, построенного им же. Сегодня – это самый старый мост Парижа. Он был первым из больших мостов города, на котором не было домов, но зато были высокие тротуары. На них располагались уличные зубодеры и цирюльники, певцы, лодочники, продавцы цветов... Но особенно славился Новый мост двумя категориями воров, презиравшими одна другую «за недостаток мастерства»: карманниками и кошелечниками (кошельки тогда носили привязанными к поясу).

На Новом мосту было место прогулок, самое модное чуть не до конца XVII века. «Будьте уверены, что в любое время дня и ночи вы тут встретите монаха, белую лошадь и проститутку» (поговорка XVII века).

Но вернемся к памятнику Генриху IV. История его такова: герцог тосканский вскоре после гибели Генриха II подарил его вдове Марии Медичи бронзовую лошадь. Корабль, на котором везли лошадь, потонул около Сардинии. Лошадь, однако, выудили через год, и в 1614 году она была водружена на пьедестал там, где стоит сейчас памятник Веселому королю. И простояла без всадника 21 год. Только в 1635 году (когда уже поступил на королевскую службу д'Артаньян!) Людовик XIII приказал отлить и посадить на лошадь статую своего отца.

«Жил-был Анри четвертый...»

Полтора века спустя, в первый период Революции, по предложению Мирабо статую Генриха IV украсили трехцветной кокардой: рево-

люция признала этого «короля-демократа» – строителя и воина – «своим». Однако ненадолго: в дни якобинского террора статую «классового врага» (так теперь с легкого языка Робеспьера назвали Веселого короля!) распилили, и куски отправили в переплавку: французская Революция, как и любая другая, нуждалась в пушках.

А в 1818 году, после реставрации Бурбонов, Людовик XVIII велел отлить по старым эскизам новую статую из той самой бронзы, в которую превратился (по воле Венского конгресса) Наполеон, простоявший несколько лет на верхушке Вандомской колонны. Но литейщики, видимо, тайные бонапартисты, вложили в руку Веселого короля крохотную статуэтку свергнутого императора, а в брюхо коня – целую кипу текстов бонапартистских песен, которые так там и находятся.

За спиной Генриха IV на низком конце острова, где сейчас расположены узкий сквер и пристань речных трамваев, в 1314 году, по сговору «Железного короля» Филиппа IV Красивого с римским (точнее авиньонским) Папой, полностью от короля зависевшим, был сожжен Великий магистр Ордена тамплиеров (храмовников) Жак де Моле. Официально – за колдовство, на деле – потому что Филипп очень хотел прибрать к рукам сказочные богатства тамплиеров, впрочем, тоже награбленные (в крестовых походах) и во много раз увеличенные международными финансовыми операциями. Вслед за магистром было сожжено еще 52 рыцаря. Как сказано по сходному поводу в «Истории Тиля Уленшпигеля», «наследство получил король». Заодно получил он и проклятье Великого магистра, которое в те суеверные времена отравило весь конец его царствования.

Более трех веков Ситэ оставался островом в полном смысле этого слова: построенный римлянами Большой мост (получивший позднее имя «мост Нотр-Дам») был разрушен норманнами в конце IX в., и только при Филиппе-Августе на этом месте был сделан узкий деревянный мостик для пешеходов.

В 1421 году он был заменен мостом 20 метров ширины (тоже деревянным), и на нем построили по общему проекту 60 четырехэтажных домов (по 30 с каждой стороны) с аркадами для пешеходов, причем проезжая часть была достаточна для того, чтобы на ней разъехались две телеги. Но по окончании строительства последнего дома мост рухнул вместе с этим ансамблем. В результате прево парижских купцов оказался в тюрьме («пока он не выплатит всего ущерба»). Вскоре он, как и его многие предшественники в этой должности, умер в заключении.

Но в 1513 году, незадолго до воцарения Франциска I, мост был выстроен заново, на этот раз каменный, и на нем расположилось 68 домов из кирпича и песчаника. Опять же одинаково оформлены были фасады, украшены статуями мужчин и женщин с корзинами фруктов, а между статуями размещены медальоны с профилями французских королей. Впервые в истории Франции дома были пронумерованы, причем правило давать одной стороне четную нумерацию, а другой – нечетную, впервые было придумано именно тут.

В 1787 году дома были снесены за ветхостью, и к тому времени обычай застраивать мосты жильем уже давно миновал. Возможно, от тех времен и сохранилась одна из самых распространенных и поныне во Франции фамилий – Дюпон, т.е. «с моста», проживающий на мосту.

В 1793 году мост был переименован в «мост Разума». При Наполеоне ему вернули прежнее название. А в последний раз мост был перестроен и расширен в 1853 году.

На Цветочной набережной, позади собора Нотр-Дам и сквера Иоанна XXIII, на доме 9 укреплена мемориальная доска: «Здесь находился дом, в котором жили Элоиза и Абеляр. 1118 г. Перестроен в 1849 г.»

Пьер Абеляр – философ и богослов XII в. Создатель так называемой новой педагогики. Неоднократно обвинялся в ереси. Обучил более трех тысяч студентов. Тайно женился на своей ученице Элоизе, которая пережила его на 22 года. Их останки трижды были похоронены врозь и трижды оказывались перехоронены вместе, пока наконец их не захоронили в одном гробу на кладбище Пер Лашез.

На Корсиканской набережной между корпусами Отель-Дье и Торговым судом находится Цветочный рынок, впервые открытый по распоряжению Людовика XVI 13 июня 1786 года. С тех пор этот рынок ни разу не закрывался – даже во время войн.

Тут продаются растения со всех концов света. И не только цветы – деревья, черенки кустов, семена... Обычно на цветочном рынке тихо – растения молчаливы, да и покупатели, подстать им, малоразговорчивы. Но два раза в неделю рынок становится шумным: это дни Птичьего рынка.

Такого количества чудаков, самых колоритных личностей на столь малой площади, нигде, пожалуй, нельзя увидеть. Тут спорят о птицах, с ними разговаривают, передразнивают их (а попугаи в свою очередь передразнивают передразнивающих)...

Приходится перекрикивать и ругань этих попугаев, и резкие выкрики дроздов и скворцов. Продают здесь и котят редких пород, и всяческих щенков, а однажды видел я и небольшого аллигатора...

Консьержери (Conciergerie)

Название это произошло от должности. Консьержем именовался дворянин, которому после переезда королей в Лувр было поручено управлять этим зданием (бывшим дворцом) и собирать арендную плату с владельцев лавок, мастерских и прочих, порой сомнительных заведений, снимавших помещения в здании бывшего дворца. Когда здание было превращено в тюрьму, консьерж стал собирать плату с заключенных за пользование камерами-одиночками и за прокат мебели.

Мрачное здание Консьержери вытянулось вдоль набережной Часов. Круглые башни с коническими крышами выглядят декорацией к рыцарскому роману – грозный боевой замок посреди сегодняшнего Парижа.

Отсюда отправлялся в 1189 г. в третий крестовый поход король Филипп-Август вместе со своим родичем и союзником английским королем Ричардом I Львиное Сердце. А за полтора века до того жила тут королева Франции, дочь киевского Великого князя Ярослава Мудрого Анна, жена Генриха (Анри) I, после смерти мужа – регентша при малолетнем сыне (будущем Филиппе I).

При Филиппе IV Красивом (1285-1314), прозванном «Железным королем», дворец был расширен. В нем построили Зал стражей (ок. 300 кв. м.) – сводчатое помещение в стиле ранней готики, и грандиозный Зал вооруженных площадью около 2 тыс. кв. м. Этот невероятный зал, законченный в 1315 году, имеет длину более 70 метров. Своды его держатся на 69 пилястрах и колоннах.

Из зала широкий арочный пролет выводит в дворцовую кухню, прозванную столетием позднее Кухней Св. Луи (Людовика), хотя она была построена при короле Жане Добром в 1350 г. Четыре угла кухни срезаны четырьмя каминами, в каждом из которых жарились на вертелах по два быка.

Предлагаю читателю самостоятельно высчитать, сколько гостей размещалось на королевских пирах за П-образным бесконечной длины столом в этом двухтысячеметровом зале, который тогда был одновременно и пиршественным, и тронным, и бальным: в нем, отодвинув столы к стенам, танцевали медленную торжественную павану, а в перерывах между танцами слушали пенье менестрелей под звуки арф.

Быков же для обедов этих, как и прочие припасы, доставляли по Сене на баржах и перегружали в кухню прямо через специальное окно полуподвала с блоком.

Башни Консьержери носят названия башня Часов, Бонбек, Цезарева и Серебряная. За башней Бонбек открывается проход в помещения Трибунала, где в дни якобинской диктатуры и заседал революционный трибунал.

Тюрьмой Консьержери стал вскоре после переезда первых королей династии Валуа в Лувр в 1370-х годах. Но обычно эта новая тюрьма пустовала: высокопоставленные узники содержались, как правило, в Бастилии, а тут держали воров и бродяг, которых в те времена было в тюрьмах меньше, чем благородных узников.

Из государственных преступников содержали здесь только не дворян, и то много позднее. Так, сидел здесь убийца Генриха IV Ра-

вальяк, вождь Соляного Бунта во времена Людовика XIV Мандрен и еще несколько знаменитостей.

Но в дни Робеспьера социальный состав населения тюрьмы изменился. Если еще в 1790-91 годах, в первый период революции, в огромном зале пара десятков воров играли в пятнашки или в чехарду, как пишет современник, то в 1793-м тут было помещено более тысячи человек. Рядом, в Зале стражей, находились дамы.

Достаточно было в те дни просто принадлежать к аристократии, чтобы двери Консьержери распахнулись перед вами. Но отсюда уже не выходили, а только выезжали на огромной скрипучей фуре, которая везла по мостам и набережным под улюлюканье черни к месту, где в тот день стояла гильотина. Площадей и любопытных в Париже было много, а гильотина – одна, и ее регулярно перевозили с места на место.

Список из 2780 имен обезглавленных можно увидеть на стене музея Консьержери в помещении трибунала. Вице-президент Революционного трибунала Коффиналь, бессменный судья и он же зачастую прокурор в одних и тех же «процессах», лично отправил на гильотину две тысячи из этих 2780 человек.

Кроме гильотинированных погибло прямо в тюрьме еще несколько десятков человек, когда в сентябре 1792 г. во внутренний двор ворвалась подогретая якобинцами толпа. Ворвавшиеся вытаскивали первых попавшихся узников, чтобы тут же их повесить. Стража, естественно, на помощь «врагам народа» не спешила.

Перед тем как взойти на фуру, узники, особенно женщины, обязаны были пройти через Туалетный зал. Последний «туалет» был просто особо тщательным обыском, при котором отбирались все, не отнятые во время предыдущих обысков, драгоценности («достояние Республики»), затем отбирали одежду, а женщинам остригали под корень волосы (и то и другое было «достояние господина палача, согласно решению революционного Трибунала»).

Взамен отнятой дорогой одежды осужденным выдавались холщовые балахоны. Волосы палач продавал обычно матрацным мастерам… Так что Робеспьер и его товарищи уже изобрели то, что стало при Гитлере позором середины XX века. Только масштабы еще были не те…

Эту процедуру последнего туалета прошла и королева…

ОБРАТНАЯ ПРИЧИННОСТЬ

У круглой башни Консьержери
В воде расквашены фонари.
Антуанетта глядит в окно.
Парижа нету:
В воде черно.

Тиха стихия без «высших мер»:
Листы сухие, да хрип химер.
То факел бьется, то ночь слепа…
Потом ворвется в тюрьму толпа –
Ворота – грудью в булыжный двор:
Веревки – судьи, нож – прокурор!
Жесток и жуток Париж в ночи,
И проституток ждут палачи…

Годна в кассандры любая сводня:
Причины – завтра, башку – сегодня.
Обратным шагом наш мир творится:
Из книг – бумагу,
Из фильмов – лица,
А из Адама наделать глины
Готовы яма и гильотина.

Суд? Это завтра.
А нынче – крак!
Причины? Завтра,
А нынче – так:
Судьба готова,
Привычный ход
Сквозь Гумилева
К Шенье ведет…
Ведь жизнь – козявка,
И c’est exact :
Причины завтра, сегодня – факт.

На Гревской площади
Бьет барабан,
Чернеют лошади
И шарабан.
Жесток и жуток, Париж – ничей:
Ни проституток, ни палачей…
А на бульваре висят вдвоем
Две жалких твари: Ночь и Вийон…

Кстати, камера, в которой держали Марию Антуанетту, приняла год спустя другого узника. По странной случайности им оказался сам Робеспьер, которого кинули туда раненым после переворота 9 термидора. И тем же путем на ту же гильотину вывезла его скрипучая фура из железных ворот Консьержери. При выходе из камеры бывший диктатор разбил себе лоб о притолоку двери: он забыл, что это по его же приказу притолока была специально сделана ниже роста высокой Марии-Антуанетты, «чтобы заставить гордую австриячку кланяться всякий раз при входе и выходе», как писал Робеспьер в своем декрете.

Эта, первая во Франции, государственная тюрьма была ликвидирована только в начале Первой мировой войны.

Дворец юстиции (Palais de Justice)

Здание Консьержери слито в один ансамбль с огромным, торжественным и довольно неуклюжим Дворцом юстиции.

На углу набережной и Дворцового бульвара расположена квадратная Башня часов. От нее получила свое название и Набережная

часов. Сорокаметровая башня, построенная в XIV веке, была украшена аллегорическими скульптурами Справедливости, Правосудия и прочих добродетелей, поставленными, кстати, незадолго до Варфоломеевской ночи. В 1851 году башня была капитально отреставрирована.

Собственно Дворец юстиции находится южнее и западнее башни Бонбек. Один фасад его, построенный Виоле ле Дюком в середине XIX в., выходит на площадь Дофин, а другой, главный – на Дворцовый бульвар, пересекающий Ситэ и соединяющий – через два моста – бульвар Сен-Мишель с площадью Шатле.

Главный фасад выполнил в конце XVIII века архитектор Антуан, один из законодателей архитектурных вкусов эпохи классицизма (стиль Людовика XVI). От бульвара дворец отделяет кованая решетка – одна из лучших, сделанных в то время. В правой стороне двора – величественная лестница Людовика XVI, по которой можно попасть в Купеческую галерею и в бесконечно длинный вестибюль, прозванный Залом пропадающих шагов – центральное помещение дворца.

Сожженный коммунарами в 1871 г., этот зал был восстановлен архитектором Дюком в том виде, какой имел он в XVII в. Прямо из-под аркад зала можно пройти в Золотую комнату, которая считается спальней Св. Людовика и находится в самой старой части дворца, относящейся, строго говоря, к Консьержери. Именно в этой Золотой комнате располагался в 1793 году революционный трибунал, выносивший смертные (и никакие иные) приговоры.

Королева, поэт Андре Шенье, сподвижник членов Трибунала Дантон и еще сотни известных людей были обезглавлены по приговорам, произнесенным в этой комнате.

Сожженная восемьдесят лет спустя, в дни Парижской коммуны 1871 года, комната была восстановлена все тем же Дюком в 1872-74 гг. и выглядит так, как выглядела в царствование Людовика XII (конец XV – нач. XVI вв.)

Сент-Шапель (Sainte-Chapelle, Святая Капелла)

В левом краю Парадного двора Дворца юстиции – сводчатый проход в небольшой двор, посреди которого находится Святая капелла.

Шпиль Sainte-Chapelle

Св. Людовик приказал построить эту капеллу в 1239 г. специально для того, чтобы поместить в ней одну из величайших реликвий – терновый венец, которым некогда тетрарх Галилеи и Пиреи Ирод Антиппа издевательски увенчал приведенного к нему для суда Христа.

Венец этот купил Людовик, возвращаясь из очередного крестового похода, у византийского императора Бодуэна Второго. Позднее реликвия была передана в сокровищницу собора Нотр-Дам.

Сохранился авторский чертеж капеллы (зодчий – Пьер де Монтрей, 1241 г).

В 1248 году церковь освятили. В 1630 году она сгорела, но вскоре была восстановлена по первоначальным чертежам, а в 1793 году ее начали было ломать по указу якобинского Конвента, но не доломали, и в конце двадцатых годов XIX в. ее снова восстановили.

Время царствования Луи-Филиппа, «самого буржуазного из королей» (1830-1848), было временем наивысшего подъема романтизма во Франции, как, впрочем, и во всей Европе. Интерес к средним векам во всей культуре, от поэзии до архитектуры, был одним из определяющих настроений эпохи. Реставрация и капеллы и собора Нотр-Дам по все тем же чертежам XIII в. была завершена архитекторами Виоле ле Дюком и Дубаном. Вообще за эти 18 лет правления Луи-Филиппа, когда в управлении Францией участвовали П. Мериме, В. Гюго и многие иные интеллектуалы первой половины столетия, было отреставрировано столько старинных зданий, сколько потом за всю историю страны до наших дней!

Нет, наверное, во всей Европе больше такой готической церкви, которая вся состоит почти из одних витражей. Словно бы конструкции, при всем изяществе их каменной резьбы – только рамы для этого праздника сверкающих прозрачных красок!

Над нижней капеллой цокольного этажа, довольно темной, как бы заключенной в фундамент, высится сорокаметровая верхняя, даже в пасмурный день пронизанная светом всех оттенков. Более половины сцен на витражах – подлинники, сохранившиеся с XIII в.

Три центральных витража посвящены последовательно Иоанну Богослову, Христу и Иоанну Крестителю, все остальные – сценам из Ветхого Завета, кроме первого справа от центральных: на нем изображена история реликвии, которой посвящена капелла. Тут, в частности, можно увидеть Св. Людовика, его брата короля Сицилии Робера и королеву Бланш Кастильскую.

СЕНТ-ШАПЕЛЬ

Витражи, витражи, витражи -
Пестрый хаос людей и вещей -
Дай увидеть прозрачную жизнь
Сквозь безумие алых плащей.

Закружи, закружи, закружи
В голубом и зеленом огне –
Отличить бы искусство от лжи
На прозрачной, неверной стене.

Расскажи, расскажи, расскажи -
Как прошел он, тот сумрачный год,
Как сбылось, что остался он жив
И окончил крестовый поход?

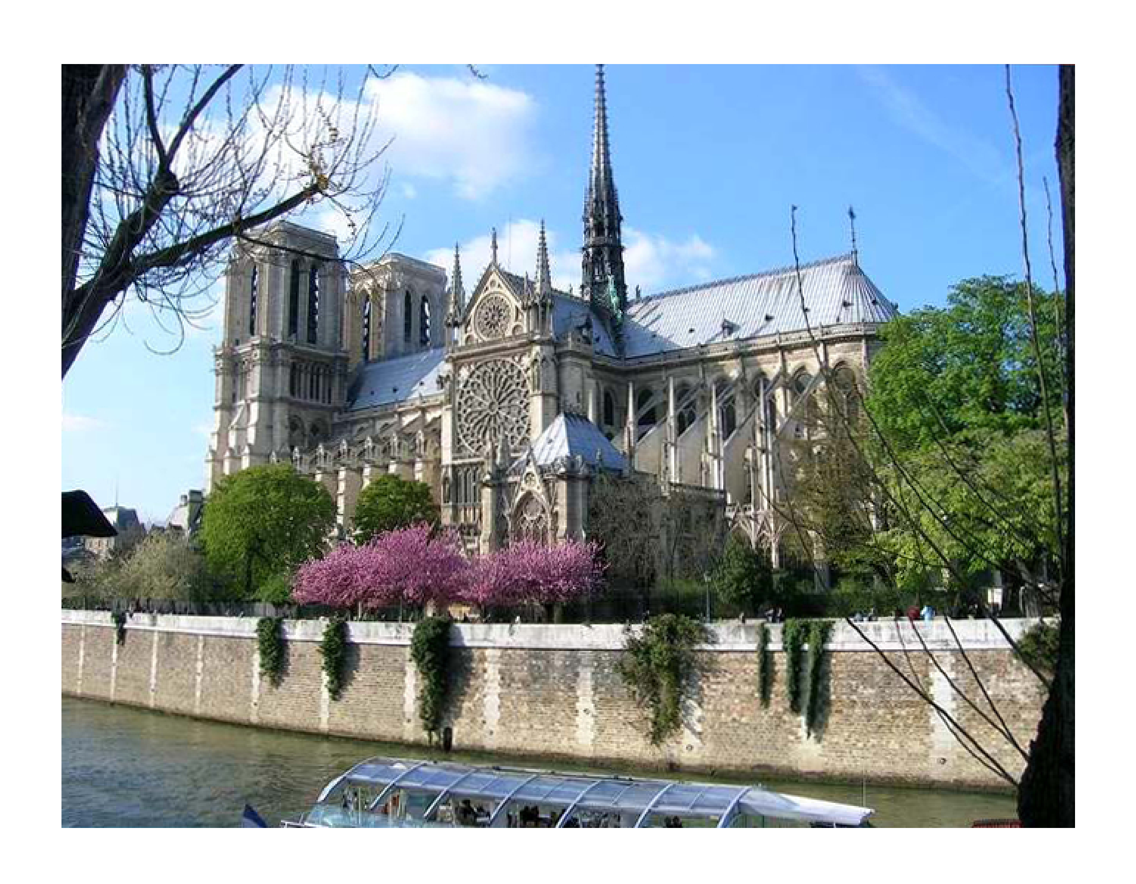
Удержи, удержи, удержи
Скакуна своего на краю!
Отчего до сих пор он дрожит,
Как тогда, в той пустыне, в бою?

В хаотическом беге огней
Пестрых солнечных бликов ножи -
И неверья и веры сильней
Витражи, витражи, витражи…

Нотр-Дам (Notre-Dame de Paris, Собор Парижской Богоматери)

«Восемь веков, как здесь заключена частица – и немалая – души всей Франции»,–писал о соборе Владимир Дормессон, председатель комитета по празднованию восьмисотлетия Нотр-Дам. И верно – едва ли хоть одна страница французской истории не связана с этим всемирно известным собором.

Еще во время римского владычества тут располагался алтарь Юпитера. У этого алтаря в 360 г. легионеры провозгласили императором Рима военачальника Юлиана, позднее прозванного Отступником за его попытку вернуть Империю в язычество.

НА МЕСТЕ НОТР-ДАМ…

«Здесь римский полководец Юлиан был провозглашен императором; позднее он был прозван Отступником за то, что он отказался от христианства, уже основательно тогда утвердившегося в Риме, и на период своего правления вернул Империи всех античных богов»

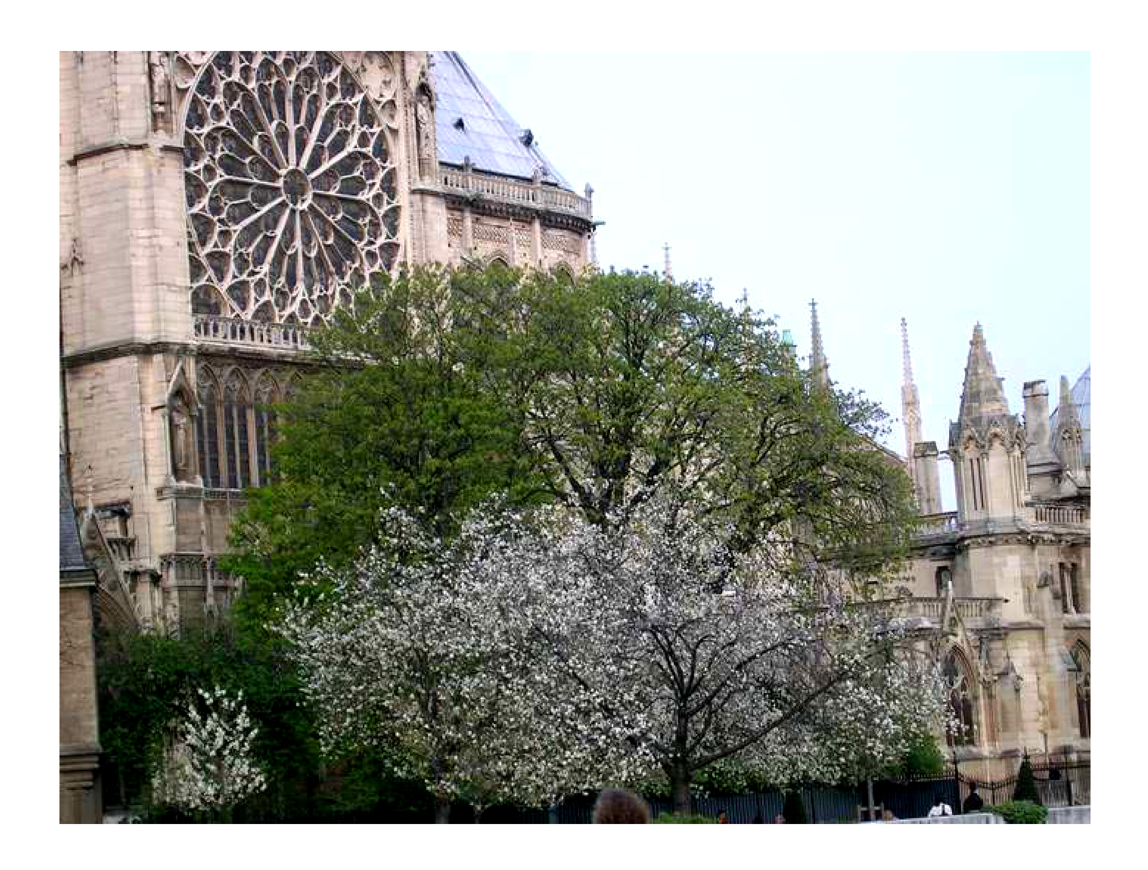
Хроники Парижа.

Солдатская латынь бродяги Юлиана
Звучала тут, где чуть не тыщу лет спустя
Вознесся каменный готический костяк
Во славу Одного небесного тирана.
А Юлиан вернул богов и пренебрег,
Единым Господом – хоть был он император,
Ведь чтоб вернуть Олимп стать надо демократом:
Тоталитарный дух и есть единый Бог!

Как возвратить тот мир, где не сочтешь дриад? –
У каждой признаки и право божества –
И козлоногий Пан не лезет править морем,

И пьяный Дионис не посещает ад, –
Зато божественны хоть ветер, хоть трава,
Не верящие в бред о монопольном вздоре...

Второй раз полторы тысячи лет спустя на том же месте, но уже в соборе Парижской Богоматери, был провозглашен императором Наполеон Бонапарт.

В раннее средневековье было тут на острове несколько церковок, сменявших одна другую. В 1163 году архиепископ Морис де Сюлли получил благословение Папы римского Александра III на строительство собора Парижской Богоматери, несмотря на резкое возражение против строительства со стороны одного из епископов (впоследствии Св. Бернара), заявившего, что не время строить, когда бедняки голодают.

Однако почтенный епископ немало усилий приложил к тому, чтобы собрать значительные суммы на крестовый поход, и тут уже не было никаких речей о голодающих бедняках! Но папа сам и положил первый камень в фундамент Собора (именно этот папа завещал свое сердце древнейшей из парижских церквей – Сен-Жермен-де-Пре).

Главными создателями собора Нотр-Дам считаются два архитектора – Жан де Шель (работавший с 1250 по 1265 гг.) и гениальный новатор в готике, создатель Св. Капеллы, Пьер де Монтрей, завершивший главные работы, которые определили облик собора, хотя отпущено было зодчему на этот последний его труд всего два года. Он умер в 1267 г.

Строительство, однако, начато было задолго до обоих этих архитекторов – как сказано выше, в 1163 г. Но нам неизвестны имена зодчих ни первого периода строительства (1163–1182), когда была возведена восточная часть собора и освящен алтарь, ни второго (1180–1220), когда был завершен западный фасад с тремя дверями.

Жан де Шель и Пьер де Монтрей изменили пропорции собора, удлинив его и переделав фасады. Известно еще, что позднее достройками занимались поочередно Пьер де Шель, Жан Рави и Раймон

де Тампль, но они не внесли ничего нового в общий облик собора, только изменили несколько форму аркбутанов, поддерживающих снаружи верхнюю галерею, и обогатили внутреннюю отделку.

Если перечислять имена всех архитекторов, художников, витражистов, скульпторов, принимавших участие в создании собора, – не хватит и целой страницы. Кроме того, множество первоклассных мастеров, особенно раннего периода строительства, вообще не оставили нам своих имен.

В отличие от античности и родственного ей Ренессанса, Средние века не ценили индивидуальность, и авторство было просто не в обычае времени. Да и строились все эти грандиозные соборы веками, так что создатели их не надеялись увидеть свои творения завершенными, что не уменьшало их преданности своему творчеству.

СОБОР

…Творение безымянное и коллективное…
Лишь готическое искусство в своем
аскетизме по-настоящему пессимистично.

Томас Манн. «Волшебная гора»

…И с неба падает вода
В готические города
На трехэтажные фасады
С крестами балок меж камней,
И шесть веков скрипят с надсады
Под грузом крыш, страстей и дней;

Смывают шорохи дождей
Забытый цокот лошадей,
И улица узка…
Но небо разодрав, над ней
Ввинтились шпили в облака –

Взлетать, взлетать, и не взлететь…
И каждый ярус – поколенье.
И не дожить до завершенья,
Недотесать, недопотеть…

Одним сутулым аркбутанам
Глядеть на плиты площадей
Легко…
За сумраком дверей
У стен с крутящимся туманом
Среди стволов колонных рощ
Струятся трубы над органом –
Блеск вертикален, словно дождь.

И взлетом желтых капель дышат
В тумане свечи, и хорал
Все глуше, все плавней, все тише,
Как будто музыкант устал.

Сам Бог устал за те века
Чертеж держать над облаками
И терпеливо ждать, пока
Вручную окрыляют камень,
И с неба падает вода
В безвозрастные города.

А Бог устал…

Человек средневековья – не только «темных веков», но и классического средневековья (X – XIII вв., если говорить о Франции) не осознавал еще сверхценность и единственность личности, хотя персоналистический взгляд на мир и был одним из тех решающих факторов, которые обеспечили когда-то торжество христианства над античными философиями и религиями (даже над монотеистическим, но по-восточному недооценившим персоналистичность, митраизмом).

Строительство собора к 1250 году в основном было завершено, а в 1315 закончена и внутренняя отделка. Но еще в 1302 году под этими сводами собрались впервые Генеральные штаты – первый парламент Франции.

На одном из камней на стене Собора оставил свою студенческую молитву племянник каноника Гийома, гроза кабаков Латинского квартала, один из крупнейших поэтов Франции, Франсуа Вийон.

В дни Столетней войны, когда принц Шарль Орлеанский много лет жил в английском плену, он посвящал собору свои изящные сонеты.

Здесь отслужил благодарственный молебен Карл Седьмой, коронованный в Реймсе, куда привела его Жанна д'Арк, вскоре после того сожженная на базарной площади Руана в 1431 году.

А полтора века спустя после этого события, состоялась тут одна из самых странных свадеб в истории: Генрих Четвертый, который не был еще Четвертым, а всего лишь королем крохотной Наварры, женился на сестре французского короля Маргарите (Марго) Валуа.

Невеста стояла перед алтарем, а жених, который был гугенотом, оставался на паперти. Это значительно позднее произнес он свои знаменитые слова «Париж стоит мессы». Слова, которые многими расцениваются как верх цинизма, принесли, однако, стране окончание жестоких междоусобных религиозных войн.

Настал конец XVIII века, и якобинский Конвент по-своему подошел к истории страны и ее реликвиям. Одним из первых декретов было объявлено, что если парижане не хотят, чтобы «твердыня мракобесия была снесена», то они должны собрать огромную сумму денег и уплатить Конвенту «на нужды всех революций, какие еще произойдут с нашей помощью в других странах».

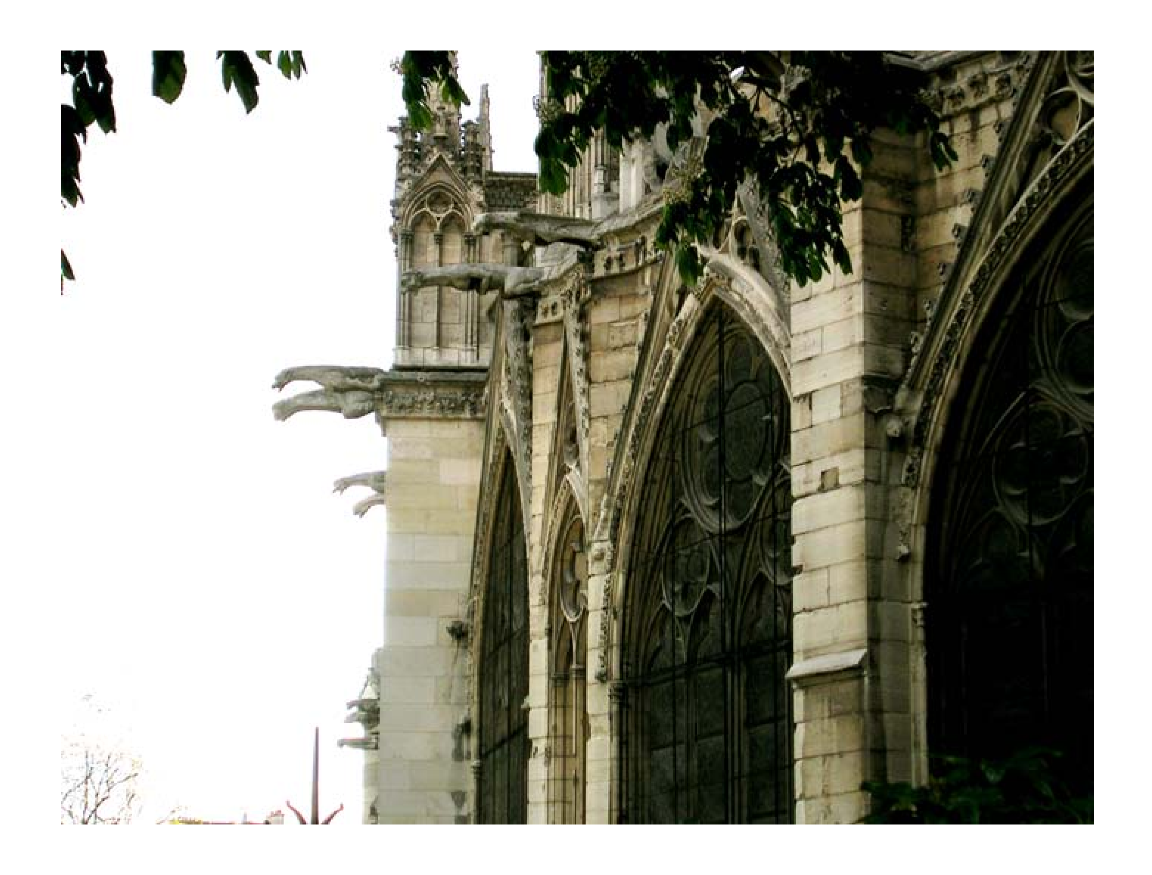
Итак, деньги с парижан были взяты, а собор, не возвращенный городу, был объявлен Храмом разума. Затем, в июле 1793 г., Конвент объявил, что «все эмблемы всех царств должны быть стерты с лица земли», и Робеспьер лично распорядился обезглавить «каменных королей, украшающих церкви». То, что были это цари иудейские, не остановило просвещенную революционную власть – якобинцы думали, что это все короли Франции...

Колокола были перелиты на пушки «для всемирной революции», а свинцовые гробы епископов, захороненных в соборе, пошли на пули и картечь. Затем Конвент все же решил собор продать, и Сен-Симон хотел было уже его выкупить, но после термидорианского переворота и казни Робеспьера все церкви были возвращены приходам. Однако, всю первую четверть XIX века, несмотря на грандиозные строительные работы наполеоновского периода по всей столице, Собор находился в плачевном состоянии.

В 1831 году, сразу после вступления на престол Луи-Филиппа Орлеанского, Виктор Гюго опубликовал свой знаменитый роман «Собор Парижской Богоматери». В предисловии он писал: «Одна из главных целей моих – вдохновить нацию любовью к нашей архитектуре». С тех пор – и не только для французов – образ собора связан с персонажами романа. Когда ветер воет в балюстрадах, и химеры с ним в унисон – кажется, что в этих звуках прячутся стоны

Квазимодо, а среди молодых голосов на площади затерялся звонкий голосок Эсмеральды...

В 1832 году Палата депутатов создала Комиссию по реставрации собора. В нее был, разумеется, включен и Гюго. Работы были поручены еще совсем молодому архитектору Виоле ле Дюку. Завершились они в 1864 году. Статуи царей иудейских были выполнены заново. Был сделан впервые, но по старым эскизам и металлический кружевного рисунка шпиль. А среди апостолов, чьи статуи были поставлены тогда же на нисходящих коньках кровли, один, а именно скептик Фома, смотрит не вниз, а вверх, на шпиль, и лицо его – скульптурный портрет самого Виоле ле Дюка.

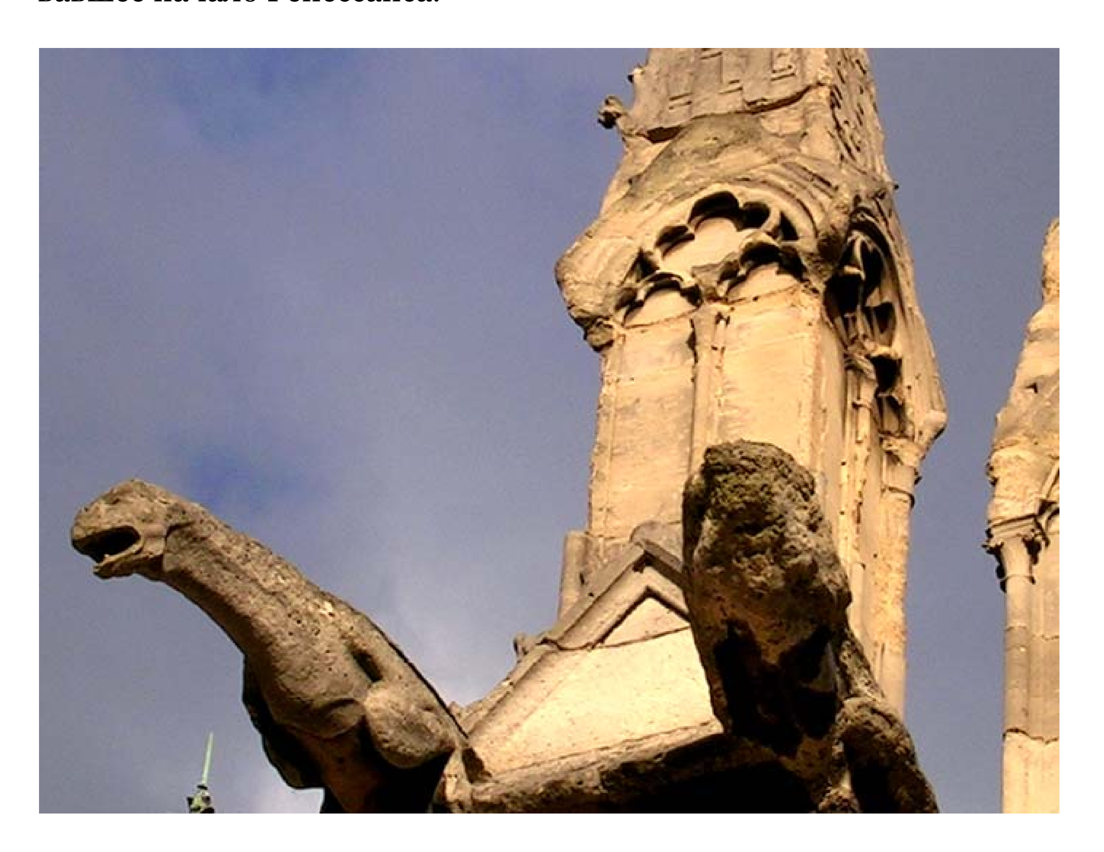

Подлинники статуй царей иудейских нашлись, однако, в 1978 году в подвалах Французского банка внешней торговли. Во время каких-то работ было обнаружено 364 обломка с фасадов Нотр-Дам, в том числе все головы. Видимо, двести лет тому назад кто-то, не испугавшись якобинского Комитета общественной безопасности, увез эти головы за три километра от собора в надежде на лучшие времена.

Теперь все эти фрагменты находятся в экспозиции Музея Клюни.

Со строительством Собора связано множество преданий, не вполне укладывающихся в рамки церковного канона. Так, есть легенда, что замки на дверях, представлявшие чудо слесарного искусства, мастер Бискорне сделал не сам, а с помощью дьявола.

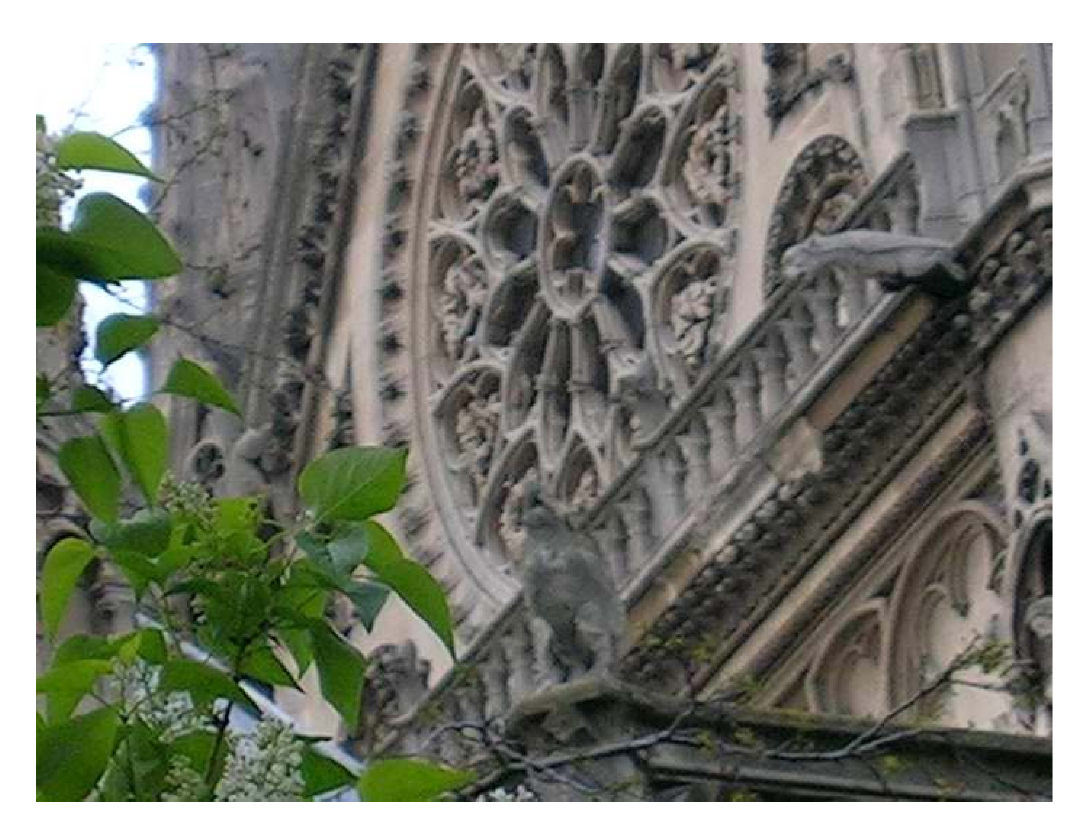
Нотр-Дам – последний из готических соборов во Франции, завершивший тот стиль, который начался с базилики Сен-Дени и англонорманнских раннеготических церквей. Наступало время пламенной готики, а вскоре за ним – и обращения к античности, знаменовавшее начало Ренессанса.

Но в отличие от большей части готических построек позднего средневековья, есть в этом соборе детали, необъяснимые с точки зрения католического канона. Сторонники эзотерических учений всех времен, от масонов («Вольные каменщики») и компаньонов («Общество плотников – мастеров стропил») вплоть до антропософов начала XX в., считают собор чем-то вроде иероглифической книги, читать которую могут лишь посвященные.

И поныне выходят книги, претендующие на то, что авторы их «нашли потерянное Слово».

Известно, например, что алхимики позднего средневековья назначали друг другу встречи у правого входа (двери Св. Анны), причем один из них всегда был во фригийском колпаке и указывал путь к статуе Алхимика, запрятанной среди химер на галерее второго яруса...

Далее: знаки зодиака на большой Розе (над входом) и скульптурные на левой двери («дверь Девы Марии») – начинаются не со знака Овна, что соответствовало бы традиции западной астрологии, а со знака Рыб, что обычно для астрологии индийской. Рыбы там – символ связи души индивидуальной с Душой мира, а в поздней греческой эзотерике орфиков рыбы – знак Афродиты-Венеры-Изиды. Ее же лунный цикл подхвачен галереей царей иудейских: в истории их было 19, а тут – 28 скульптур, что соответствует числу дней в лунном месяце.

Наконец – цвета на витражах тоже порой далеки от традиционно христианских. Так, в центре Розы Дева Мария изображена в красном плаще и зеленой одежде под ним, тогда как ее традиционный цвет – голубой. Интересно, что по масонской традиции помещение в храме, где посвящают в ранг «Кавалера Востока и Меча» – пятнадцатую степень – разделено на красную и зеленую половины... Это

необычное отступление от канона может быть, наверное, объяснено и без масонов, но пока иных объяснений нет.

Впрочем, порой открываются странности и вполне объяснимые. В 1711 году рабочие, пробивавшие стену для устройства захоронения, нашли шесть тесаных камней с барельефами и латинскими текстами. Как оказалось, барельефы, изображающие разных античных богов, взяты были из разобранного алтаря Юпитера. Среди изображений богов есть и портрет самого императора Тиберия, который правил Римской империей с 14 по 37 г. Судя по надписи «Тиберию, Цезарю Благословенному и Юпитеру – Великая корпорация паризийских лодочников», алтарь Юпитера, воплощением коего официально считался император, был воздвигнут в начале I века лодочниками, перевозившими товары и пассажиров по Сене от Сенона (Мелюн, Melun) до Ротомагуса (Руан). Интересно, что среди римских божеств на барельефах алтаря встречаются и чисто галльские, такие как Тарв, Сернун, Эсс – это вполне в духе политики Тиберия, включавшего в сонм римских богов многие божества завоеванных и присоединенных к империи стран.

С башен Собора и с галереи между ними открывается вид на Париж. И хотя площадка на Эйфелевой башне или на монпарнасском небоскребе намного выше, чем галерея Нотр-Дам, но они слишком уж

высоки, чтобы увидеть живой город. Если правы античные философы, утверждавшие, что человек – мера всех вещей, то высота Собора – 69 метров до верхушек башен – как раз такова, чтобы с нее видно было достаточно, и вместе с тем не с птичьего полета, который мало дает человеческому глазу. Сорок ростов среднего человека средних веков – наилучшая высота для обозрения.

Архиепископ парижский Морис Фельтен писал: «Какие важнейшие события не отозвались эхом под этими сводами? Какая власть, королевская, республиканская или имперская здесь не упоминалась? Тут расцветает история Франции, ее беды и ее слава».

Сквер Иоанна XXIII за собором

Остров Сен-Луи (Île Saint-Louis, остров Св. Людовика)

Остров этот расположен рядом с Ситэ, выше по течению Сены. Когда-то были тут два островка, но при Людовике XIII проток между островками засыпали, и разом застроили этот новый остров. Вот так и живет он поныне, как жил в XVII в. Застроен он был всего за полвека – с 1614 г, когда король положил тут первый камень первой постройки, и до 1664 г., когда был завершен последний особняк.

Тогда же был выстроен и первый мост, ведущий на остров – Пон-Мари.

Назвали его так в честь архитектора, руководившего всей застройкой – Кристофа Мари, а вовсе не в честь королевы Марии Медичи, матери Людовика, с которой сын был в это время в ссоре настолько, что она даже покинула пределы Франции впервые после смерти своего мужа, Генриха IV. Ссору матери с сыном всячески

раздувал властный кардинал Ришелье, которого король, как известно, слушался во всем. После К. Мари работами тут руководили Жан ле Гранж и архитектор Ле Во.

Единственное изменение, какому с тех пор подвергся остров, – расширение улицы Двух Мостов (1913 г.), у которой была снесена полностью одна сторона. Только тут и есть постройки нового времени. Весь остальной остров почти не изменился за триста с лишним лет.

Даже обычная привычка парижан все переименовывать не властна на острове Сен-Луи. Орлеанская, Бурбонская, Анжуйская набережные, улица Св. Людовика – все эти названия остались от XVII в. (те неполные два года, когда они носили громкие революционные имена, данные якобинским Конвентом, можно ведь и не считать).

Только улица «Безглавой женщины» стала улицей имени архитектора Ле Регратье, построившего значительную часть особняков. Да и то изменили название лишь тогда, когда выяснилось, что статуя с отбитой головой на угловом доме переулка вовсе не женщину изображала, а св. Николая.

И если древний остров Ситэ все же район сегодняшнего Парижа, то Сен-Луи намного моложе, а выглядит куда древней!

В конце XVI в., во времена Варфоломеевской ночи, тут, на тогдашнем Коровьем островке, паслись стада, и единственными посетителями были дворяне-дуэлянты. В эпоху религиозных войн дуэлей тут бывало ежедневно не менее десятка.

Только лет шестьдесят спустя вышел закон, изданный премьер-министром кардиналом, запретивший дуэли под страхом смертной казни, хотя, как мы знаем из «Трех мушкетеров», собственные гвардейцы кардинала, которые должны были арестовывать бретеров, и сами непрочь были скрестить шпаги с кем только удавалось. И остров продолжали усердно посещать дворяне, прятавшиеся от всевидящего кардинала, чтобы спокойно подраться.

Провинцией посреди Парижа назвал остров писатель Р. Лекуэр: «У него свое лицо, свой духовный климат, и время не утопило эту деревню в своем потоке, как сделало оно с районами и более древними, и с иными более новыми».

Старинный Париж тут чувствуется более непосредственно, чем во многих других районах, где постройки средневековья и ренессансные перемешаны с наполеоновскими или современными. А тут все

пропитано духом старины, который не выветрился ни из стен, ни из деревьев.

По набережным торчат над парапетами верхушки тополей, растущих на уровне реки. От корней до края парапета не менее шести метров. Узкий, как двуносая лодка, обрамленный зеленью, плывет этот остров... Деревня с шестью тысячами жителей среди мировой столицы.

Особняки – по всем набережным, а на единственной продольной улице острова – лавочки, кабачки, галереи... И если вы полвека ходите к одному и тому же мяснику или торговцу сырами, то естественно, что он, как в настоящей деревне, знает всю историю вашего семейства, да и вообще в курсе дел хоть ваших, хоть соседских.

Островитяне ревниво оберегают не просто старину, а некую не сразу заметную для посторонних старинность своего уклада жизни: вот в переулке странная мастерская, где гладят белье чугунными утюгами с горящими в них углями, вот последний, наверное, в Париже зеленщик со своей тележкой – он по именам выкликает, проходя, своих постоянных покупателей. А в кабачке «Свидание моряков» мясо жарят на решетках только над березовыми углями. Нет на острове ни станции метро, ни кинотеатра, ни даже отделения полиции.

Зато есть знаменитый на всю Европу «Дом Бертийона», чье мороженое продается повсюду на острове, но в других районах Парижа – только в нескольких избранных кафе.

Одна улица вдоль, шесть переулков поперек, да четыре набережных – вот и весь Сен-Луи. Но всех живших тут знаменитостей – не перечислить. Вот с четвертого этажа выглянет сейчас художник Онорэ Домье, выискивая очередную жертву для своего беспощадного карандаша. Не только разных министров и прочих известных людей дразнит карикатурист – нередко и своих соседей. Он знает, что тут уж точно никто не обидится, а робко попросят показать, и узнав себя и своих приятелей, долго будут хохотать, обсуждая и портрет, и оригинал в нескольких кафе острова.

А из дворца Лозен – трехэтажного ренессансного здания с темным фасадом и золочеными решетками балконов, построенного знаменитым ле Во, – выходит на набережную хмурый, с помятым лицом, не по годам постаревший Шарль Бодлер. Живет он, конечно, не в роскошных залах второго парадного этажа. Маленькую квартирку на самом верху предоставил поэту владелец Лозена, известный библиофил и меценат Жером Пишона, который купил этот дворец в 1842 году и поселил тут нескольких поэтов, писателей, художников. Жили тут, в частности, Теофиль Готье, автор и поныне знаменитого

романа «Капитан Фракасс», художник Фернан Буссар, и многие еще... Тут и написал Бодлер большую часть «Цветов зла».

Часами бродил поэт по набережным острова, «выхаживая» стихи, но как истый островитянин, далеко не каждый день бывал «в городе» (чаще всего – на левом берегу, в Латинском квартале, где в нескольких кафе вокруг Сорбонны и на бульваре Сен-Мишель собиралась парижская богема XIX века).

А в переулке «Безглавой женщины» поселил Бодлер свою «Черную Венеру» – вскоре после того, как познакомился с ней за кулисами Малого Пантеонского театра. Ей посвящены самые жуткие, антиэстетичные, но и самые лиричные из стихов Бодлера. Прекрасная негритянка, талантливая актриса, изменявшая поэту на каждом шагу – почти всегда с юными женщинами – Жанна Дюваль – самый жгучий из всех его цветов зла...

Но об этой многолетней связи поэта, о женщине, которой посвящены лучшие его стихи, мы знаем очень мало. Даже близкий друг Бодлера, изобретатель фотографии Надар, писал, что знает о Жанне меньше, чем о мадам Сабатье, которая многие годы любила Бодлера и называла его не иначе, как «мой скот», ревнуя к таинственной

негритянке, смотреть которую во всех ее ролях аккуратно ходила, покупая самый дорогой билет в первом ряду партера.

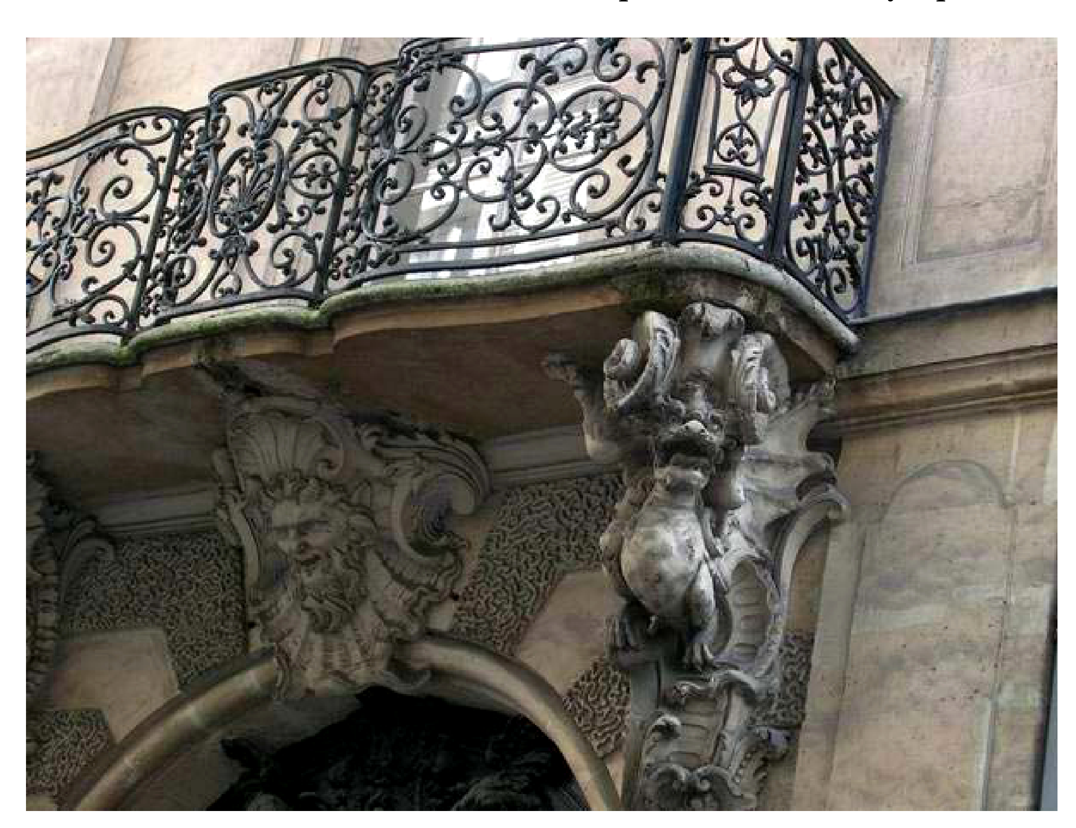
Более чем за полвека до Бодлера появился на острове писатель, ставший еще накануне революции 1789-94 гг. легендой Парижа. Звали его Ретиф де ля Бретон. Хотя он жил не здесь, но встречали его на Сен-Луи чаще, чем иных островитян. В те безумные годы бродила по острову длинная, похожая на Дон-Кихота, фигура в плаще до пят. «Этот Остров – некрополь моей памяти» – такую надпись вырезал ножом Ретиф де ля Бретон на каменном парапете. Но эта надпись была последней в ряду множества других текстов, вырезанных им...

Еще в 1769 году он оставил тут первую надпись. Возвращаясь как-то поздно к себе через остров на левый берег, он обнаружил, что потерял ключи от дома. Бродя по набережным, Ретиф и решил вырезать первую свою надпись под аркой моста. Это были две даты: 8 и 14 сентября. В этот короткий промежуток возник, взлетел и умер его эфемерный роман с Викторией д'Орневаль, которую с тех пор Ретиф больше никогда не видел. Но в течение четверти века начинал он свое утро с того, что приходил сюда, на улицу Сентонь. Каменные парапеты острова он превратил в свой дневник. Уже под старость, заметив, что надписи не вечны, и не желая, чтобы выветрилась (в бук-

вальном смысле выветрилась) эта память, он переписал все в тетрадь. Из нее и получился знаменитый дневник Ретифа де ля Бретона. На титуле книги под названием «Парижские ночи» изображен сам автор в неизменном длинном плаще и с совой, сидящей на его широкополой шляпе. «Ночной зритель», как прозвал писатель свою сову.

Когда он умер в 1806 году, похоронная процессия была по тем временам невероятной: более двух тысяч человек. Среди них президент Судебной палаты, ректор Сорбонны, графиня Богарнэ, десятки владельцев винных лавок со всех концов Парижа, множество лодочников и строительных рабочих, одна из последних подруг писателя Маленькая Сара и почти все парижские проститутки.

Дома на острове сложены из огромных, грубо отесанных камней. Потолки поддерживаются темными от времени, иногда лакированными, дубовыми балками. В некоторых особняках балки расписаны цветочными орнаментами, и вечерами, сквозь незавешенные окна, видны на потолках зеленые или красные с золотом узоры.

Со старинных балок дворца Лозен свисают огромные хрустальные люстры стиля барокко, которые кажутся каким-то модерном на фоне расписных потолков мушкетерских времен.

В этом дворце Лозен, который был куплен городским муниципалитетом в 1899 году, устраиваются торжественные приемы именитых гостей Парижа. Так, в один из приездов английской королевы, на набережной прямо через парапет были поставлены сходни со ступеньками, и старинная расписная барка подвезла Елизавету Вторую со свитой к парадному входу дворца.

Этот живописный и церемонный спектакль напомнил мне, как парижане обошлись с другой королевой – своей собственной – двести лет тому назад…

На многих домах – мемориальные доски, вкратце сообщающие о чинах и заслугах первых владельцев. На иных зданиях, впрочем, не только мемориальные. Так в особняке, где размещалось в XVII в. руководство Цеха булочников, рядом с мемориальной доской прибита другая, извещающая о том, что тут теперь находится профсоюз все тех же булочников.

Из зданий на острове, кроме Лозена, достойны внимания дворец Шенизо (перестроенный архитектором Пьером де Виньи в 1726 г.), церковь Св. Людовика – одна из немногих в Париже церковных построек в стиле барокко, а также дворец Ламбер, напоминающий прежде всего о связи острова Сен-Луи с польской культурой.

После поражения польского восстания 1831 года, князь Адам Чарторыйский, вынужденный эмигрировать, ибо в дни восстания он был избран президентом Польской республики, просуществовавшей считанные дни, купил в Париже на острове Сен-Луи обширный дворец Ламбер.

(Это – тот самый Адам Чарторыйский, «почти что первый министр России», как называл его Адам Мицкевич, тот самый «князь Адам» – наряду с Михаилом Сперанским главный вдохновитель реформ в России, на которые как русские, так и поляки возлагали огромные надежды во время «дней александровых прекрасного начала». Реформы окончились, как известно, ничем: Александр I, после 1812 г. удалил от себя весь «кружок молодых друзей» и приблизил Аракчеева…)

В этом огромном доме Чарторыйский поселил почти всех известных деятелей польской культуры того времени. Жил там и великий польский поэт Адам Мицкевич, который был тогда профессором литературы в «Коллеж де Франс». А Фредерик Шопен был учителем музыки дочери Чарторыйских.

...Иное дело - улочки в Марэ:
Дворцы - принцессами в ослиной коже.
И остров Сен-Луи в густой заре,
Где жил Бодлер, и я столетьем позже...

Адам и Анна Чарторыйские материально поддерживали множество художников, писателей и музыкантов. В залах Ламбера часто бывали концерты и литературные вечера не только для поляков-эмигрантов, но и для парижской публики. Часто тут играл Шопен и читал стихи Мицкевич.

В 1838 году по инициативе князя Адама в двух шагах от дворца была создана усилиями всей польской эмиграции Польская библиотека, которая и сегодня располагается в доме 6 по Орлеанской набережной, купленном для этой цели Чарторыйским. В особняке этом, кроме библиотеки, расположен салон Шопена, а также музей Мицкевича, созданный тут при содействии польской общественности и правительства в 1903 году.

На острове уже в наше время жили: поэт Андрэ Бретон, скульптор Камилла Клодель, президент Франции и филолог, составитель од-

ной из лучших антологий французской поэзии, Жорж Помпиду, вулканолог Гарун Тазиев...

Среди легенд острова есть и такая невеселая история. В конце XVIII века в день какого-то церковного праздника на узком мосту между островами Ситэ и Сен-Луи столкнулись две процессии. Ни монахи из Нотр-Дам, ни монахи из монастыря Св. Людовика, так же как, впрочем, и прихожане обоих храмов, не захотели уступить дорогу встречной процессии. Дошло до драки. Несколько монахов утонули.

С тех пор за два века мост не раз обрушивался (в последний раз - уже после Второй мировой войны). Вот уже полвека, как ездить по нему вообще запрещено – солидные тумбы с цепями закрывают въезд на него с обоих берегов. Даже мотоциклисты, которым цепи не помеха, все же побаиваются: а вдруг правы старожилы, утверждающие, что мост стоит, только пока по нему смиренно ходят пешком, ибо «пустая гордыня погубила тут некогда нескольких монахов».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАРЭ (LE MARAIS)

Марэ в истории. Старая ул. Храма, ул. Сент-Антуан, дворец Сюлли, пл. Вогезов, собор Сен-Поль–Сен-Луи, ул. Архивов, дворец Карнавале, дворец Ламуаньон. По следу королевы Марго. Церковь Сен-Жерве, ул. Барр, фестивали Марэ.

Марэ – это Париж позднего Средневековья и Возрождения. Марэ – место для настоящих любителей архитектуры и истории, которые бродят тут пешком, заглядывая во все подворотни, в какие можно и в какие нельзя...

Само слово «марэ» (marais) означает «болото». Район этот располагается на низком берегу, в средние века действительно сильно заболоченном. Эта часть старинного города сохранилась довольно хорошо, несмотря на то, что в течение 150 лет, после разорения якобинцами, Марэ, «гнездо аристократии», было заброшено. Во второй половине XIX века многие улицы подверглись варварским

переделкам: какие-то фабрички с жестяными трубами вселялись в особняки ренессанса и барокко.

Только в 60-х годах XX столетия Андрэ Мальро, философ, знаменитый критик и историк искусства, ставший на довольно долгий период министром культуры Франции, провел гигантские работы по восстановлению этого района. В результате, реставрация Марэ привела к тому, что за какие-то двадцать лет тут сменилось и население. Трущобы, таившиеся почти двести лет в особняках XVI – XVIII в.в., уступили место дорогому и комфортабельному жилью, а фасады снова заблистали возрожденным Возрождением. Грязноватые лавчонки сменились дорогими антикварными магазинами, разместившимися в тех же тесных, но роскошных зданиях...

Все эти перемены произошли на моих глазах – за период с 1973 по 1983 год. Но зато квартал потерял свою таинственность, живописность, свойственную «дворам чудес» (как иронически называли в старом Париже сомнительные кварталы) и стал «районом-музеем». Марэ как бы прячется на пространстве размером около двух квадратных километров между плато Бобур на востоке и площадью Бастилии на западе. С юга его ограничивает Сена, а с севера – бульвар Тампль и площадь Республики.

В конце IV в. «на Болоте» была одна церковка, да несколько скромных деревенских домов. Только в конце XII века тут, за городской стеной (стена Филиппа-Августа, построенная после 1190 г.), обосновалось приорство (Командерия) могучего Ордена тамплиеров (рыцарей Храма), которые, вернувшись с немалыми богатствами из крестовых походов, стали эти богатства активно растить путем разных – не всегда чистых – международных финансовых операций (подробно об Ордене см. ниже – «Старая улица Храма»).

Вокруг стен приорства раскинулись возделанные поля, тут стали в XIII в. селиться ремесленники и торговцы. Тогда же неподалеку обосновался брат Святого Людовика, герцог Карл Анжуйский, король Сицилии и Неаполя. Одна из главных улиц Марэ и поныне носит название «улица короля Сицилии».

При короле Карле V, переселившемся сюда с острова Ситэ, был построен рядом с его временным дворцом, называвшемся Сен-Поль, великолепный особняк-замок архиепископа Санского. Неподалеку находится и самый, наверное, прекрасный и гармоничный из дворцов французского ренессанса – дворец Карнавале, где размещен теперь Музей истории Парижа.

Сегодняшний облик Марэ определила одна из самых бурных эпох в истории: конец XVI – первое десятилетие XVII веков. «На рассвете Великого Века просвещенная воля Генриха IV дала Марэ новый взлет», – пишет искусствовед Венсан Буве.

Сказав в 1593 году знаменитую фразу «Париж стоит мессы» и перейдя в католичество, Веселый король вступил в столицу, а 13 апреля 1598 г. вовсе покончил с религиозными войнами в стране, подписав Нантский Эдикт, давший протестантам равные с католиками права. Так успокоив и объединив страну, Генрих принялся за грандиозную работу по планомерному – впервые в истории – строительству Парижа. «Я все же сделаю из этого города чудо света», – похвастался король и во многом оправдал свои слова. Но поскольку царствовал он всего 16 лет (с 1594 по 1610), то трудно судить, что сделал бы он, если бы прожил дольше... Во всяком случае, король этот и поныне весьма популярная личность и фольклорный герой.

Лев Толстой в самом конце «Войны и мира» приводит строки из народной песни об этом короле, которую поет Морель, денщик пленного французского офицера:

Vive Henri Quatre,
Vive ce roi vaillant!
Ce diable à quatre
Qui eut le triple talent,
De boire, de battre
Et d'être un vert galant...

Песенку эту, в своем вольном переводе, блестящий драматург Александр Гладков включил в свою героическую комедию в стихах «Давным-давно» (1944 г.). По ней снят был позднее фильм «Гусарская баллада»:

Жил был Анри Четвертый,
Он славный был король...
(и т.д.)

Большая и Малая галереи Лувра, завершение дворца Тюильри, Новый мост, ансамбль площади Дофин, улица Дофин (новая дорога на юг), великолепный ансамбль площади Вогезов – вот основные парижские постройки его короткого царствования.

При нем впервые появилась служба уборки мусора и первая в стране, а возможно и во всей послеримской Европе, водопроводно-насосная станция. Она называлась «Самаритэн» в память о самаритянке, напоившей Христа у колодца. Сейчас на месте этой водокачки находится универмаг, сохранивший то же название.

По приказу Генриха были восстановлены и построенные «еще рабами Рима» городские фонтаны, и сооружены новые, давшие воду населению разных районов. Недаром Генрих IV считается первым урбанистом во Франции.

В 1605-1612 гг. по его замыслу была создана Королевская площадь (пл. Вогезов, place des Vosges), которая стала жемчужиной французской архитектуры позднего Ренессанса.

В Париже начался «Век Марэ». Герои шпаги и «герои кружев», т.е. новые финансисты, разбогатевшие «чудом» (это уже в начале царствования Людовика XIII), представители росшей как на дрожжах крупной буржуазии, частенько роднившейся с обнищавшими аристократами – двойники мольеровского «Мещанина во дворянстве» – все селились в Марэ.

Тут работали самые значительные архитекторы и скульпторы столетия: дю Серсо, ле Во, оба Мансара, ле Брен, Миньяр.

Тут жили многие из самых блестящих писателей XVII века – «Великого века», как нередко называют его во Франции, – писатели, которые вывели французскую литературу в ряд мировых: мадмуазель Скюдери (о ней см. одноименную новеллу Э. Т. А. Гофмана), мадам де Севинье (автор знаменитых «Писем»), сатирик и создатель жанра бурлеска Скаррон и его жена Франсуаза д'Обиньи, чей салон, располагавшийся в особняке Скарронов, был многие годы самым знаменитым в Париже. Его посещали Корнель, Расин, Буало, Лафонтен и другие литераторы «Великого века». Бывали иногда в этом салоне и кардинал Ришелье, и сменивший его кардинал Мазарини, и даже Людовик XIV.

Мадам д'Обиньи, она же мадам Скаррон, позднее мадам Ментенон, как прозвали ее в период, когда она была воспитательницей детей Людовика XIV от его фаворитки маркизы де Монтэспань, позднее стала последней женой постаревшего «Короля-солнца». Она известна, впрочем, более всего тем, что будучи фанатичной католичкой, добилась от короля отмены Нантского эдикта, чем обрекла на казни или изгнание множество гугенотов, составлявших тогда в значительной мере экономическую мощь французской крупной буржуазии. Это ослабление экономики страны во многом повинно в обнищании низов и только возникавшего среднего класса, а то, что класс этот вышел на сцену с запозданием, было в свою очередь не последней из причин произошедшей столетие спустя революции 1789 г. (это так – к вопросу о роли личности в истории...)

В иезуитской церкви (собор Сен-Поль) творил органист и композитор М. А. Шарпантье, на Старой Храмовой улице (rue Vieille-du-Temple) располагался театр «Актеры Марэ» (впоследствии – «Французская комедия» (Comédie Française), самый старый французский театр с постоянной труппой).

А в XVIII веке были построены дворцы Роан и Субиз. Но слава Марэ уже закатывалась, и мода стала уводить весь парижский блеск с этих узких улиц, где развернуться карете удавалось не всегда, в район Пале Руаяль, на улицу Сент-Онорэ на правом и на бульвар Сен-Жермен на левом берегу...

Марэ все больше и дальше отходил в тень истории...

Еще одна достопримечательность Марэ – это еврейский квартал, который существует с середины XIII века. Это в общем-то даже и не квартал, а только улица Розье и отходящие от нее переулки. С XVII

по XIX век население их становилось все более смешанным: там селились и не евреи – в основном, ремесленники и мелкие торговцы. Улица постепенно теряла свое средневековое экзотическое лицо.

Но в конце XIX – начале XX в.в. во Францию хлынул поток евреев из Польши и России. Эмигранты стали селиться в том же старом еврейском квартале. И вот средневековый облик западноевропейского еврейства сменился хасидским: высокие колпаки – черными шляпами, длинные просторные плащи – двубортными пиджаками...

А за последнее двадцатилетие с каждым годом все меньше и меньше становится тут людей, одетых таким образом, да и магазинные вывески на идише все чаще уступают место вывескам на иврите.

Архивы

В 1962 году палатой депутатов был принят план реставрации Марэ, разработанный министром культуры Андрэ Мальро. С тех пор восстановительные работы тут не прекращаются. Доступны для обозрения внутренние помещения таких зданий, как дворец Гинего (Музей охоты), дворец Субиз (Музей истории Франции), дворец Салэ (Музей Пикассо), особняк Либераль-Брюан (Музей ключей и зам-

ков, где находятся, в частности, некоторые слесарные выдумки Людовика XVI), дворец Ламуаньон (Библиотека истории Парижа), дворец Карнавале (Музей истории Парижа), замок Санс (Техническая библиотека искусств и ремесел и выставочные залы), дворец Сюлли (выставочные залы). В нескольких дворцах, расположенных рядом друг с другом, размещаются Национальные архивы. Это дворцы Роан, Субиз, д'Асси, Бретей, Фонтенэ и Жакур, купленные государством в 1808 году в царствование Наполеона.

А это - просто маленькая площадь

По центру Марэ, разрезая район на восточную и западную половины, в северном направлении от улицы Риволи отходит Старая улица Храма, проложенная в 1300 году. Название свое получила она от рыцарского Ордена тамплиеров или храмовников, потому что со времени еще крестовых походов тут находилась главная «штаб-квартира» Ордена. Только на месте улицы была тогда большая поляна. Орден был создан в Иерусалиме в 1119 году королем Иерусалимским, которого посадили на престол крестоносцы, завоевавшие впервые Святой град в 1099 г. Вскоре в Европе и на Ближнем Востоке насчитывалось более 9 тысяч приорий.

Роль тамплиеров в мировой политике и экономике была невероятно велика. Не касается это только Англии: Ричард Львиное Сердце изгнал храмовников из своей страны вскоре после образования Ордена, о чем подробно рассказано в романе В. Скотта «Айвенго». Но менее решительным и более любившим деньги королям других европейских стран приходилось с храмовниками считаться.

Интересно, что международная банковская система в ее зачаточном виде была создана именно этими рыцарями «без страха», но уж точно не «без упрека». Они первые в мире придумали векселя в их нынешней форме и даже нечто вроде банковских чеков, подписанных тем или иным командором. Чеки были именные и на предъявителя.

Позднее рыцари стали хранителями французской королевской сокровищницы, и таким образом Орден тамплиеров был в курсе финансовых дел королевства. А постепенно тамплиеры стали не только распорядителями королевской казны, но и главными кредиторами двора, успешно конкурируя с появившимися несколько позже итальянскими банкирами.

Выпутаться же из сети финансовых операций тамплиеров и избавить Францию от этого нового вида зависимости удалось только «железному королю» Филиппу IV Красивому в 1314 году. Сговорившись с Папой «римским» Клементом V, сидевшим в Авиньоне и задолжавшим Франции немыслимые суммы, король Филипп получил от Папы благословение на то, чтобы, обвинив в колдовстве генерала Ордена Жака дю Молле, сжечь этого командора, а с ним и еще несколько десятков Рыцарей Господних, и присвоить их сокровища.

Таким образом, с Орденом Храма было покончено, однако по настоянию, а скорее просьбе того же папы Клемента V более половины ценностей было передано Ордену иоаннитов, позднее получившему имя Мальтийского ордена.

Почти пятьсот лет спустя Император Всероссийский Павел I, добившийся того, что его избрали командором Мальтийского ордена, и даже успевший отслужить одну мессу в только что выстроенной придворной церкви Павловского дворца, почти что наложил руку на эти древнейшие в Европе богатства, но белый мальтийский шарф, которым задушили царя в Михайловском замке заговорщики во главе с графом Паленом, помешал Павлу перетащить эти несметные сокровища в Россию.

Параллельно Старой улице Храма, за улицей Архивов, находится «просто» улица Храма, обязанная своим названием все тем же там-

плиерам. Улица эта знаменита тем, что на ней находилась тюрьма – замок Тампль – в которую якобинцы заключили в августе 1792 года королевскую семью, и в которой, по мнению большинства историков, действительно умер подростком Людовик XVII, сын казненного Людовика XVI, хотя и молва, и некоторые свидетельства современников, и обилие самозванцев заставляют предполагать, что мальчика подменили похожим на него ребенком-дебилом, а он, дофин, а точнее – по всем законам – король Франции, все-таки выжил... Потом в XIX веке об этом писали многие, но напомню только, как весело разработал эту тему Марк Твен в «Приключениях Гекльберри Финна».

Улица Сент-Антуан (rue Saint-Antoine)

Самая большая улица в этом районе – Сент-Антуан. Она разрезает Марэ на две половины, приречную и глубинную. Ее продолжение на запад – ул. Риволи, которая практически продолжена Елисейскими полями, в свою очередь продолженными проспектом Великой армии, который, пройдя сквозь западный конец Парижа – через пригород Нейи – упирается в Сену. А если пересечь реку по мосту Нейи, то вы окажетесь в деловом центре (пригороде) Дефанс,

где построенная в 80-х годах XX века грандиозная арка стоит на все той же оси, проходящей почти через весь Париж. Таким образом, улица Сент-Антуан (как и ее продолжение на восток за площадь Бастилии – ул. предместья Сент-Антуан) – часть главной шестнадцатикилометровой магистрали, пересекающей Париж с востока на запад. Эта улица, еще древняя римская дорога Париж-Мелюн, всегда была довольно широкой.

Кафе «Марэ»

Возле дома 101 по ул. Сент-Антуан находятся остатки стены Филиппа-Августа – первой стены, некогда полностью окружавшей еще совсем небольшой Париж. Тут в XII в. были одни из четырех ворот города. А в начале XIII в. в этой стене было уже 12 ворот.

Стена была построена в 1190 г., когда король воевал в Святой Земле с Саладдином. Она начиналась от Сены на уровне Лувра и шла на север до нынешней улицы Этьена Марселя, затем загибалась на восток в направлении улиц Рамбюто и Вольных горожан и, еще раз изогнувшись на юг вдоль теперешней ул. Севинье, выходила опять к Сене, отделив территорию нынешнего собора Сен-Поль от тех полян на востоке, где теперь находится площадь Бастилии.

Именно в этой части, от ул. Сент-Антуан и почти до набережной, стена сохранилась до наших дней. На левом берегу реки стена окружала холм, где ныне стоит Пантеон, и подходила снова к Сене в районе Лувра, замыкая круг.

По ул. Сент-Антуан № 21 расположен особняк де Майенн (он же – д'Ормессон), построенный в 1613 году по проекту архитектора дю Серсо. Это один из первых городских особняков, построенных по типу «между парадным двором и садом», т. е. по типу сельской усадьбы. В середине XVI в. часть улицы Сент-Антуан от ул. Севинье до площади Бастилии представляла собой гигантскую лужайку и служила местом прогулок парижской знати. Ширина лужайки была почти равна ее длине.

Здесь, перед дворцом Турнель, где жил король Генрих II с королевой Екатериной Медичи, был организован королем в честь свадьбы его сестры 30 июня 1559 года грандиозный рыцарский турнир. На турнире король был одет в черно-белое – цвета своей любовницы, «вечно-юной Дианы», как прозвали французы Диану де Пуатье. В эти дни ей исполнилось 60 лет, а королю был 41 год. Диана сидела рядом с королевой Екатериной Медичи, которая хоть и была на пару десятков лет моложе, Дианы, но так блистать не могла никогда.

Екатерина была весьма недовольна тем, что Генрих посадил ее рядом с соперницей. За 20 лет замужества флорентийка так и не смирилась с присутствием той, кто была в течение многих лет подругой еще прежнего короля, Франциска Первого (Великого), а затем и его сына – Генриха Второго, последнего рыцаря в истории Франции. Причем Диана была первой Дамой двора и любовницей Генриха еще до его брака с флорентийкой, и оставалась ею до этого самого дня, когда ее рыцарь и король погиб в своем третьем поединке.

Первый бой король выиграл у жениха своей сестры, принца Савойского, второй – у герцога Гиза, а в третьем поединке с начальником шотландской гвардии Габриэлем де Монтгомери у короля и у его противника одновременно переломились копья. По турнирным правилам поединок на этом должен был закончиться, но в раже Генрих потребовал повторения боя. Монтгомери этого не хотел, но вынужден был согласиться. Принесли новые копья (как и все копья в этот день – не боевые, а турнирные, с деревянными наконечниками). Сломались и эти.

Дворик на месте последнего рыцарского турнира в мире

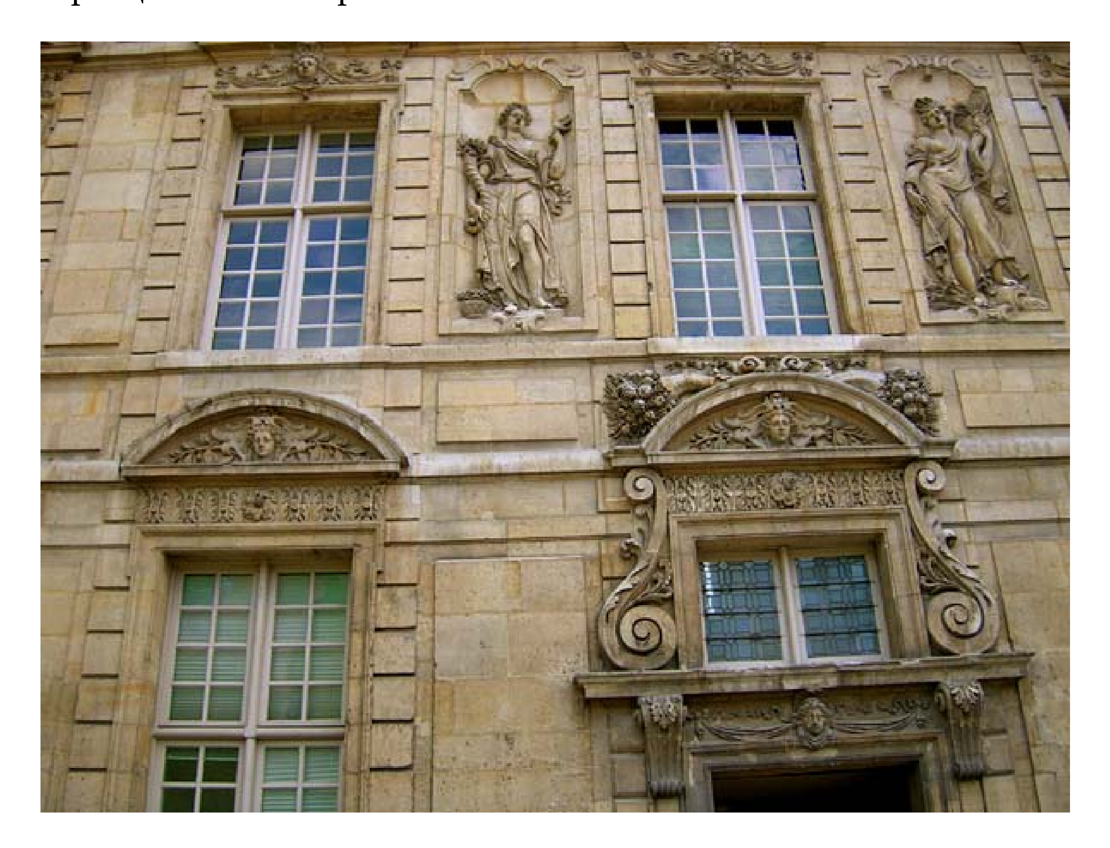
К несчастью, Монтгомери забыл тут же бросить на землю обломок, остававшийся у него в руке, и с разгону наткнулся этим обломком на забрало королевского шлема над правым глазом с такой силой, что король упал с коня.

Через два дня Генрих II умер во дворце Турнель, несмотря на то, что от его постели почти не отходил великий хирург Амбруаз Парэ, который спешно потребовал отрубить и доставить ему для изучения несколько голов заключенных преступников, надеясь срочно разработать на них методику операции, чтобы спасти короля...

А капитана Монтгомери Екатерина Медичи приказала арестовать.

Потом его все же выпустили, и он уехал в Англию. Но вскоре вернулся, чтобы участвовать в религиозной войне на стороне гугенотов. В одной из битв он сдался в плен. Несмотря на добровольную сдачу, Монтгомери, по требованию вдовствующей королевы, был приговорен к смерти и казнен в 1574 г.

Турнир же, на котором погиб Генрих II, был последним рыцарским турниром в Европе. 30 июня 1559 года рыцарство прекратило свое существование. А Генрих II вошел в историю как последний французский рыцарь. После его смерти, не без стараний его вдовы, во Франции начались религиозные войны.

Дворец Сюлли

На ул. Сент-Антуан, на том самом месте, где состоялся вышеописанный турнир, в 1630 году был построен архитектором Андруэ дю Серсо один из изящнейших дворцов Парижа – дворец Сюлли. Так называется он по имени первого владельца, знаменитого Максимилиана де Бетюна, герцога Сюлли. До самой смерти Генриха IV в 1610 г. Сюлли был всесильным «министром всех дел», бессменным премьером в королевском правительстве.

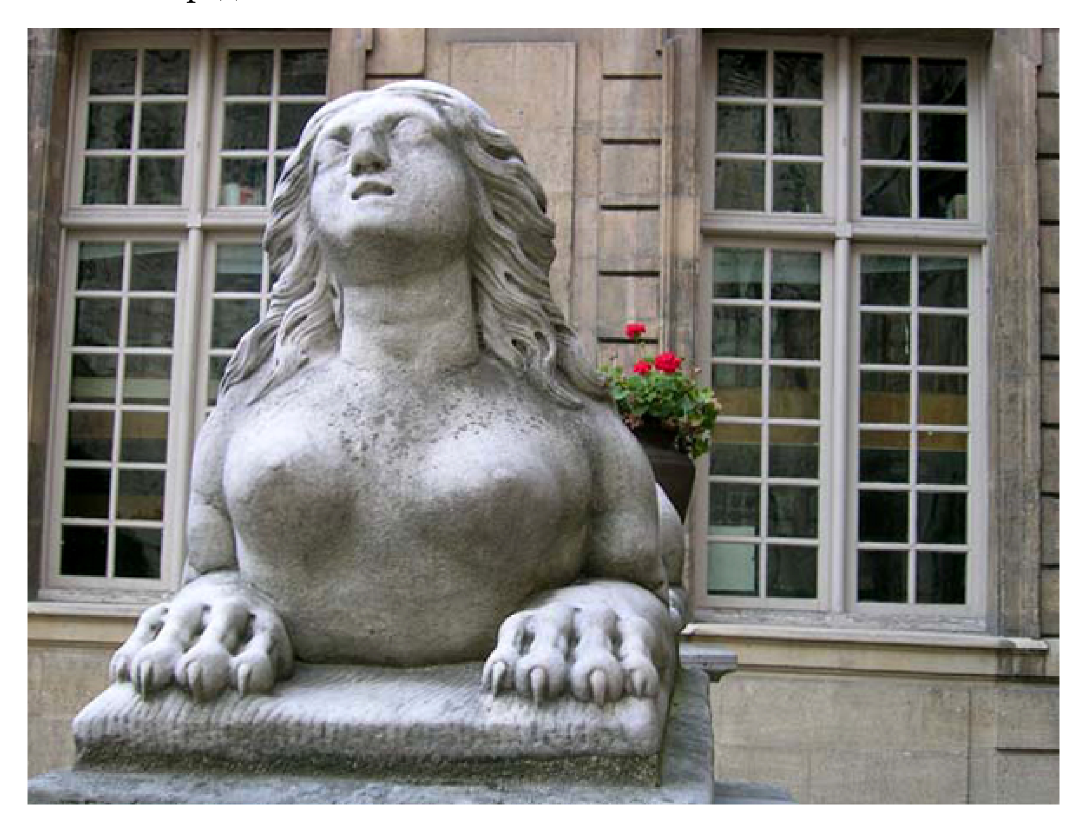
Двор дворца Сюлли

Талантливый полководец, создатель теории артиллерии в том виде, какой эта военная наука получила во времена позднего Ренессанса, блестящий администратор и финансист, автор книги «Мудрые королевские основы экономики государства», герцог Сюлли успевал все: летом в своем замке на Луаре он вставал в три часа утра, диктовал четырем секретарям свои труды, столярничал, сажал деревья... Как сказал мне как-то один французский историк, «роль Сюлли сравнима с ролью Меньшикова при вашем Петре, только он не воровал».

Людовик XIII, вступивший на престол после Генриха, сохранил бывшему министру отца все привилегии и все пенсионы. Сюлли было тогда 74 года. Он любил слушать поэтов и менестрелей, устраивать танцевальные вечера, на которых неутомимо танцевал павану с сомнительными девочками (каждый день с новыми), которых поставляли старому герцогу, сбиваясь с ног, два его секретаря.

Между тем и его двадцатилетняя супруга тоже не теряла времени даром. По свидетельству современника, Сюлли просил ее «так рас-

порядиться своим временем, чтобы на лестнице по крайней мере не стояла очередь к ней в спальню».

Ежедневно герцог выходил в огромном берете, ставшем потом неотъемлемой частью его легендарного образа, прогуляться на Королевскую площадь (пл. Вогезов), обходил ее несколько раз по квадрату и принимал восторженные поклоны как тех, кто застал его еще министром, так и молодежи, для которой он был человеком-легендой.

Его, «веселого и простого», любили противопоставлять новому премьер-министру, кардиналу Ришелье, которого парижане не любили и боялись. «А вот при Сюлли...», – начинали многие его современники тот или иной рассказ о своей юности...

А про дворец Сюлли современник писал: «около него всегда спокойно дышится, несмотря на пыль базарной улицы Сент-Антуан». Однако, дворец Сюлли славен не только своим первым владельцем, не только изяществом ренессансной постройки, а еще и тем, что это здание в 1793 г. якобинская диктатура превратила в полсотни, кажется, первых в европейской истории коммунальных квартир без кухонь и туалетов (первых, если не считать античных коммуналок, устроенных в Риме Марком Крассом в конце I в. до Р. Х.). Путем го-

ризонтального деления, якобинцы сделали из трех этажей шесть с весьма низкими потолками.

Сад Сюлли с остатком (розой) из церкви

Дворец был восстановлен только в 1977–1981 годах. Я видел его еще «шестиэтажным» во время реставрационных работ. Теперь он служит местом разнообразных выставок.

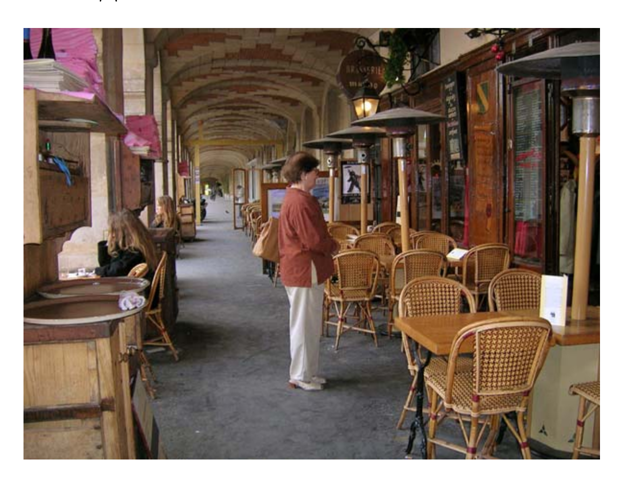
Тут же размещена «Национальная касса исторических памятников», которая финансирует реставрационные работы по всей стране. Тут же – большой магазин, где продаются книги по искусству и альбомы.

Во втором дворе дворца находится самый изысканный из фасадов, украшенный барельефами «Времена года» работы Ж. Гужона, а напротив оранжерея, прозванная «Малый Сюлли». Отсюда через маленькую дверь есть проход на площадь Вогезов. Он выводит на площадь под арку дома №7. Именно через эту незаметную калитку и выходил на свои прогулки по площади герцог Сюлли.

Площадь Вогезов (Place des Vosges) (первоначально – Королевская)

Еще в конце 70-х годов XX в, до реставрации и включения во все туристские справочники, площадь Вогезов была одним из самых тихих мест не только квартала Марэ, но и всего Парижа... Совсем еще недавно тут было множество старинных мелких лавок, уступивших теперь место ресторанам и картинным галереям. Часть фасадов кирпичных трехэтажных зданий, из которых и состоит эта квадратная площадь, была закрашена масляной краской (к счастью все того же кирпичного цвета), а часть совсем почернела от времени и фабричного дыма.

Расположенная на самом восточном краю квартала Марэ, площадь представляет собой квадрат со стороной 140 метров. Она – одна из наиболее замкнутых площадей, какие можно вообразить: всего одна улица проходит через площадь насквозь, и два отходящих от площади переулка скрыты арками.

Площадь образована 36-ю домами, почти одинаковыми. Все они кирпичные, а окна и углы облицованы светлым песчаником. По центру северной и южной сторон, друг напротив друга – два дома немного повыше прочих, хотя имеют то же число этажей: Павильон короля и Павильон королевы. Они были построены первыми в 1605 году и послужили обязательным образцом для всех остальных домов этой площади.

Тяжеловесные с крестовыми сводами арки (каждый дом стоит на четырех арках) невысоки и широки – ширина их почти равна высоте. Под аркадой можно по квадрату обойти всю площадь – даже оба переулка, уводящие на север и на юг, начинаются под арками, не нарушая цельной линии домов – только узкая улица, носящая в западной части название «улица Вольных горожан», а в восточной короткой – «улица Ослиного Шага», разрывает замкнутый квадрат.

Совсем недавно, в 70-х – 80-х годах XX в., впервые, наверное, за триста лет, стены площади отчистили пескоструем от бесчисленных слоев краски. Площадь обрела свой собственный «исторический» цвет: сочетание розового кирпича с бежевым песчаником – характерный вид фасадов в стиле французского позднего ренессанса. Вы-

сокие – особенно на вторых, парадных этажах – окна, частые переплеты и мелкие квадратики стекол, острые грифельные крыши… Сквозь окна, часто не задернутые, – любуйтесь, прохожие! – видны расписные балки, порой старинные люстры под ними… Все – как в начале семнадцатого века (или «Великого века», как любят называть его французские историки).

Павильон королевы

...На площади Вогез,
На старой place des Vosges
Опять попутал бес
Влюбляться в эту ложь,
Где красных стен квадрат
И окон переплет
Глядят в кленовый сад,
Над пиками оград
Лист за листом плывет,
Как тени львиных лап,
А в воздухе висят
Следы пернатых шляп.
Сырая глушь аркад
Все искажает так,
Как будто бы звенят
Фантомы старых шпаг -
Нет, просто антиквар,
Вздыхающий гобсек,
На ключик закрывал
Едва ли бывший век...

Площадь – единственное место в Марэ, сохранившееся полностью без каких-либо добавлений... Если не считать цементной статуи Лю-

довика XIII, которая была когда-то бронзовой. История статуи – длинная и поучительная.

Сначала, когда площади еще не было, Екатерина Медичи заказала конный памятник своему мужу Генриху II, погибшему, как я уже говорил, в 1559 г. на последнем рыцарском турнире в истории Европы от удара копья Габриэля де Монтгомери. «Именно этот удар копья сотворил Вогезскую площадь» – писал спустя три века Виктор Гюго. Он имел в виду следующую историю.

Павильон короля

На месте нынешней площади в XVI в. стоял дворец Турнель. В нем жил Генрих II с Екатериной Медичи. Но после гибели «последнего французского короля-рыцаря» королева переехала в Лувр. До того стал Екатерине ненавистен этот дворец, что она велела устроить в нем конский рынок. Тут за один день до двух тысяч лошадей меняли хозяев. А в 1565 году по приказу вдовствующей королевы дворец вообще был снесен.

В 1602 г. веселый король Генрих IV (Париж-таки действительно стоил мессы!) заказал архитекторам Серсо и Шатийону проект площади, где поначалу хотел расположить шелковую мануфактуру, но затем переменил свои намерения и предложил архитектору Клеману Ме-

тезо создать здесь (по собственному королевскому черновому наброску проекта) ансамбль из роскошных особняков для придворных и площадь для празднеств.

Заодно король отправил в переплавку бронзового Генриха II, чтобы из этой бронзы отлить свое изображение, которое он и водрузил на того же коня.

После гибели Генриха IV от руки фанатика-католика Равальяка в 1610 г. на престол взошел несовершеннолетний Людовик XIII. Кардинал Ришелье стал первым министром и почти регентом при молодом короле. Он правил Францией более тридцати лет.

А в 1639 г., посчитав, что Генрих IV, простоявший на новой этой площади три десятка лет, смотрится не слишком актуально, Ришелье заказал скульптору Пьеру Биару статую своего «монарха и повелителя». Соответственно, Генрих IV, как и его предшественник, был расплавлен, и бронза пошла на нового всадника – Людовика XIII. Итак, бронзовая лошадь еще раз сменила хозяина – недаром стояла она на бывшем конском рынке! Фактически Ришелье до самой смерти правил Францией, поскольку Людовик XIII отличался редкостным безволием. Этот король (а вовсе не д'Артаньян!) был

«первой шпагой» страны, но во всем прочем – куклой в руках кардинала премьер-министра...

На постаменте статуи была высечена пространная надпись, сообщавшая, что статую эту в честь «Людовика Справедливого» воздвиг его верный слуга и премьер-министр кардинал Ришелье. Однако парижане (не из числа мушкетеров, конечно) думали иначе на тему, кто чей слуга, и «предложили» на боку пьедестала иную оценку отношениям между королем и кардиналом:

Король наш добрый – как судьба слепа! –
Всю жизнь лакеем служит у попа.

Ci-git, le Roi, notre bon maitre
Qui fu vingt ans valet d'un prêtre.

Но и при короле мушкетеров злоключения бедной лошади не закончились – полтора века спустя ее, на сей раз уже вместе со всадником, переплавили по приказу Робеспьера на пушку, которая должна была «нести пламя Революции в Германию и другие страны, изнывающие под игом тиранов и ждущие избавления...» и т.д. и

т.п. Как известно, дождались они этого «избавления» от Наполеона, при котором, кстати, статуя Людовика XIII была высечена из мрамора по старым эскизам и установлена на том же месте. Уже в XX веке она была отправлена в музей, чтобы уберечь ее от выветривания, и заменена цементной копией.

В квадратном, вписанном в площадь сквере так и стоит теперь эта копия конной статуи Людовика XIII, короля, известного нам по «Трем мушкетерам» Дюма. Его именем назван и сквер. Хотя существованием своим площадь обязана вовсе не этому королю, ничего в своей жизни не построившему, а его отцу...

Франция помнит, что в отличие от Людовика XIII, умевшего, по словам современника, «только махать шпагой да вяло ругаться с кардиналом», отец этого «никчемного короля», Генрих IV «на троне вечный был работник», который своими всесторонними талантами и редкостной работоспособностью может напомнить нам о Петре Первом.

Ансамбль площади был закончен только в 1612 году, спустя два года после смерти Веселого короля, ко дню бракосочетания его сына Людовика XIII (второго короля династии Бурбонов) с Анной Австрийской. Впрочем, свадеб было две: Людовика с Анной и его сестры, Елизаветы Французской, которая выходила за наследника испанского престола (будущего Филиппа IV). В числе почетных гостей присутствовало все семейство Гизов (некогда «вдохновителей и организаторов» Варфоломеевской ночи), «фиктивная вдова» Генриха IV королева Марго, герцог Неверский и, разумеется, кардинал Ришелье во главе пока еще немногочисленного королевского двора: покойный Генрих IV не держал много министров и придворных.

Вместо турнира на этот раз на площади перед 10 тысячами зрителей танцевали кадриль на лошадях – во главе этого редкостного балета были Шарль де Гиз и маршал Бассомпьер. А с наступлением вечера отсюда по улицам Парижа отправился кортеж, состоявший из 1300 всадников, 160 трубачей, и еще 80 оркестрантов на 17 телегах. Экономность прежнего царствования мгновенно сменилась пышностью нового.

Но все-таки юный король подтвердил указ своего отца: ни один особняк на площади не должен был никогда быть разделенным между наследниками владельца, а переходить от отца к старшему сыну цельным и не перестроенным. Возможно, поэтому ансамбль площади дожил до наших дней не измененным, если не считать трех или четырех балконных решеток, замененных в разные времена.

Площадь, как уже говорилось, выглядит сегодня, после реставрации, так же, как в начале XVII в., когда в одном из домов по западной стороне ее (в д. 21) жил кардинал Ришелье, а мушкетеры короля, не боясь и не стесняясь, что Его Преосвященство, неровен час, выглянет в окно, задирали гвардейцев кардинала, болтавшихся от нечего делать по площади, зевая от жары и скуки.

А не мешало бы им помнить, что именно здесь весьма печально кончилась одна дуэль, случившаяся вскоре после подписания кардиналом указа о запрещении поединков: герцог Монморанси схватился с дворянином Бенвероном, победил его и по приказу Ришелье был обезглавлен.

И в наши дни, наверное, никого бы не удивило, если бы под гулкими крестовыми сводами четырех бесконечных галерей, образованных аркадами, звон вилок и ножей из ресторанчиков, выставивших столы наружу, перелился бы в бряцание шпаг и шпор, а издалека вдоль галереи к вам направились бы, стуча ботфортами, мушкетеры или кардинальские гвардейцы... Впечатление, что XVII век поселился тут на редкость прочно, усиливается несколькими антикварными лавками, в витринах которых, среди всякой всячины, красуются порой старинные шляпы, шпаги, шпоры. Кто бы ни жил тут за прошедшие три с половиной столетья, площадь все равно остается в своем времени. И ни в каком ином...

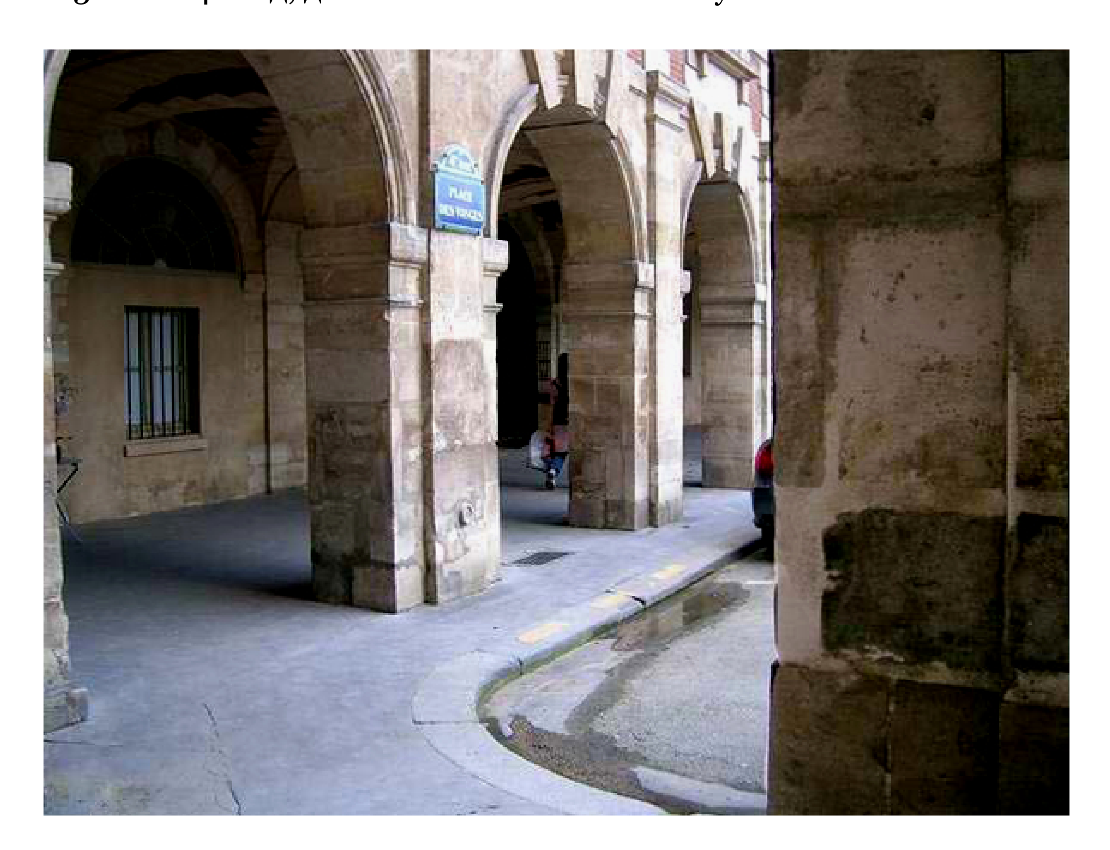

По соседству с кардиналом Ришелье на площади в доме № 6 жила знаменитая певица и куртизанка Марион Делорм – вечная соперница «королевской подружки» Нинон де Ланкло, которая была на 10 лет младше ее. Марион рассказала в своих мемуарах, что, придя впервые (для конспирации в мужской одеж-де) к не менее знаменитому кардиналу премьер-министру, она была весьма осчастливлена им: Марион «высоко оценила мужские достоинства святого отца». Особенно его... «бороду клинышком», которая, по ее словам, «дала доныне не испытанные ощущения, как, впрочем, и его жесткие волосы, спадавшие ниже ушей»...

Видимо, Его Преосвященство действительно пришелся по вкусу этой даме, уж ей-то было с кем сравнить его: в том же году среди ее более или менее постоянных поклонников числились одновременно пятидесятилетний герцог де Бриссак, девятнадцатилетний шевалье де Граммон, ее тайный муж Сен-Мар, казненный позднее как заговорщик, а также принц Конде и несовершеннолетний внук адмирала Колиньи...

Когда кардинал переслал ей через слугу 100 пистолей, она бросила их в Сену, ибо денег никогда со своих любовников не брала, а только «тряпочки» да серебряные «игрушки», т.е. чаши или кубки... И это должен был знать всякий! Несмотря на этот инцидент, Марион Делорм и позднее посещала Его Преосвященство довольно часто...

Ритм жизни этой площади остается ближе к XVII столетию, хотя, казалось бы, одно имя великого Виктора Гюго, жившего здесь с 1832 по 1848 год, должно было бы оставить тут печать и XIX века.

В доме, где Гюго с семьей занимал второй этаж, с 1903 года размещен мемориальный музей писателя. Тут были написаны пьесы «Марион Делорм», «Лукреция Борджиа», «Мария Тюдор», «Анджело», «Рюи Блаз» («Опасное сходство») и множество стихов. Переехал Гюго из этого, весьма уже не престижного в его времена, места, только

после избрания в Академию и совпавшего с этим событием избрания депутатом Конституционной Ассамблеи во время революции 1848 г.

Одновременно с Гюго жил в соседнем доме поэт Теофиль Готье, автор и поныне знаменитого романа «Капитан Фракасс», а после него, в той же квартире – Альфонс Доде, создатель образа прославленного хвастуна и фантазера Тартарена из Тараскона. Этажом выше жила знаменитая трагическая актриса Рашель («негодующая Федра» в стих. О. Мандельштама).

Площадь называлась Королевской со времен мушкетеров и до 1792 года, затем на один год стала площадью Федератов, затем еще на один год – площадью Единства (якобинское название), при Директории – снова Федератов, а 7 марта 1800 года Наполеон переименовал ее в Вогезскую, в честь департамента, первым заплатившего в казну военный налог (!!!). В 1814 г., после реставрации Бурбонов, площадь снова стала Королевской, в 1831 опять Вогезской, в 1852 Королевской, и в 1870 опять Вогезской, каковой пока и остается.

И только бедному Генриху Четвертому на площади, которую он построил, так ничего и не досталось: даже лошадь и ту отобрали и переплавили! Но зато в свои бурные, хотя не столь уж долгие годы, как сказано в народной песенке, переведенной русским драматургом Александром Гладковым, «победами увенчан, он жил счастливей всех!»

Крайний справа – дом кардинала Ришелье

Собор Сен-Поль-Сен-Луи (Saint-Paul-Saint-Louis)

В 1580 году кардинал Бурбон, дядя Генриха IV, подарил находившийся на улице Сент-Антуан особняк Рошпо Ордену иезуитов, основанному за 17 лет до того на Монмартре испанскими и французскими монахами Игнатием Лойолой, Франсуа-Ксавье, Пьером Фабром и др. В особняке разместилось руководство Ордена и основанный иезуитами старческий дом. А в 1641 году тут же рядом, на улице Сент-Антуан, вознеслась церковь Сен-Луи Иезуитов (нынешняя «Сен-Поль-Сен-Луи», главная иезуитская церковь Франции). Первую мессу здесь служил кардинал Ришелье.

В течение двух столетий, с 1561 по 1762 год, духовником при каждом из французских королей непременно был иезуит. Отец Коттон – при Генрихе IV и Людовике XIII, отец ля Шез (по имени которого названо знаменитое кладбище «Пер ла Шез») – при Людовике XIV. В 1762 году стараньями мадам Помпадур, фаворитки Людовика XV, иезуиты были изгнаны из Франции, а большая часть их имущества досталась королю. В 1773 папа Клемент XIV, избранный, благодаря давлению Людовика XV, на конклав, и вовсе ликвидировал Орден (послание *Dominus ac Redemptor*).

Все католические страны подчинились этому решению, кроме Польши, которую поддержали православная царица Екатерина II (Польша была уже поделена к тому моменту) и протестантский король Фридрих II Прусский. И в Польше поэтому Орден продолжал свою деятельность, все более и более специализируясь на ниве наук и образования, как среднего, так и высшего.

В 1802 году к названию собора Сен-Луи добавили название Сен-Поль. В 1815 году незадолго до того возрожденный Орден иезуитов получил право опять обосноваться во Франции, и церковь снова стала главным собором Ордена. При ней был основан и лицей Карла Великого, в течение всего XIX века один из самых престижных лицеев Парижа.

Захоронения видных иезуитов, не разрушенные якобинцами, сохранились в крипте Собора. Тут был перехоронен Лойола, а столетием позднее – Котон и за ним ля Шез.

Почти все богатства, хранившиеся в церкви, исчезли еще в дни якобинской диктатуры. На протяжении XIX столетия собор был ограблен революционерами еще два раза – в 1831 и в 1871 годах.

Пожалуй, единственное, что внутри церкви сегодня может привлечь внимание, это две купели, подаренные собору Виктором Гюго в честь крещения его дочери в 1851 г. Писатель жил тогда на пл. Вогезов. Над купелями надпись: «Дар виконта Виктора Гюго, пэра Франции». Впрочем, мне еще нравятся две статуи Христа, попавшие сюда из Бастилии, после ее разрушения. Но собор и поныне стоит полупустой.

Улица Архивов (rue des Archives)

Эта улица, параллельная Старой улице Храма, сложилась из пяти средневековых улиц. Самое интересное на ней – это т. наз. «Квартал архивов», занимающий несколько дворцов и особняков, соединенных общим внутренним садом. Самое большое из этих зданий – дво-

рец Субиз, расположенный на углу ул. Архивов и ул. Вольных горожан, был построен в самом начале XVIII века.

В 1700 году Франсуа де Роан, принц де Субиз, купил средневековый особняк-замок Клиссон, принадлежавший до того нескольким поколениям герцогов Гизов (имя которых навсегда связано с Варфоломеевской резней). От этого замка сохранились ворота и башня, хорошо видная, если смотреть вдоль улицы Архивов со стороны Сены.

По заказу Роана архитектор Пьер-Алекс Деламар, использовав свободный участок к югу от замка Клиссон и сломав его большую часть, выстроил нынешний дворец с величественным парадным двором, отделенным от улицы Вольных горожан полуовальной стеной, вдоль которой со стороны двора идет торжественная и строгая колоннада из 56 сдвоенных колонн. Между колоннами и стеной тянется галерея.

Ворота в центре стены выходят на улицу Вольных горожан. В середине XIX века над воротами со стороны улицы был установлен барельеф «История», выполненный по рисунку Эжена Делакруа. Прямо против ворот в глубине двора – парадный вход во дворец.

Фасад этого дворца выполнен в стиле раннего строгого классицизма. Колонны на фасаде центральной части цокольного и парадного этажей – такие же сдвоенные, как и на галерее парадного двора, и точно им соответствуют. Парадный этаж увенчан по центру треугольным фронтоном. Аллегорические фигуры Осторожность и Мудрость, а также гении искусств в облике детей дополняют лаконичный фасад дворца Субиз. В 1867 году тут был открыт Музей истории Франции.

Тот же архитектор Деламар построил и дворец Роан-Страсбург, соединенный с дворцом Субиз общим садом. Позднее убранство некоторых комнат было перенесено из Субиза в Роан. Деламар предполагал построить переходную галерею между двумя зданиями, но так и не осуществил своего проекта. Если войти в Роан со Старой улицы Храма, то над воротами конюшенного двора можно увидеть рельеф редкой динамичности, замечательный образец скульптуры барокко «Кони Аполлона» (скульптор Робер ле Лоррен).

Напротив дворца Субиз на улице Архивов сохранились остатки монастыря Сострадательных Отцов, основанного в 1613 году королевой Марией Медичи, вдовой Генриха IV. Монахи этой обители занимались выкупом христиан, попавших в плен к разным мусуль-

манским владыкам. В дни революции монастырь был закрыт, здание национализировано и тут же кому-то продано, церковь разрушена. Сохранились ворота, солнечные часы и лестница. Фасад бывшего монастыря был перестроен в стиле классицизма в 1701 году, чтобы создать архитектурный ансамбль, после того, как на другой стороне улицы появился дворец Субиз.

Дворец Карнавале (Carnavalet)

Это одно из самых совершенных зданий французского ренессанса. Тут располагается Музей истории Парижа. Название дворца – Карнавале – лишь измененное на французский лад бретонское имя Керневеной. Так звали одного из владельцев особняка, позднее перестроенного и расширенного архитектором Франсуа Мансаром для финансиста по имени Клода Буалев. Особняк стал дворцом и позднее был сдан внаем Марии Рабютэн-Шанталь, маркизе де Севинье. Эта блестящая писательница эпохи Людовика XIV жила тут с 1677 по

Закрытые в честь праздника ворота (фрагмент)

1694 год. Здесь и были написаны ее знаменитые «Письма». «Мадам де Севинье, первая во всем своем столетии по эпистолярному сти-

лю», – писал Вольтер спустя полвека после опубликования «Писем» в 1696 году, – даже пустячки она излагает с грацией невероятной!» «Мы живем в ее время, читая эти четырнадцать томов», – писала в 1942 году Вирджиния Вулф.

С улицы Вольных горожан сквозь позолоченную решетку широких ворот хорошо виден и замысловатый цветочный партер, и галерея, соединяющая главный корпус дворца с задним, отделенным глухой стеной от соседней улицы. В центре опирающейся на колоннаду галереи – две статуи, Сила и Власть, и барельеф, аллегория которого и поныне не разгадана.

Посреди парадного двора, выходящего резными воротами на улицу Севинье, помещена статуя Людовика XIV работы скульптора Куйсево. Когда-то она стояла во дворе парижской мэрии. Во всем Париже, пожалуй, среди множества классических скульптур едва ли можно найти столь живое и непосредственное изображение какого-либо короля. Возможно, такое впечатление статуя производит потому, что она – единственный подлинный бронзовый памятник, случайно уцелевший от предреволюционного времени. Все прочие – как бронзовые, так и мраморные, цементные, гипсовые – только копии ранние или поздние, поскольку подлинники были все перелиты якобинцами на пушки.

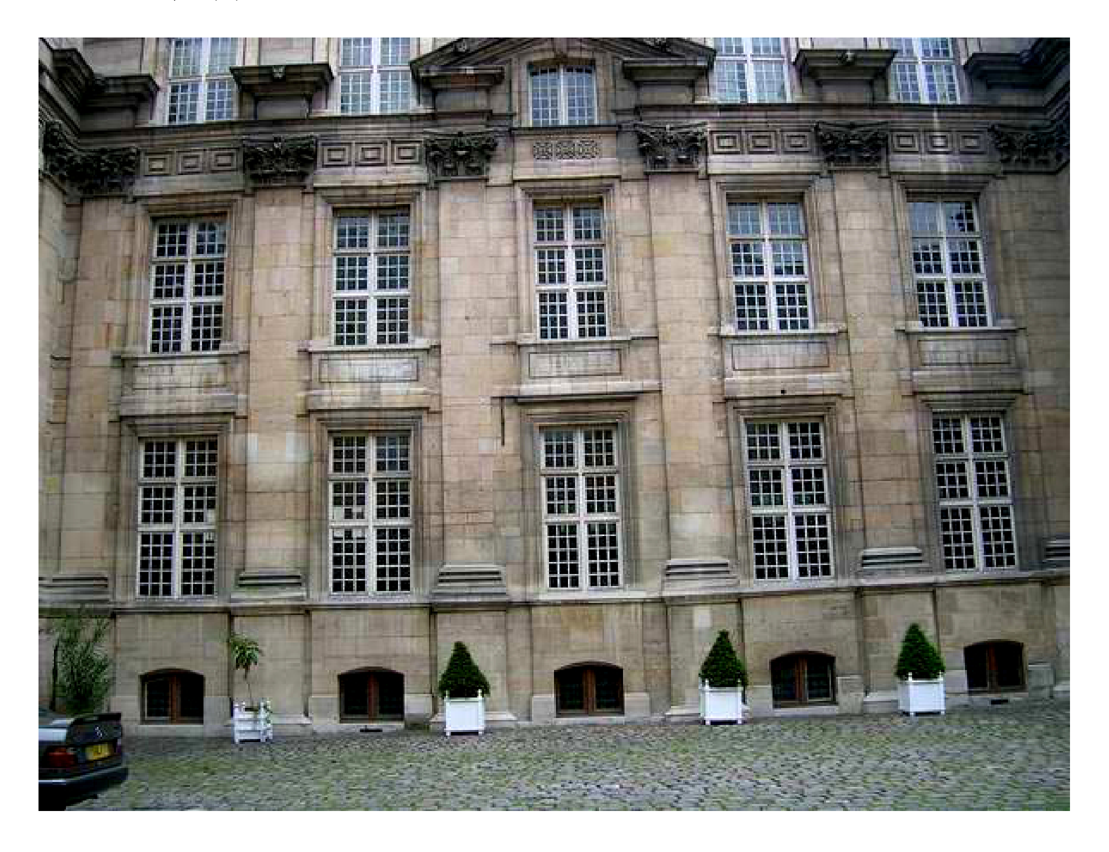
На главном фасаде – за спиной у короля – четыре барельефа, изображающие времена года. Четыре стихии – вода, воздух, земля и огонь – работы Жана Гужона украшают левое крыло дворца. Барельефы правого крыла (скульптор Ван Обсталь) изображают античные божества.

Дворец Ламуаньон (Lamoignon)

На перекрестке улиц Булыжной и Вольных горожан по диагонали от дворца Карнавале расположен дворец Ламуаньон. В этом внушительном здании с 1966 года помещается Библиотека истории Парижа, которая после расширения в конце 80-х годов заняла еще и построенное специально для нее новое здание рядом с дворцом. Фонд библиотеки – более миллиона томов только по истории Парижа. В старом здании в первом этаже – читальный зал на 100 мест. Это – главный зал дворца. Балки потолка сохранили роспись XVI века.

Ламуаньон был построен в 1584 году для герцогини Ангулемской, больше известной под именем Дианы Французской, побочной дочери Генриха II.

Главный фасад, украшенный пышными коринфскими колоннами, – самый старый во Франции образец т. наз. «колоссального ордера» (так иногда называются фасады, на которых колонны или пилястры объединяют все этажи). Авторство фасада приписывается архитектору Ж. Б. дю Серсо. В орнаментах доминируют изображения собак и атрибутов охоты. Вензель «D» – первая буква имени и владелицы особняка, и Дианы – античной богини охоты.

В 1688 году особняк купил Кретьен де Ламуаньон де Мальзерб, сын председателя Парижского суда. В 1718 году он возвел величественные ворота и разбил сад. С тех пор особняк носит его имя, и вензеля «ЛМ» вплелись в украшение фасадов.

Множество зданий времен Людовика XIII и Людовика XIV, в том числе построенных Франсуа Мансаром и его прославленным племянником, великим Жюлем Ардуэном-Мансаром, находятся на улицах Турнель, Сен-Жиль и Тюренн.

На улице Язычников (rue Payenne) Ф. Мансар построил для себя дом (теперешний №5), в котором с двумя своими племянниками-архитекторами прожил большую часть жизни. Там он и умер в 1666 году.

Дом в 1903 г. был перестроен и фактически изуродован адептами так называемой Религии человечества (или «научной религии») – секты, именовавшей себя также «Позитивистская церковь», основанной в первой половине 19-го века известным философом Огюстом Контом.

Достойны внимания в этой части Марэ еще многие здания по улицам Бур-Тибур, Белых ряс (Blancs-Manteaux) и Шарлеманя (Карла Великого).

Один из самых старых домов Парижа на ул. Бур-Тибур

По следу королевы Марго (замок Санс, Hôtel de Sens)

Самое старое из зданий в Марэ, сохранившихся до наших дней, – замок Санс. С этим особняком-замком связано прежде всего имя королевы Марго, той самой Маргариты Валуа, дочери Генриха II и Екатерины Медичи, которая была первой женой короля Наварры Генриха, впоследствии великого короля Франции Генриха Четвертого, но так никогда и не стала королевой (хотя знаменитый роман А. Дюма и называется «Королева Марго»).

Она к тому же – младшая сестра трех правивших друг за другом братьев-королей: Франциска II, который царствовал в течение одного года, был мужем Марии Стюарт Шотландской и умер в возрасте 17 лет; Карла IX, одного из организаторов резни в ночь Св. Варфоломея; и Генриха III – «короля гомосексуалистов» (или «милашек» – *mignons*, как называли тогда официально молодых людей из королевской свиты). Король даже «уволил» большую часть фрейлин королевы, и на освободившиеся деньги содержал свиту своих «милашек».

В романе А. Дюма, где рассказывается о юности Марго (ей там 19 лет), образ ее вполне соответствует исторической правде. Очень красивая, великолепно образованная, ироничная и остроумная, экстравагантно одевавшаяся, она была с ранней юности законодательницей мод и вкусов в Лувре.

Вдовствующая королева Екатерина Медичи, мать Маргариты и упомянутых трех королей, стараясь поначалу прекратить вражду католиков с гугенотами, а заодно и «посадить на цепь свою любвеобильную дочку», срочно выдала ее за Генриха Наваррского, короля без королевства, жившего в Лувре при дворе в непонятной и унизительной роли бедного родственника, которого презрительные Гизы называли не иначе как Беарнцем. Брак этот был заключен даже вопреки запрету Папы римского («кузенаж – опасное родство», изрек Папа слова, дожившие как поговорка и до наших дней…).

Обвенчавшись с Генрихом, виднейшим из гугенотских вождей, 17 августа 1572 г. (ровно за неделю до Варфоломеевской ночи), Марго спасла своего новоиспеченного супруга от гибели.

Брак их был скорее политическим союзом, чем браком, ибо Марго стремилась стать королевой Франции с тем же упорством, с каким ее почти фиктивный муж – королем. Ни она, ни он никаких прав на престол не имели: он – потому что не принадлежал к семейству Валуа, а лишь к младшей ветви Капетингов, к роду Бурбонов, а она – потому что во Франции женщина не наследует престол. Марго, любившая всех попадавшихся на ее пути мужчин, кроме своего Беарнца, поставила, однако, на него и… просчиталась.

Генрих, веселый и вроде бы легкомысленный гуляка и рубака, на самом деле никогда не переставал быть политиком и не забывал о сложности обстановки в стране, ввергнутой семейством Гизов в серию религиозных гражданских войн. Он, позднее все-таки добывший престол мечом и хитростью, действительно заботился о создании единого крепкого государства, тогда как Марго, безответственная по натуре, постоянно разрываясь между интригами любовными и политическими, отдавала все же первенство любовным. Однако, когда дело касалось Генриха, то в делах политических (и только политических!) он мог на Марго положиться полностью.

Иное дело – личные авантюры. Дюма в романе «Королева Марго» упоминает о доме, в котором Марго принимала своих любовников, в частности графа де ля Моля, которого писатель сделал героем романа. Дом этот, как сказано у Дюма, имел два выхода – на широкую, и уже тогда торговую, улицу Сент-Антуан, и на параллельную ей

улицу Сицилийского короля (дом не сохранился, сломан по распоряжению все того же Османа в 60-х годах XIX века.).

Что же касается замка Санс, то у Дюма рассказано только самое начало истории, приведшей Марго в этот замок. Старший брат Маргариты, последний король династии Валуа, Генрих III вообще весьма недолюбливал женщин. Да и свита его, состоявшая из «милашек», презирала женское общество. Отчасти, видимо, поэтому все эскапады своей сестры король выносил куда менее терпеливо, чем его тезка, муж Маргариты, Генрих Наваррский.

В 1583 году на балу король однажды прочел вслух список любовников сестры, вытащенный им из ее ночного столика. Список был довольно внушительный, не на одном листе, и открывался датой, говорившей, что первого любовника Марго завела в одиннадцать лет. А за месяц до скандала, устроенного королем, Марго взяла себе в любовники престарелого герцога Гиза в параллель с еще тремя дворянами.

Генрих Наваррский, хотя и был королем без королевства и человеком вполне вольных взглядов, да к тому же вовсе не ревновал свою бойкую жену, ибо и сам не терял времени даром, на одиннадцатом году «совместной» жизни вынужден был после этого скандала удалить Маргариту от двора ее брата.

Марго за эти годы давно уже успела сменить де ля Моля на Сен-Люка, затем ее милостью в числе других известных людей пользовались и граф Бюсси Амбуазский, и виконт де Турень, и поэт Депорт, и еще немало придворных, не считая слуг и прочих нетитулованных и неблагородных «одноразовых фаворитов». Она же, в тайне от короля и двора, помогла при родах мадам Монморанси, любовнице своего мужа, и стала крестной его новорожденной дочери.

Итак, не угомонив Маргариту, два Генриха, брат и муж, отправили ее в замок Юссон (в Оверни), где прожила она почти безвыездно более восемнадцати лет, занимаясь романами, балами, музыкой, литературой и охотой. Она писала мемуары, соблазняла соседних помещиков и их егерей, но не давала развода Генриху, пока была жива его тогдашняя «официальная подруга» Габриель д’Астре, «чтобы та случайно не стала королевой». Развод последовал только в 1600 году.

А в Париж ей было позволено вернуться еще через пять лет после развода, когда Генрих IV уже давно был женат на ее кузине, Марии Медичи. Было Маргарите тогда 52 года.

Генрих встретил свою верную союзницу посреди луврского двора (тогда как королева Мария не спустилась с крыльца) и выразил надежду, что Марго наконец «перестанет путать день и ночь и поселится в замке Санс, который уступает ей архиепископ».

Дворец этот – полуготический-полуренессансный – со стрельчатыми окнами, с тремя круглыми башенками под коническими кровлями по углам. Высокие стрельчатые ворота обрамлены тонкой готической тягой.

Над воротами – три королевские лилии, герб города Санса и личный герб первого владельца замка архиепископа Тристана де Салазара...

Короткая улица, проходящая вдоль одной из стен замка, называется Фиговой. Действительно, тут растут несколько инжирных деревьев. Но посажены они в 1975 году. Первоначально же росшие тут деревья были вырублены по приказу Марго, ибо мешали разворачиваться ее карете.

Как и в юности кокетливая, едва поселившись в замке, она тут же завела себе двадцатилетнего любовника, графа Вермонда. Через несколько дней весь Париж болтал о ее новом фаворите.

Замок архиепископа стал местом бесконечных празднеств, концертов, пиров... Но вскоре Марго во всеуслышание заявила, что Вермонд для нее староват, и сменила двадцатилетнего графа на восемнадцатилетнего сына плотника, которого звали Жюльен Дат. Она велела ему называться Дат де Сен-Жюльен. Поскольку Дат (datte) по-французски значит финик, то парижане острили, что финик попал на Фиговую улицу, и это, мол, непорядок. На воротах замка де Санс появилась следующая эпиграмма:

Вам, королева, много чести
Жить во дворце, а потому
Как шлюха ты вполне на месте
В архиепископском дому.

Comme reine tu devois estre
Dedans ta royale maison,
Comme putain c'est bien raison
Que tu log' au logis d'un prebstre.

Однако, история эта кончилась не так весело, как началась: оскорбленный граф выстрелил в упор в Дата через окно кареты, в которой тот прибыл с богослужения вместе с Марго. Она в бешенстве послала письмо «королю моему и брату» с просьбой о разрешении обезглавить убийцу. Разрешение от «короля и брата» пришло час спустя, а граф, пойманный тем временем в предместье Сен-Дени, был доставлен к месту преступления. «Придушите злодея, вот, возьмите мою подвязку от чулка и придушите немедленно!» – закричала Марго, увидев бывшего любовника связанным. Однако, успокоившись, соблаговолила подождать, пока сколотят эшафот, после чего графу отсекли голову, а Марго смотрела на казнь из окна второго этажа.

Тут прибыл посыльный от Генриха IV с еще одной запиской, в которой король сообщал своей бывшей супруге, что «при дворе есть немало юных конюхов не менее талантливых, чем убитый Дат, и если королеве надо, то Его величество охотно одолжит Ее величеству дюжину-другую молодых людей для утешения». Но спустя два дня Марго забросила замок и переселилась со всем своим «малым двором» на левый берег, на Пре-о-Клер, неподалеку от церкви Сен-Жермен-де-Пре.

Что же касается замка Санс, то в нем потом опять жили архиепископы почти до самого конца XVIII века, а незадолго перед революцией тут расположилась посылочная часть главной почтовой конторы Парижа. Затем замок был кому-то продан, и весь XIX век тут находились какие-то фабрички консервов, склад торговца кроличьими шкурками и т. п. Тут же с 1793 года было еще около 70 трущобных квартир...

В середине XIX в., несмотря на энергичные протесты Виктора Гюго и Александра Дюма, фасад по Фиговой улице был перестроен, и свой прежний облик дворец обрел только после того, как город выкупил его в 1911 году, да и то не сразу. Кое-что реставрировали в тридцатых годах, но окон-

чательная реставрация была завершена лишь в 1955 году, после чего мэрия Парижа разместила тут Техническую библиотеку искусств и ремесел, а также выставочные залы.

Церковь Сен-Жерве (Saint-Gervais-Saint-Protais)

Церковь Сен-Жерве выходит своим главным фасадом на площадь того же названия. Посреди площади – старый вяз, который возобновлялся не раз, начиная, приблизительно, с десятого века (нынешний – посажен в 1982 году). Под этим «Вязом Сен-Жерве» население Марэ в Средние века собиралось, чтобы отдавать при свидетелях взятые в долг деньги. Отсюда парижская поговорка «ждите меня под Вязом», что соответствует нашему «после дождичка в четверг».

После того, как вяз был сожжен во время революции, а пепел его «пошел на выделку пороха», дерево это стало знаменито тем, что его изображали на официальных бланках церкви Сен-Жерве. Этот же самый вяз изображен и в орнаментах балконных решеток домов 2 и 14 по соседней ул. Франсуа Мирона.

Две стороны площади образованы казармами Лобо, построенными при Наполеоне, а третья – жилым многоквартирным домом времен Людовика XV. Это – первый в Париже дом, построенный, как доходный, специально на сдачу.

Площадь находится на одном из низких холмов (monseau) на болоте правого берега. Тут уже в римские времена селились рыбаки и лодочники. Здесь проходила римская дорога Лютеция – Санлис. Тут же сбоку от дороги появилось в V веке и кладбище с небольшой церковкой во имя святых Жерве и Протея (Гервасий и Протасий в православном календаре), близнецов, замученных в Милане при Нероне. Останки их, как говорит предание, были обнаружены здесь, в Лютеции , в конце IV века.

В IX веке церковь была разломана норманнами, потом восстановлена. В 1190 году за церковью прошла стена Филиппа-Августа. Но эта церковь – первая на правом берегу Сены – стала к тому времени мала, поскольку население тут быстро увеличивалось, и в 1213 году ее начали перестраивать в стиле ранней, строгой готики. В конце концов эта церковь, когда-то романская, была завершена и освящена только в 1420 году. Вскоре она опять подверглась переделкам и рас-

ширению, которые были начаты при Карле VIII в 1494 г. в стиле пламенной готики (арх. Мартин Шамбриж и его сын Пьер).

После этого строительство длилось еще 163 года, и пока добрались до фасада, уже и готика во Франции давно уступила место стилю Ренессанса. Поэтому фасад, выполненный в царствование Людовика XIII Клеманом Метезо, похож на многие церкви эпохи Возрождения в Риме, тогда как вся церковь – готическая и внутри, и снаружи. Этот ренессансный фасад очень любил живший неподалеку Вольтер, который однажды заявил, что его надо будет непременно сохранить, а «всю готическую часть разрушить беспощадно, ибо готика – символ мракобесия». На нижнем этаже фасада – восемь сдвоенных каннелированных дорических колонн, на втором – более легкие и торжественные ионические и, наконец, на третьем – раскрепованный полукруглый фронтон опирается на еще более стройные, опять-таки сдвоенные, колонны пышного коринфского ордера.

Статуи Святых Жерве и Протея (в нишах второго яруса) относятся к XIX в., так же как статуи евангелистов с двух сторон от верхнего портика, на углах крыши второго яруса. Это – копии, выполненные в XX веке, по сохранившимся гравюрам. А подлинные статуи работы Бурдена и Герена были разбиты якобинцами в 1792 г.

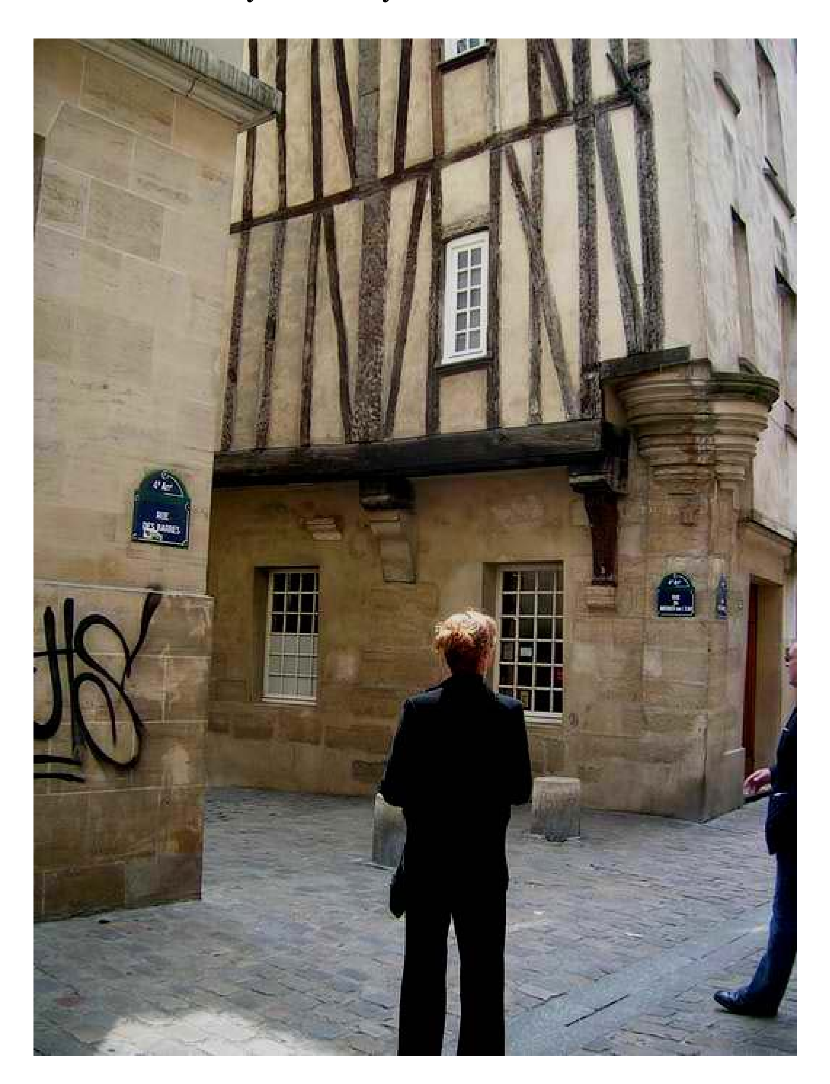
В 1918 году во время мессы первый снаряд «Длинной Берты» (немецкой «сверхпушки»), пробив крышу, попал в эту церковь. 50 убитых и 150 раненых.

Среди сокровищ церкви, уцелевших до наших дней: «Страсти Христовы» (Альбрехт Дюрер), «Святой Григорий Великий и святой Виталий» (Себастьяно Риччи). На хорах – деревянные статуи Св. Жерве и Св. Протея по рисункам Суффло и 43 статуи времени еще Франциска I.

Орган собран в XVIII веке из кусков старого органа работы знаменитой семьи Куперенов, известной «династии» французских музыкантов. В 1685 г. композитор Франсуа Куперен сочинил и впервые исполнил тут две мессы.

Позади церкви проходит одна из сохранившихся почти полностью старинных улиц – улица Барр. На ней расположен примыкающий к церкви монастырь Иерусалимского братства. В нем живут монахи восточного обряда, служащие грегорианскую литургию в церкви Сен-Жерве.

Напротив монастыря на этой короткой улице, в начале своем состоящей из полутора десятков пологих широких ступеней, стоит один из старейших домов в Париже, прекрасно сохранившийся и в семидесятых годах XX века отреставрированный. Когда-то он был частью давно исчезнувшего аббатства Мобиссон. Теперь в нем гостиница типа общежития для путешествующей молодежи.

Фестивали Марэ

С 1962 года регулярно проводятся «Фестивали Марэ». Ассоциация истории Парижа, проводящая эти праздники, является наиболее значительным обществом, занимающимся историей города. Ассоциация занимается изучением старого Парижа, организацией специальных экскурсий, различными публикациями научно-популяр-лярного характера и следит за реставрацией исторических зданий.

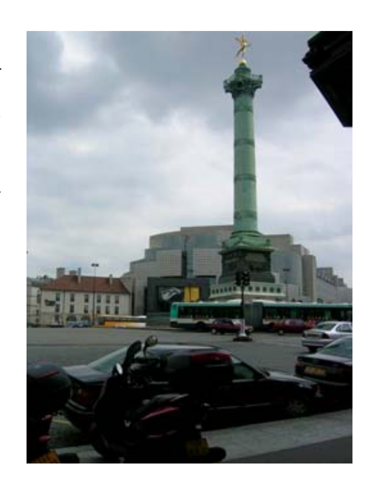
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЛОЩАДЬ БАСТИЛИИ (PLACE DE LA BASTILLE)

Когда из узкого переулка «Ослиного шага» или из разрезающей Марэ пополам ул. Сент-Антуан выходишь на гигантскую площадь Бастилии, кажется, что попал ты не только в другой город, но и в другие времена.

Колокол или трамвай звонил?
Не понять – четыре века смяты.
Был шестнадцатый, и вот – двадцатый
Сразу непосредственно за ним...

Вместо ренессансных особняков или средневековых домов, нависающих над улицами, – неправильной формы пространство, в которое вливается более десятка улиц разной ширины. Восьмиэтажные, в основном, дома теряются: настолько горизонтальные линии овладевают зрением. Невольно глаз ищет контраста, вертикали – и находит: колонна, высотой 52 м, господствует над площадью, над деревьями и над выглядящим несколько чужеродно, и во всяком случае неожиданно, зданием Новой Оперы. Это здание – нечто среднее между обычным в шестидесятые годы строитель-ством и сегодняшним новейшим стилем. Опера построена в 1989 г. к двухсотлетию со дня взятия Бастилии.

Линия, выложенная булыжниками перед домами № 5 по площади и № 49 по бульвару Генриха Четвертого, показывает место, где была одна из башен крепости. На месте же основной части Бастилии – здания конца позапрошлого века. План крепости с точным ее местоположением начерчен на мраморной доске, укрепленной на доме №3.

Остатки одной из башен, найденные на ул. Ст. Антуан при прокладке первой в Париже линии метро (1898 г.), теперь находятся в сквере Анри Галли, неподалеку от площади. Площадь, частично занятая в свое время предмостными укреплениями, в основной своей части была голой поляной, в отдалении от которой начинались улицы предместий.

В связи со словом Бастилия возникают в памяти и Железная Маска, и кардинал Мазарини... Но в отличие от площади Вогез, где исторические имена и события кажутся и поныне прячущимися за кирпичами фасадов, тут, на Бастилии, ничего, кроме названия, не напоминает живо о прошлом этого места... Попав сюда впервые в 1973 году, я поймал себя на том, что ищу глазами вовсе не крепость, а того самого деревянного слона, в брюхе которого Виктор Гюго поселил своего Гавроша... Но слона уже 130 лет как не было к тому времени...

Вернемся истоку. 1356 год. Только что в битве при Пуатье Эдуард, Черный принц, разбил французского короля Жана Доброго и взял его в плен. В этой битве «погиб весь цвет французского рыцарства». Англичане двигались к Парижу. Еще никто не подозревал, что война эта будет Столетней...

Париж был окружен стеной Филиппа-Августа, построенной еще в дни крестовых походов. Прево (старшина купеческого цеха) Этьен Марсель, на какой-то период войны ставший хозяином Парижа, строит срочно для защиты города с востока укрепление из двух башен с воротами и довольно длинную стену по обе стороны от этих новых ворот (ворота Сент-Антуан).

Два года спустя по Парижу был пущен слух, что Этьен Марсель продался наварцам, союзникам англичан, и хочет открыть им ворота города. Есть легенда о том, что он, подойдя к воротам, потребовал у стражников ключи. Ключей ему не дали, и он тут же был убит ударом топора в затылок. Доказательств его предательства не найдено и поныне, а труп был найден на берегу Сены через два дня после убийства. А теперь конный памятник Этьену Марселю стоит около парижской Мэрии со стороны Сены.

Позднее Карл V велел пристроить к воротам еще четыре башни, и за стеной города выросла маленькая крепость, которая с тех пор ни разу не перестраивалась.

Забавно, что во время английской оккупации Парижа гарнизоном Бастилии командовал прославленный Шекспиром обжора и шутник сэр Джон Фальстаф.

Наконец Людовик XI (см. роман В. Скотта «Квентин Дорвард»), покончивший со Столетней войной и объединивший Францию не оружием, а пером дипломата, превратил Бастилию в государственную тюрьму. Одним из первых узников стал прево Хью Обрио, тот самый, который достраивал Бастилию. Затем тут побывали Жак Ар-

маньякский, Великий Коннетабль Луи Люксембургский, а во время религиозных войн – множество аристократов-гугенотов.

В 1601 году комендантом Бастилии стал знаменитый герцог Сюлли, Максимилиан де Бетюн, он же – всесильный министр «всех дел» при Генрихе IV.

Вскоре крепость потеряла всякое военное значение – при Людовике XIII войны, неизменно возглавляемые кардиналом Ришелье, велись поближе к испанской границе. В это время в Бастилии бывало политических узников сразу человек по сорок. Правда, сидели они в среднем по полугоду, да еще могли в камерах (скорее в квартирах довольно комфортабельных) принимать гостей и задавать пиры...

Но не все, конечно. Господин Бонасье, к примеру, не мог бы... Этого преимущества не получил и знаменитый Фуке, бывший министр финансов, а затем один из вождей Фронды (см. «Двадцать лет спустя» А. Дюма). Его сторожили д'Артаньян и еще один мушкетер из семьи герцогов Роан, который в свою очередь угодил в камеру за намерение сдать фрондерам городок Кильбеф в Нормандии. Вот у этого-то Роана и был слуга, которого одна из многочисленных легенд превратила в знаменитую Железную маску. На самом деле этот слуга-авантюрист носил маску бархатную.

Впрочем, по поводу Железной маски есть и другие свидетельства, противоречащие легенде о слуге. Вот как писал об этом один из придворных короля: «18 сентября 1698 года комендант Сен-Мар доставил в Бастилию человека в бархатной маске. Имя его неизвестно. А записано было в тюремной книге только, что привезен он с острова Сент-Маргарит. Через пять лет узник умер».

Что же касается легенды о том, что Железная маска ни более ни менее, как близнец «Короля-Солнца», то этот вариант оставим на совести первого, кто писал об этом, а именно Вольтера. Он же, видимо, придумал и то, что маска была железной. Вслед за Вольтером эту версию изложил Александр Дюма. Как иронизировал один из критиков: «Дюма надел на лицо своему таинственному герою пояс невинности, который в раннем средневековье и верно бывал железным, но надевался совсем на иное место...»

В 1717 году в Бастилию угодил молодой Вольтер. Причем дважды. На три месяца, а потом еще на трое суток (см. главу о набережной Вольтера). Но не все отделывались такими сроками. Знаменитый маг и авантюрист граф Калиостро просидел два года, аббат Морель – семь лет, маркиз де Сад (от имени которого произошло понятие садизм) после трех лет Бастилии был отправлен в сумасшедший

дом… Вообще в Бастилию король мог отправить кого угодно – достаточно было королевской записки: «Принять … (имярек).»

В 1784 году Людовиком XVI было почти принято решение о том, что крепость надо разобрать, но сделать этого так и не успели.

А неполных пять лет спустя, 14 июля 1789 года, революционная толпа (около восьмисот человек), разграбив Арсенал, взяла Бастилию приступом. При этом погибла десятая часть штурмовавших, и столько же было ранено. Что касается защитников монархии, то из 32 швейцарских стрелков и 80 инвалидов, составлявших охрану тюрьмы, погиб только один инвалид. Комендант Де Лоне сдал крепость восставшим, но это не спасло ни его, ни инвалидов охраны – почти все они были убиты. Узников же «кровавого режима Людовиков» оказалось семеро: один политический (аристократ, просидевший к тому времени 30 лет), четыре фальшивомонетчика и один кровосмеситель (их тут же заперли снова), один сумасшедший – маркиз де Сад, в тот же вечер отправленный в дом для умалишенных, и трое неизвестных, которые были торжественно отпущены на свободу, как жертвы монархии.

Что же касается короля Людовика XVI, то он, как известно, вернувшись с охоты в Версальский дворец, записал в свой дневник под датой 14 июля исторические слова: «Сегодня – ничего».

В 1790 г. якобинцы в Конвенте настояли на разрушении крепости, как символа самодержавия. 800 рабочих, которым платили по 15 су в день (хлеб стоил в те дни 10 су за фунт!), разбирали крепость три месяца. Во время разборки крепости под маленьким цветником, в который выходила дверь комендантской квартиры, на глубине примерно двух этажей был открыт коридор и секретная камера, где найдены были четыре скелета. Их похоронили на кладбище Сен-Поль.

Известный жулик, называвший себя «патриот Паллуа» (под этим именем он так и остался в истории), сумел выгодно распродать камни и год спустя устроил на площади пышное народное гулянье, потратив на него незначительную часть присвоенной суммы. Посреди площади он воздвиг плакат: «Здесь танцуют!». И с той поры так и танцуют тут каждый год: 14 июля – один из самых многолюдных парижских праздников.

Вот как пел об этом один из самых популярных французских бардов, Жак Брель:

В самом первом круге вальса
Я один и ты одна,
В самом первом круге вальса
Лишь улыбка мне дана.
А Париж, не зная меры,
В ночь оркестрами трубя,
А Париж, не зная меры,
Что–то шепчет про тебя…

Итак, история площади Бастилии продолжается без самой Бастилии. По этому поводу в 1966 году историк Жак Илларэ писал: «Остается только пожалеть о знаменитой крепости, так бессмысленно разобранной, ибо и парижане могли иметь достопримечательность не худшую, чем лондонский Тауэр. Это был бы всемирно известный памятник истории… Но тут вам не Англия, которая «conservat omni»… Осталась от крепости отметка на мостовой да название»…

9 июня 1794 года на площадь перевезли гильотину, которая уже почти три года ездила по городу, задерживаясь по нескольку дней на каждой большой площади, чтобы все желающие могли посмотреть на казни. Тут она простояла всего три дня – это ведь был край города. За эти три дня сложили головы тут 73 «врага народа» (термин, введенный в революционный жаргон доктором Маратом).

Стремясь скорее «отменить христианство», новые власти, зная, что свято место пусто не бывает, наспех соорудили некое подобие религии, смешав античное язычество, хоть как-то знакомое людям через модное в те годы искусство классицизма, с самыми разными осколками всевозможных верований. На площади начали срочно строить фонтан в виде гигантской статуи Изиды, у которой вода должна была течь из обеих грудей.

Почему Изида? — как показала история, когда разрушительные тенденции овладевают обществом, то культ ли Верховного Существа, придуманный якобинцами, воскрешение ли Одина и Тора, предложенное министерством Геббельса, или смехотворные в своей серьезности попытки крайних «патриотов» в России по следам «академика» Рыбакова оживить Перуна или Ярилу, известных в основном понаслышке, – все годится, лишь бы внедрить свою религию, служащую своему государству.

А когда на смену революционному полухаосу пришел революционный император, то и идеология стала быстро менять форму. Был заложен на площади новый фонтан. Великая империя приняла вид

гигантского слона, у которого из хобота должна была бить струя. Наполеон писал из Мадрида в Париж: «Он должен быть великолепен и таких размеров, чтобы на башенку на спине его могли подниматься зрители». Задуман был этот фонтан-монумент в честь того, что в Париж поступила чистая и дешевая питьевая вода по новому каналу Сен-Мартен, соединившему Сену с рекой Орк.

Одновременно слон должен был напоминать, что своими победами в Африке император напоил жаждущую Францию. Однако, судя по тому, что отлить слона предполагалось из испанских пушек, он мог напомнить и о том, что не только водой напоил свою страну Наполеон. Вместе с башенкой на спине слон должен был быть высотой в 24 м.

Деревянный, покрытый гипсом макет в натуральную величину был установлен в углу площади и позабыт-позаброшен сразу после падения императора, хотя архитектор Алавуан год за годом подавал каждому правительству все новые и новые напоминания о монументе. То слон должен был символизировать возрожденную монархию, то революционную мощь – в зависимости от того, какова была в тот момент власть.

А Виктор Гюго поселил в слоне своего Гавроша.

Сломали слона (продали на дрова за три тыс. франков) в 1847 году, накануне новой революции. Постамент же еще ранее заняла та самая колонна, которая стоит в центре площади и в наши дни. Бронзовая, высотой в 52 м, она видна издалека со всех улиц, вливающихся в Бастилию. Поставил ее все тот же неугомонный Алавуан по декрету правительства от декабря 1830 года. Декрет говорил об установке памятника всем жертвам трехдневной Июльской революции. Погибших было более 500 человек. Все они, «без различия на какой стороне кто из них сражался», были захоронены вместе в двухъярусных гробницах под постаментом колонны, по обе стороны канала, протекающего под площадью. Рядом с колонной – бронзовый лев, памятник восстанию 1830 г. На восточной стороне постамента – герб Парижа.

Когда переносили сюда прах погибших, то кроме революционеров и национальных гвардейцев под колонной захоронили еще некоторое количество покойников более солидного возраста. Дело в том, что все трупы первоначально были зарыты во рву, окружавшем Лувр. А там, за несколько недель до того, были закопаны выкинутые из Лувра революционерами мумии египетских фараонов, привезенные из Египта Наполеоном. Мумии ведь тоже монархи!

А после революции 1848 года там же под колонной похоронили и все 196 жертв той самой революции, которая вызвала такие надежды и такое неудовольствие Маркса.

У тех же, кто пришел к власти в Париже как в 1830, так и в 1848 г., хватило чувства простой справедливости, чтобы помнить, что все погибшие были французами. Об этом забыли только во время «кровавой недели» с 15 по 24 мая 1871 года, когда руководство Коммуны стало планомерно уничтожать «все памятники, поставленные всякими тираниями». Вновь воскресли с обеих сторон чрезвычайные трибуналы и робеспьеровский лексикон...

Мегера. Фурия. Горгона.
Все это, собственно, слова...
От якобинского жаргона
Пускай не пухнет голова!

(П. Антокольский)

Как в конце восемнадцатого века рубили головы статуям всех и всяческих монархов, так Коммуна стала уничтожать колонны. По приказу комиссара коммуны по культуре художника Курбэ, (нежного пейзажиста и вроде бы первого значительного порнографа в французской живописи) была сломана Вандомская колонна, – чудо литейного искусства.

Дошла очередь и до колонны на площади Бастилии. Коммунаров не смущало то, что половина людей, захороненных под колонной, – революционеры: для вождей Коммуны это был только памятник, поставленный старым режимом! По каналу была подведена баржа, начиненная порохом. Подожгли. Взрыва не вышло, но пламя взлетело метров на 50. Прокалились камни гробниц, сгорели кости революционеров, солдат и египетских фараонов, но колонна не упала и гений свободы все летел и летел...

Тогда на холме Бют Шомон и на мосту Аустерлиц коммунары установили пушки. Стреляли целый день. Сколько парижан было убито во время этого идеологического мероприятия, сказать трудно, но их уже не хоронили ни под какой колонной...

А бронзовая колонна с летящим на ее верхушке гением свободы так и стоит, напоминая, что во всех революциях люди гибнут с обеих сторон.

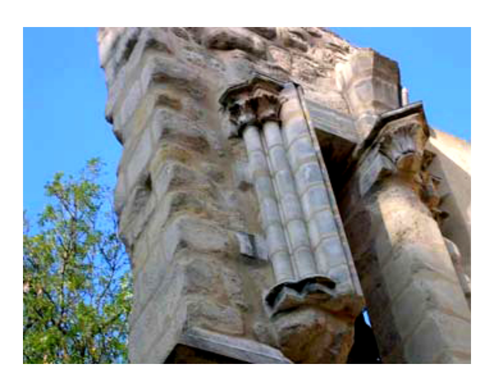
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЛАТИНСКИЙ КВАРТАЛ И СЕН-ЖЕРМЕН-ДЕ-ПРЕ (QUARTIET LATIN ET ST-GERMAIN-DES-PRES)

По местам Св. Женевьевы, Вийона и Панурга. Сорбонна, Пантеон, Бульвар Сен-Мишель и Люксембургский сад. Термы и подворье Клюни. Сен-Жермен-де-Пре, Академии.

По местам Святой Женевьевы, Вийона и Панурга

Это – самая старая часть левого берега. Латинским кварталом она зовется потому, что здесь с XII в. располагается университет, в котором преподавание в средние века велось исключительно на латыни. Естественно, что на улицах, основное население которых состояло из студентов и профессоров, латинская речь звучала куда громче французской...

И поныне средневековая традиция не покинула эти улицы – тут самые лучшие лицеи (Генриха IV, Св. Людовика, Людовика Великого), немало научных учреждений и, наконец, многие факультеты различных парижских университетов. Сейчас в Париже не менее пятнадцати университетов. Давшая им всем начало Сорбонна, как один университет, давно не существует. В ее исторических зданиях размещаются сейчас университеты «Париж 1», «Париж 2», «Париж 3», «Париж 4» и «Париж 5».

Св. Женевьева

Сердце квартала – холм (или гора) Святой Женевьевы. Тут на пороге нашей эры был укрепленный галло-римский город «верхняя Лютеция» (нижняя – остров Ситэ), но уже в средние века эта часть города стала университетской. А на холме был построен монастырь – аббатство Св. Женевьевы.

Святая Женевьева – покровительница Парижа. В конце XVIII века о ней рассказывали, что она была простая пастушка, но это – легенда времен сентиментализма, когда модно было любых возможных и невозможных героев производить «из народа». На самом деле ее жизнь достаточно хорошо известна благодаря мемуарам современника-монаха.

Годы жизни «госпожи Женевьевы» 420 – 500. Она родилась в селе Нантер и была дочерью богатого крестьянина-землевладельца Сэвера. Во время нашествия гуннов (451 г.) Женевьева, тогда молодая монахиня, отказалась бежать из Парижа и вместе с несколькими другими монахами и священниками молилась несколько суток подряд о спасении города.

Устыженные ее примером, многие парижане вернулись и приготовились к обороне, которую организовали монахи всех парижских монастырей под руководством Женевьевы.

Но Атилла прошел со своими ордами мимо Парижа, не войдя в него. Возможно, потому что узнал о готовности города к защите.

Позднее Женевьева снарядила экспедицию в Труа, чтобы накормить голодающих жителей Парижа, и организовала массовую выпечку хлеба из привезенной пшеницы.

Множество чудес, приписываемых Женевьеве разными сказаниями (исцеления больных, прекращение бурь и т. п.), сделали ее одной из самых популярных личностей Темных веков. Канонизирована церковью она была вскоре после смерти и с тех пор считается покровительницей города и святой, спасающей от вражеских нашествий.

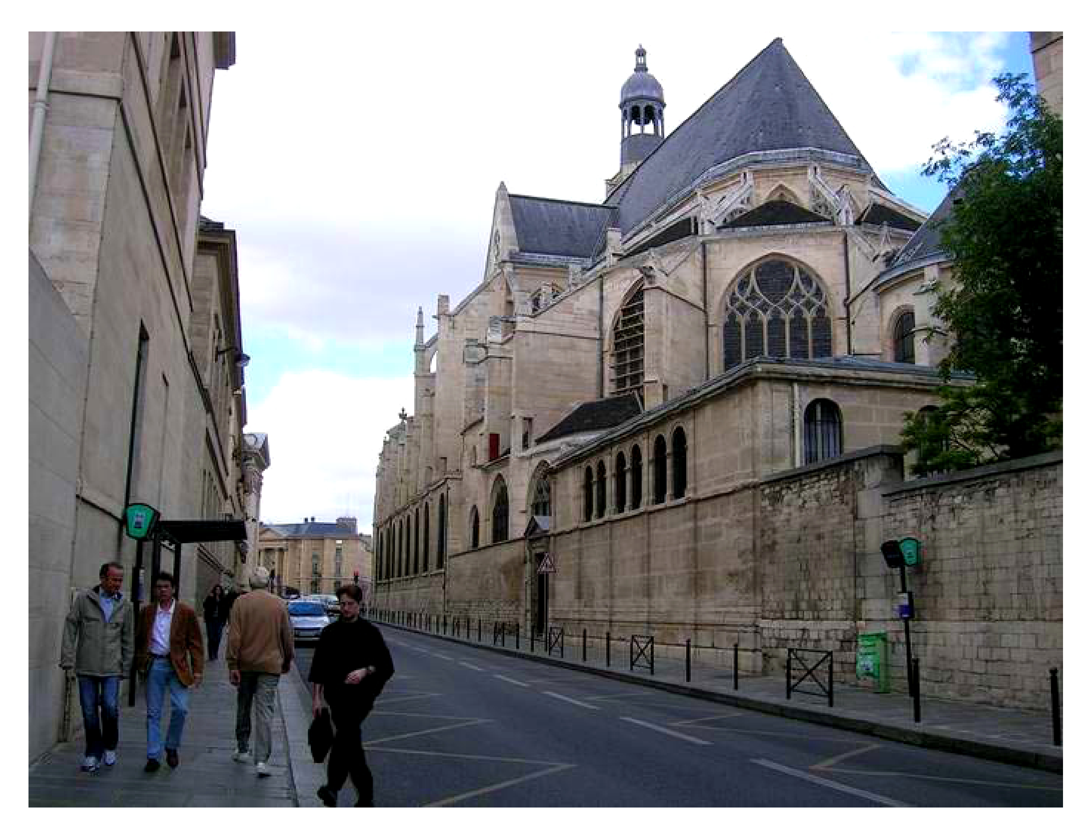
Церковью Св. Женевьевы называют нередко Пантеон (см. далее), но с большим правом это имя заслуживает церковь более древняя, одна из самых красивых церквей Парижа – церковь Святого Стефана на Горе (Saint-Étienne-du-Mont). Она находится в верхнем конце улицы Горы Св. Женевьевы.

Построена она была в XIII веке, и прихожанами ее были в основном студенты и профессора Сорбонны, жившие в этом же квартале. Поскольку население квартала росло вместе с университетом, то уже в 1492 году церковь расширили.

Фасад в стиле пламенной готики был создан позднее – в 1610 году, и первый камень его положила королева Марго, первая жена Генриха Четвертого. Внутри, по желанию Марго, церковь была отделана в стиле итальянского Возрождения.

Рядом с церковью, на другой стороне улицы Хлодвига, находятся на территории бывшего аббатства Св. Женевьевы остатки древнейшей (VI в.) церкви Петра и Павла, построенной первым франкским королем-христианином Хлодвигом. Церковь была разрушена норманнами в IX в. и окончательно уничтожена при прокладке улицы Хлодвига в XIX в. От этой церкви сохранилась только колокольня.

Улица Хлодвига

В церкви Петра и Павла были похоронены сам Хлодвиг (в 511 г.), его жена Клотильда и Св. Женевьева. В зданиях бывшего аббатства размещается один из старейших лицеев Парижа – Лицей Генриха Четвертого, в котором работали в позапрошлом веке физики Ампер и Араго.

С холма от лицея спускается улица Горы Св. Женевьевы, существующая с XII века. Параллельно ей проходит улица Сен-Жак, по имени которой в дни революции 1789 – 93 гг. и названа была крайняя фракция партии монтаньяров (якобинцы) – «штаб» их располагался на этой улице.

На улицу Сен-Жак выходит одна из сторон гигантского прямоугольника Сорбонны. Здания университета занимают квадрат между улицами Сорбонны, Кюжас, Сен-Жак и улицей Школ. Под школами

имеются в виду высшие учебные заведения – университет и т. наз. Grandes Écoles – например, Политехническая, Шахтная, или Медицинская школы.

Франсуа Вийон

В средние века по улочкам, подымавшимся на холм, было раскидано немало кабачков и других злачных мест, которые – по крайней мере до середины XVI века – посещались как студентами, так и монахами – монастырские уставы во Франции века с XIV были весьма нестрогими…

Местная легенда помещает на улице Горы Св. Женевьевы кабачок-бордель Толстой Марго, воспетый в нескольких балладах его верным посетителем, самым знаменитым из любовников хозяйки и величайшим из французских поэтов Франсуа Вийоном, – по основным профессиям – вечным студентом и разбойником. Кстати, в средние века переулки по обе стороны от аббатства Св. Женевьевы представляли собой наиболее опасные места в городе – далеко не один Вийон тут хозяйничал…

Франсуа де Монкобьер по прозвищу Вийон, воспитанник каноника церкви Св. Бенедикта Гийома Вийона, родился в 1431 г., в том самом году, когда была сожжена Жанна д'Арк и Столетняя война была в самом разгаре. Он поступил в Парижский Университет, стал бакалавром искусств, а в 1452 году получил степень магистра искусств в Сорбонне.

Как он жил в эти годы? Косвенно можно представить себе это, перечитывая «Пантагрюэля». Рабле в своем великом романе описал типичный образ жизни сорбоннских студентов времени раннего Ренессанса, оставив нам обобщенный образ студента Сорбонны в лице одного из самых своих ярких и противоречивых героев – Панурга. Только Панург не грабил никого и не убивал. А вообще-то похож… (существует известный роман Франсиса Карко «Горестная жизнь Франсуа Вийона», дающий вполне адекватное представление и о поэте и о Франции тех времен).

Под Рождество 1446 года Вийон принял участие в ограблении церковной сокровищницы. Один из соучастников донес на него, и он, написав знаменитое «Ле» (бурлескное завещание), бежал куда-то из Парижа.

Улица Святой Женевьевы

Затем след его отыскался в Анжере, где, связавшись с шайкой разбойников, он не только жил их жизнью, но и написал несколько баллад на блатном жаргоне. Затем он снова оказался в Париже. В 1455 г. во время драки из-за женщины Франсуа смертельно ранил своего соперника-священника и бежал из Парижа. Однако, через полгода, помилованный королем, он вернулся в столицу и снова принялся за грабежи в компании прежних приятелей.

В переулках Горы Св. Женевьевы он получил прозвище «Отец-кормилец»: едва ли кто умел лучше него стащить копченый окорок или укатить целую бочку вина (впрочем, с горы по переулкам бочка, надо думать, и сама катилась – только придерживай).

Оказавшись в 1458 году в Блуа, при дворе принца Шарля (Карла) Орлеанского, самого крупного из французских поэтов того времени, Вийон принял участие в одном из поэтических конкурсов, которые устраивал в своем дворце принц Шарль. Шарль задал присутствующим поэтам в качестве темы для стихов шутливую строчку: «От жажды умираю над ручьем». И Вийон продолжил ее, написав одну из самых глубоких и философских своих баллад:

От жажды умираю над ручьем,
Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом,
Чужбина мне ï страна моя родная,
Я знаю все, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто лебедицу вороном зовет.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышнее всех господ,
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

(перевод И. Эренбурга)

Парадоксальность этих стихов – частица парадоксальности не только жизни поэта и вора, пьяницы и вечно влюбленного идеалиста. Это зеркало парадоксальности самого Ренессанса, который сгустил в себе величайший взлет гуманистических философий – и бесчеловечность казней, неповторимые вершины почти всех европейских литератур – и низменную корысть интриганов или отравителей, великую живопись – и беспредел площадной вульгарности быта... Это было время величайших подвигов и самых низменных подлостей, мечты и шарлатанства, головокружительной святости и бесконечных войн...

Никогда Европа не была ни раньше, ни поздней, так противоречива, так парадоксальна, как в четырнадцатом – шестнадцатом столетиях. Жанна д'Арк и Лукреция Борджиа – вот два женских лика времени, словно бы исключающие друг друга.

А Вийон? Воплотив в себе одном всю несовместимость разнообразных до бесконечности граней эпохи, Вийон такое же лицо Ренессанса как, хотя бы, Леонардо да Винчи.

Шарль Орлеанский сразу понял, что такое Вийон. Он очень высоко ценил талант «этого бродяги» и не раз выручал потом своего коллегу из щекотливых ситуаций... А когда Вийон попал в тюрьму города Менг на Луаре, его освободил только что вступивший на престол Людовик XI, наслышавшийся о поэте от того же Шарля Орлеанского. Вернувшись из Менга в Париж, Вийон написал свое главное произведение – поэму «Большое Завещание» со всеми вставными балладами...

Через некоторое время попал он в тюрьму Шатле, в самом центре Парижа. Оттуда его всего через три дня отсидки выручил университет. Выйдя, он подписал обязательство уплатить огромный штраф в 120 золотых. А год спустя за новое ограбление Вийона приговорили к повешению.

В тюрьме, в ожидании казни, он написал «Балладу повешенных» и одновременно обращение в так называемый «Парламент», то есть в главный религиозный суд Парижа. Ему снова удалось избегнуть веревки – наказание смягчили: поэта-разбойника изгнали из столицы на десятилетний срок. Он написал «Балладу апелляции» и исчез из города. И тут след Вийона потерялся окончательно. Было ему 32 года.

Есть предположение, что в 1463 году он был все-таки повешен, причем за преступление, которого на этот раз вовсе не совершил... Во всяком случае, если даже Вийон и уцелел, то позднее этой даты он ничего не написал.

В 1493 году его стихи были впервые изданы. Если учесть, что Гутенберг изобрел книгопечатание в 1450 году, т. е. как раз в студенческие годы Вийона, то книга этого первого поэта французского Ренессанса оказалась в числе чуть ли не первой сотни печатных книг в мире, и уж безусловно одним из самых первых поэтических сборников, прошедших через печатный станок.

Сорбонна

Условно считается, что университет на левом берегу был основан в 1108 году. А десять лет спустя Пьер Абеляр, изгнанный из монастыря Нотр-Дам, как теперь бы сказали, «за нонконформизм в богословии», переселился со своими студентами на левый берег. Таким образом, парижский университет, один из первых в Европе, сразу становится еще и крупнейшим: «за несколько лет преподавания Абеляр выучил 3 тысячи студентов».

С осени 1119 года университет функционирует почти непрерывно, хотя сами здания Сорбонны возникли значительно позднее. В 1210 году университет отвоевал себе право автономного от властей управления, которое получил от короля Филиппа-Августа. А в 1231 году университет уже находился под покровительством Папы римского.

Вначале профессора собирали своих студентов каждый на определенном перекрестке двух улиц и читали лекции прямо на улице, а иногда снимали эту угловую комнату и через окно читали лекцию, так что кафедрой служил подоконник.

Вот как выглядели первые «аудитории»

Только в середине XIII в. появилось тут несколько общежитий, которые назывались коллежами (коллегии (лат.) – буквально «общие спальни» или место, где вместе лежат).

В те времена в Сорбонне занимались только богословием, грамматикой и искусствами. В 1331 г. добавился факультет медицины. Младше Болонского и старше Оксфордского, Парижский университет привлекал слушателей со всей Европы. Сюда ехали из дальних стран послушать Бонавентуру, Альберта Великого, Фому Аквинского и других тогдашних философов.

Название университет получил по имени Робера де Сорбонна, королевского капеллана при Св. Людовике. В течение многих веков Сорбонна была опорой строгого католицизма. Высшие духовные чины Сорбонны приложили руку и к сожжению Жанны д'Арк.

В 1471 году в одном из зданий Сорбонны, выходящем на ул. Сен-Жак, обосновалась первая во Франции типография. Ее создатель, Гийом Фише, позднее стал ректором Сорбонны.

В 1793 году якобинский Конвент постановил разогнать университет, но в 1806 году Наполеон восстановил его и сделал императорским. А в 30-х годах прошлого века Сорбонна получила от Луи-Филиппа вновь автономию и стала опять неким «государством в государстве».

Во время Второй мировой войны и оккупации Парижа университет был одним из главных центров Сопротивления.

Композиционный центр архитектурного ансамбля Сорбонны – Капелла. Она построена по указу кардинала Ришелье в 1642 году архитектором ле Мерсье, работавшим до того в Риме. В Париже он попытался придать своей небольшой постройке сходство с собором Св. Петра. Росписи выполнены Филиппом Шампанским. Гробница Ришелье высечена из мрамора Жирардоном в 1694 году по рисунку ле Брена.

* * *

От всхлипов старинного джаза
В кафе у Сорбонской капеллы
Решетка сада – как ваза –
Отражая гудки, запела.
Липы, дубы и вязы –
Вместе все облетело,
И постарело разом

Статуй мокрое тело.
Беспечные лица женщин
С тенями и светом медным –
Вечерний лик Сен-Мишеля –
Сменяется незаметно
Свечением сумасшедшим:

Стечение фар машинных,
Сияющие карнизы
Окон, подсвеченных снизу,
В смешенье зимы и лета,
В смещении тьмы и света –
Сгущенье мощеных камнем
На мокром пятен рекламных,
Отраженных в дожде недавнем,
Возвращенных стеклам и ставням,
Фонарям в напряженные дуги,
И нам, отраженным друг в друге,–
Чтоб стряхнув световые перья,
Вдруг найти за стеклянной дверью
Тишину, что укрыться успела
В кафе у Сорбонской капеллы...

В 1793 году якобинцы вскрыли могилу кардинала Ришелье, отрубили голову у трупа, захороненного почти за полтора столетия до того, и с неделю носили ее на пике по всему Парижу.

Мраморное же надгробие, основательно изуродованное, много лет находилось в Музее Памятников, и только в 1971 году отреставрировано и возвращено на свое место в капелле.

Сорбонская капелла, где никаких служб со времен революции более не бывает, стала в наше время выставочным залом. Около нее на Площади Сорбонны – несколько книжных магазинов и разных кафе. Это одно из самых оживленных мест студенческого Парижа:

И все сидят, дымят в кафе студенты
И говорят на разных языках.
Официант протиснулся вдоль стенки
С подносом переполненным в руках,
Там громоздятся чашки Вавилоном...
Кафе шумит.
Нет, тут определенно
Нет из моих знакомых никого:
Меня видали в обществе Вийона,
И в обществе Катулла до того,
А в Петербурге...
Но помилуй Боже,
В какой коктейль смешал Ты времена!
Кафе, таверна и кабак похожи,
И безразличны столик и страна,
И разницу между «тогда» и «ныне»
Не объяснить – слов подходящих нет...
Вот Вавилон – руина на руине,
А мне все те же девятнадцать лет.
Не убраны осколки Вавилона?
Да мало ль битых чашек на столах!

. . . .

Сидят и давят ложечкой лимоны
И говорят на разных языках.

Пантеон

На холме Св. Женевьевы, возвышающемся на 60 м над уровнем Сены (т.е. 84 м над уровнем моря), стоит Пантеон – один из ориентиров Парижа, видный из разных концов города. История Пантеона – это по сути дела история людского тщеславия, выразившегося тут прежде всего в нашем неумении отличить вечное от сиюминутного: само название Пантеона менялось не раз на протяжении его сравнительно недолгой истории.

В изысканную эпоху пудреных маркизов и начавшего уже отмирать стиля рококо, здесь на холме была заложена новая церковь в честь выздоровления короля Людовика XV. В 1755 г. архитектор Суффло (его наряду с Антуаном считают первым архитектором классицизма) представил королю свой проект. Здание должно было в плане выглядеть равноконечным греческим крестом с куполом над центральной частью и четырьмя малыми куполами колоколенок по углам кровли; каждый из четырех фасадов предполагалось украсить «строгой и стройной» колоннадой, поддерживающей над папертью крышу с треугольным фронтоном…

Вот тут, я думаю, внимательный читатель заметит, что я просто описываю Исаакиевский собор в Петербурге! Действительно, Монферран, строя Исаакий, воровал не только деньги и стройматериалы, о чем в России широко известно было уже к концу строительства, но, как мы видим, он украл и самый проект храма, скопировав его в архиве и предъявив как свой, на конкурсе, устроенном царем Александром Первым...

Суффло так и не увидел своей постройки завершенной: он умер в период бесконечных споров при дворе о том, надо ли строить колоколенки, каковы должны быть сюжеты барельефов на фронтонах... Споров было немало – любой придворный и особенно любая фрейлина при версальском дворе были специалистами во всем: чем выше было положение придворного при «Людвике Возлюбленном», тем более компетентным он считался. Напрасно Суффло вспоминал слова Лафонтена из басни о соловье (в изложении И. А. Крылова это звучит, как мы помним, – «А жаль, что не знаком ты с нашим петухом...»)

В конце концов, король, щедро тративший деньги на празднества и подарки придворным, но экономный во всех прочих областях, решил,

решил, «уступая мнению настойчивого господина Суффло» (подлинные слова Людовика XV), колокольни все же построить, но сэкономить на колоннадах: колоннаду король велел построить только одну – со стороны главного входа.

В дни революции 1789 г. Первый Конвент решил похоронить в этой новой церкви «первого из великих сынов Франции гражданина Мирабо». А затем решено было хоронить тут всех великих людей.

Колокольни, стоившие жизни архитектору, были снесены, крест снят, а на барельефе фронтона над главным входом Св. Женевьева была заменена аллегорической фигурой Родины-Матери, которую коронует древнегреческая богиня (?) Истина. Под барельефом появилась надпись: «Великим людям – благодарное отечество». На месте креста поставили фигуру Славы. И церковь переименовали в Пантеон. После похорон Мирабо сюда перенесли прах Вольтера.

Но настал 1793 год. Якобинская диктатура одним из самых первых своих декретов постановила «вынести из Пантеона аристократа Мирабо». Тут же «отец Французской революции», ставший теперь классовым врагом, был заменен «доктором Маратом». Но через два года, когда якобинцы были сброшены термидорианским переворотом, в свою очередь из Пантеона выкинули и Марата (так что история со Сталиным, полежавшим недолго в ленинском Мавзолее,

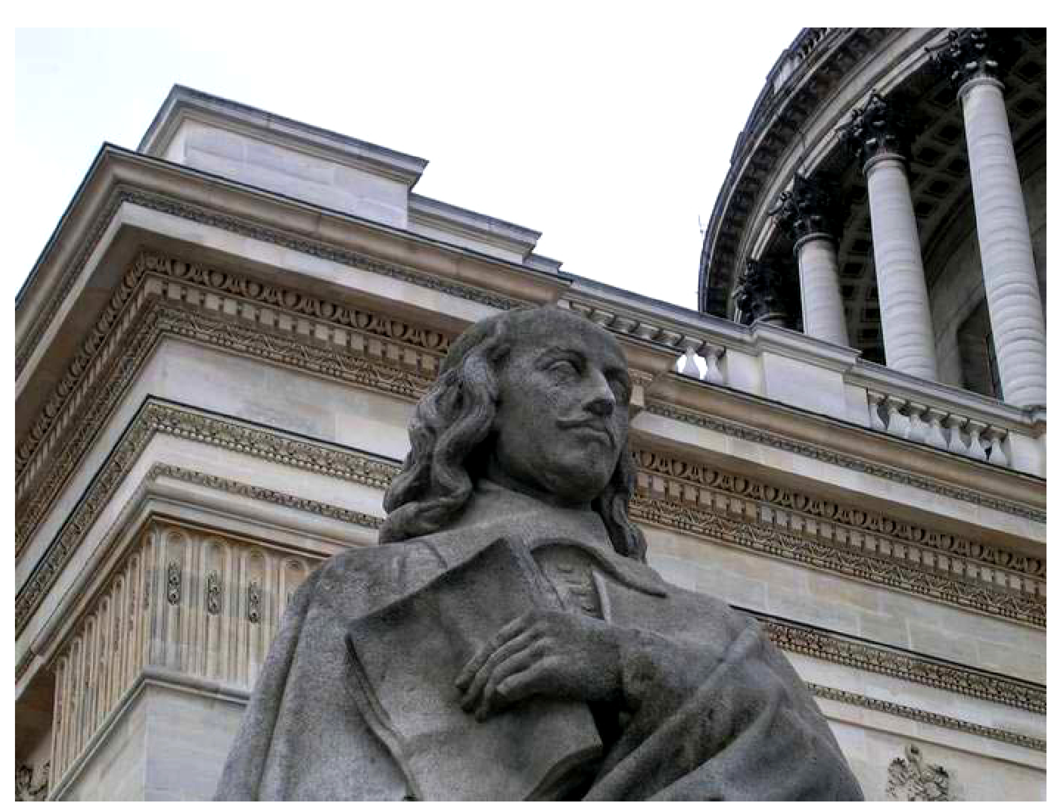
тоже не оригинальна...) Потом Наполеон хоронил в Пантеоне кое-кого из своих маршалов.

После реставрации Бурбонов Пантеон стал снова церковью, и надпись снова упоминала не «благодарное отечество», а Св. Женевьеву. Все скульптуры на фронтоне опять сменили на соответственные и начали снова переселять покойников: убрали Вольтера и Руссо в крипт под перистилем, чтоб не слишком мозолили глаза новой власти. Но все же хоть из Пантеона на сей раз не вынесли...

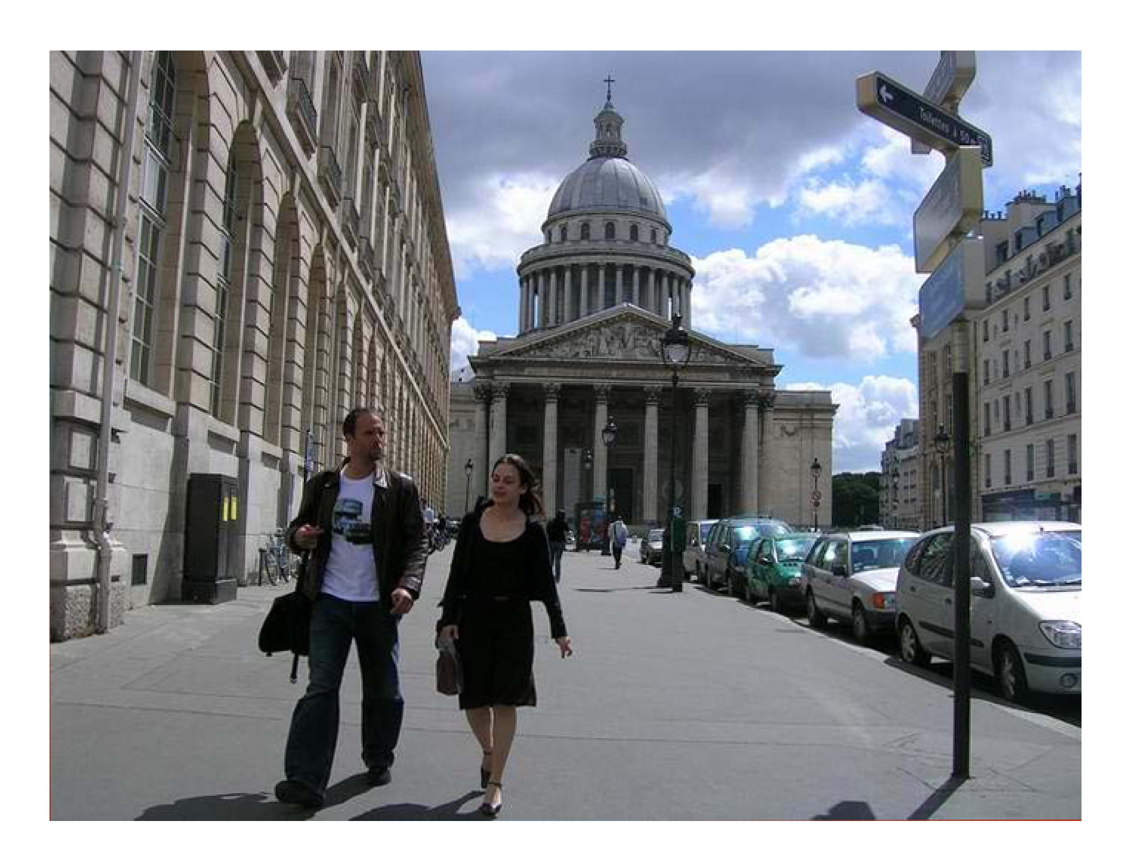
После революции 1830 года новый «буржуазный король» Луи-Филипп снова переименовал церковь в Пантеон и поместил на прежние места Вольтера и Руссо, а также (в четвертый раз!) сменил барельефы на фронтонах. На сей раз Родина-Мать раздавала венки, а История записывала, кому и за что.

На барельефах появились Мирабо, Мальзерб, Фенелон, Бертоле, Лаплас, Лафайет, Вольтер...

Появился среди них и Наполеон, но не император – нет, просто генерал Бонапарт, словно он так и был всегда знаменитым военачальником и не более того... Появился на площади и памятник Пьеру Корнелю.

А в 1847 году от площади Пантеона и до Люксембургского сада (до нынешней площади Эдмона Ростана) была пробита широкая улица, названная улицей Суффло. На том самом месте, где когда-то находился форум римского города Верхняя Лютеция.

В 1851 г. принц-президент (впоследствии Наполеон III) снова назвал Пантеон церковью Св. Женевьевы. И опять – «на веки веков». Снова водрузили крест. Но покойников на сей раз уже не трогали... Ровно через двадцать лет коммунары снесли крест, заменив его красным знаменем. Через два года Третья республика опять водрузила крест.

Когда в 1885 году умер великий изгнанник Виктор Гюго, та же Третья Республика опять переименовала церковь в Пантеон и похоронила «виконта Гюго» рядом с Вольтером. Полузабытый в наше время поэт Жорж Фурэ откликнулся так на это событие:

Ce gateau des Rois qui a Hugo pour fève
Le Panthéon classique est un morne tombeau.
Pour moi j' aimerais – que le Diable m'enléve –
Le gésier d'un vautour, ou celui d' un corbeau.

Королевский пирог наш Гюго получил:
Мешанину из статуй, гирлянд и могил.
Ну а я – хоть бы черт меня в пекло забрал –
Чем туда угодить – лучше б коршун сожрал!

Надпись «Великим людям – благодарное отечество» восстановили, но и крест оставили на куполе. Потом сюда перенесли прах великого врача Кабаниса и маршала Ланна. Позднее тут похоронили Эмиля Золя и вождя французских социалистов Жана Жореса, и уже сравнительно недавно сюда перенесли прах Пьера и Марии Кюри.

Вскоре после них похоронили тут знаменитого философа нашего времени, писателя, одного из руководителей Сопротивления, а позднее министра культуры в нескольких деголлевских правительствах, Андрэ Мальро. И уже в XXI веке перехоронили тут Александра Дюма (обе последние церемонии мне довелось издали наблюдать.)

Еще в пятидесятых годах XIX в. Леон Фуко подвесил под куполом свой знаменитый маятник, наглядно показывающий вращение Земли. Но даже маятник несколько раз то убирали, то снова вешали, видимо, в зависимости от политического момента – нужно или не нужно было напоминать французам, что земля вертится... Во вся-

ком случае, судьба самого здания вполне сравнима с маятником... К счастью, купол никто не догадался перестраивать, и он возвышается над Парижем, как двести с лишним лет назад...

Но если говорить о могилах – не хватает в этой церкви, по-моему, могилы великого поэта, хулигана и богохульника Франсуа Вийона, совершавшего большую часть своих сомнительных подвигов именно в этом квартале, но зато и посвятившего ему немало строк в своих балладах...

Каменная, немыслимо тяжелая и помпезная, громада Пантеона заслужила удел всех сооружений, отличающихся казенным величием: претендуют на славу, а получают иронию. Иронию Истории над попытками изобразить ее не той, какой она была...

Бульвар Сен-Мишель и Люксембургский Сад

Здесь, в серой тесноте Латинского квартала...
Так я хотел начать, но старость этих стен
Сильна в схоластике. Она отбормотала
Давно, все, что могла, по части всех систем.
Здесь висельник Вийон шептал за кружкой пенной
Распутные стихи сорбонским школярам,
Здесь, может быть Бальзак, мрачнея постепенно,
Распутывал ходы житейских дрязг и драм.
Здесь было, отчего не спать ночей... И время
Для воспаленных глаз бессонницы росло,
До хруста сжатое Декартом в теореме,
Чтобы упасть без чувств, как «Исповедь» Руссо...

(П. Антокольский, «Бульвар Сен-Мишель»)

Буль-Миш – бульвар Сен-Мишель – самая новая из улиц Латинского квартала. Он открыт в 1859 году, в ходе перестройки Парижа префектом бароном Османом. Знаменитым этот бульвар сделали литературные и студенческие кафе. Как писал один из мемуаристов, «тут потребляли больше парадоксы, чем кофе. Тут родился французский символизм». Нет на бульваре ни одного кафе, где не сидел бы часами Поль Верлен со своим «юным другом» Рембо...

Такими же завсегдатаями были тут поэты Эредиа и Маллармэ. Тут же – лицей Св. Людовика, из стен которого некогда вышли Расин,

Буало, Дидро, Талейран и аббат Прево – автор потрясшего в свое время европейских читателей романа «Манон Леско».

Кафе «Орленок» названо так потому, что именно тут за столиком на веранде писал Ростан свою романтическую драму, в которой заглавную роль играла (уже в старости!) великая актриса Сара Бернар.

На верхнюю часть бульвара Сен-Мишель около площади Ростана выходит решетка Люксембургского сада. Название сада, как и дворца, происходит вовсе не от города Люксембурга, а от латинского наименования этого куска земли – Лукотитиус (так назывался этот пригород Верхней Лютеции в I – IV вв.).

В 1612 году Мария Медичи, мать только что воцарившегося Людовика XIII, купила особняк, уже называвшийся Люксембург – теперешний Малый Люксембургский Дворец. В 1615 г. архитектор Соломон де Бросс выстроил большой дворец, который во многом, по желанию королевы-матери, был репликой флорентийского Палаццо Питти, дворца семейства Медичи, где провела детство королева.

Сад, прилегающий к дворцу, был разбит в итальянском стиле: на двух уровнях. Это напоминает итальянские террасные сады. Пестрые цветники, меняющие цвета в зависимости от времен года, и множество статуй – копий с античных – дополняют сходство.

Кроме античных статуй, на верхнем уровне находятся зачастую условные, не портретные, изображения французских королев.

Но жила Мария Медичи в Люксембургском дворце недолго. Борьба с кардиналом Ришелье, всесильным «министром всех дел» при ее сыне, закончилась не в пользу королевы-матери, которая в 1642 году умерла в изгнании в Кельне. А годом позднее умер и Людовик XIII. После Марии дворец перешел к ее младшему сыну Гастону Орлеанскому.

Во время революции дворец сначала стал пороховым заводом, а потом, в 1793 г., тюрьмой; тут сидели в частности Камилл Дюмулен, Дантон и другие «предатели Революции», как охарактеризовал их Робеспьер.

Художник Давид, посаженный сюда после Термидора, в 1794 г., за то, что служил якобинской диктатуре, писал, глядя из окон «камеры», пейзажи и работал над эскизами будущих картин (кстати, за год до того, когда Давид, арестованный якобинцами, сидел в другой тюрьме, Робеспьер приходил в течение нескольких дней в камеру к этому «врагу народа» позировать ему для своего портрета).

Термидорианская Директория разместила во дворце правительство страны. Наполеон Бонапарт после 18 Брюмера поселился тоже тут. А став императором, он поместил в Люксембургском дворце Сенат. Затем дворец полтора столетия пустовал. Наконец, с 1958 года по распоряжению президента Де Голля тут снова располагается Сенат (одно, кстати, из многих свидетельств симпатий де Голля к романтическому образу императора французов).

В «Малом Люксембурге», где теперь резиденция председателя Сената, родился в 1896 году физик Сади Карно, один из отцов термодинамики и Президент Франции в течение восьми лет.

Люксембургский сад всегда был любимым местом многих французских и не только французских писателей. О прогулках в саду упоминают в своих произведениях Дидро, Руссо, Ламартин, Андре Жид, Эрнест Хемингуэй.

Этюды к своим картинам писал тут художник художник Ватто. Часто бродили по этим аллеям Бодлер, Мюссе, Верлен, Гюго, Жорж Санд, Бальзак, Селин, Сартр, Иосиф Бродский:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я был заброшен в Люксембургский сад...

(из «Сонетов к Марии Стюарт»)

С северной стороны Люксембургского сада проходит бесконечная улица Вожирар.

И если выйти на нее и перейти, то вы увидите отходящие от нее в сторону собора Сен-Сюльпис непрезентабельные улицы. Их тут четыре. Именно на них поселил Александр Дюма своих трех (то есть четырех) мушкетеров.

На первой (если идти в сторону бульвара Сен-Мишель, то есть на восток вдоль уличного фасада Люксембургского дворца) жил Атос. На второй Портос, на третьей — Арамис. А на четвертой, уже давно не именующейся улицей Могильщиков, на том месте, где располо-

жена сегодня главная зубоврачебная клиника Парижа, снимал д'Артаньян комнату у господина Бонасье....

Такое соседство героев Дюма злые языки объясняют тем, что писатель был очень ленив, ходил по городу неохотно, а поскольку жил он в то время на улице Сены, тоже отходящей от сада к Сен-Сюльпису, то и поселил своих героев поблизости, чтобы случайно не ошибиться, описывая их пешие маршруты в других районах Парижа...

Собственно, сам бульвар Сен-Мишель очень длинный, но когда говорят «Буль-Миш», то имеют в виду обычно ту его часть, которая располагается между площадью Эдмона Ростана и площадью Сен-Мишель, открывающейся на набережную Сены и мост Сен-Мишель. На этой части бульвара – знаменитые книжные магазины Жибер и Ашетт. На площади Сен Мишель – круглосуточно слышна музыка, тут под фонтаном со статуей Михаила Архангела всегда полно молодежи – это самое крупное, наверное, в Париже место молодежных тусовок.

БУЛЬВАР СЕН-МИШЕЛЬ В ЖЕЛТЫХ ТОНАХ

Как только закат натолкнется с разгона
На арки мостов, и оближет бульвары,
Подгнившую славу со стен Пантеона
Смывают веселые желтые фары.
По стеклам кафе, в их верандах торчащих,
Играя на меди торшеров старинных
Прекрасной эпохи (почти настоящих),
Крошась и ломаясь в зеркальных витринах,

В глаза на мгновенье сверкнут торопливо,
Связав, словно молнией, белую тучу
С клубящейся пеной пивного разлива.

От площади Сен-Мишель отходит улица Сент-Андрэ-дез-Ар (Св. Андрея, покровителя искусств). Почти на всем своем протяжении она занята книжными лавками, среди которых есть и букинистические, а также разными магазинами и кафе. На идущих от нее к набережной улицах Мазарини, Сены и Дофина размещаются картинные галереи. Чуть ли не половина всех галерей Парижа сосредоточена в этом районе и прилегающих к нему с запада кварталах.

Термы и подворье Клюни

На бульвар Сен-Мишель, при пересечении его с бульваром Сен-Жермен, выходят руины древнеримских терм (Термы Клюни). Это самое крупное из уцелевших античных сооружений на территории Парижа. Сохранились до наших дней Фригидариум (зал с холодными бассейнами), Кальдариум и Тепидариум с ваннами в нишах.

Термы были построены в конце второго века, вероятнее всего при участии богатейшей тогда корпорации паризийских речников. Об этом говорит одна необычная деталь. Колонны Фригидариума, на которых держатся своды, вместо капителей имеют скульптуры кораблей, широких и круглобоких, напоминающих тот кораблик, который много позднее стал гербом Парижа. Видно, что корабли полны панцирями, шлемами, щитами и всяким прочим оружием. А на бортах кораблей – барельефные изображения тритонов. Ни в одной античной постройке ни до того, ни после, таких капителей не бывало.

Результат раскопок, в основном завершенных в 1989 г., не вызывает сомнений, что постройка относится или ко времени царствования

императора Септимия Севера (193-211), или его преемника Каракаллы (212-217).

Но термы, прослужив не дольше полустолетия, были заброшены в период нашествий варваров в III в. Исчезла мраморная облицовка залов, фресковая живопись, бронзовая мебель... По предположениям большинства археологов, эти термы составляли только часть огромного комплекса зданий, включавшего в себя и дворец римского наместника в Галлии, в котором в раннее средневековье жили первые короли династии Меровингов.

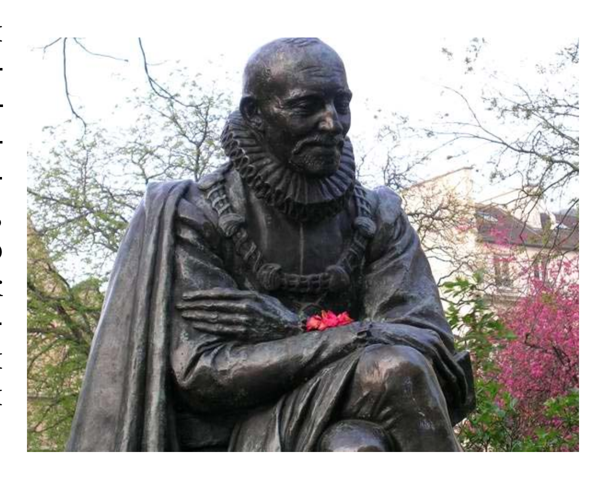
Остатки терм позднее оказались включенными в архитектурный комплекс подворья Клюни, одного из самых интересных сооружений Ренессанса в Париже. Оно построено в 1498 году.

Около 1300 г. Орден бенедиктинцев, главной резиденцией которого во Франции был знаменитый монастырь Клюни в Бургундии, купил в Париже участок, на котором находились руины терм и два особняка. Тут и было построено «подворье монастыря Клюни в Париже» полуготической-полуренессансной архитектуры, напоминающее английского типа позднюю готику. На подворье были склады продуктов из Бургундии, которыми торговали святые отцы в столице, и гостиница для «командировочных» монахов.

В здании подворья теперь располагается Музей Средневековья – музей Клюни. Именно здесь находятся утраченные в 1792 г. и найденные в 1974 г. головы статуй царей иудейских с фасада Нотр-Дам (см. Нотр-Дам). Тут же среди средневековых гобеленов – несколько знаменитых гобеленов из серии «Дама с единорогом».

Перед сквером, выходящим на улицу Школ, находится памятник Монтеню. Первоначально он был мраморный. Но поскольку его бесчисленное число раз покрывали надписями, да и для того, чтобы мрамор не выветриывался, памятник в конце 80-х г . убрали в музей, а на его место поставили копию, окрашенную в черный цвет.

В том же сквере стоит и подаренная Парижу Римом копия Капитолийской волчицы с Ромулом и Ремом.

Квартал Сен-Северен

Несколько ниже пересечения бульвара Сен-Мишель с бульваром Сен-Жермен находится квартал Сен-Северен, один из самых древних районов города. Это – тоже часть Латинского вартала. Сложилась она в XIII в. Когда возник Университет, то тут расположились многие коллежи. Свое название квартал получил от церкви Святого Северена, построенной уже в стиле пламенной готики. До нее тут находилась маленькая романская церковка, сожженная норманнами и восстановленная в IX в. Нынешняя церковь строилась в XIII – XV в.в. и теперь принадлежит греко-католической общине Парижа.

Вокруг церкви – множество греческих ресторанов и лавочек. На их месте в средние века были помещения, где сидели так. наз. «публичные писцы», писавшие не только деловые бумаги, но и любовные письма по образцам, собранным в письмовники (это отражено в знаменитом фильме «Дети райка»).

Во время строительных работ рядом с церковью был недавно откопан саркофаг эпохи Меровингов.

На прилегающих улицах – множество домов XV – XVI в., легко узнаваемых, поскольку нижние их этажи наклонены в сторону улицы, а все прочие – как бы завалены от улицы вглубь. На улице Арфы расположилось несколько кабарэ. Название свое эта улица получила в честь арфы иудейского царя Давида, поэта и певца, автора большей части псалмов. На улице Сен-Северен в доме 12 жил аббат Прево, автор «Манон Леско».

Но наиболее сохранившей средневековый облик считается ул. Юшетт, которая почти совсем не изменилась за последние 800 лет. Перед Второй мировой войной на этой улице (в отеле «Монблан») жили Э. Хемингуэй и Генри Миллер, а позднее – Пабло Неруда, в бытность его послом Чили в Париже. «Театр на Юшетт» (д. 23), называемый также театром Эжена Ионеско – первый театр в мире, где были показаны в 1957 г. спектакли по нескольким пьесам Эжена Ионеско, и по сей день не сошедшие с его сцены!

От этой улицы отходит узенький (2,5 м. шириной) переулок Кота-Рыболова, названный в честь верного кота, который в голодные дни 1918 года ловил в Сене рыбу и приносил ее своему старику-хозяину (см. довольно длинное стихотворение Н. Тихонова «Переулок кота-рыболова»).

На набережной, отделенная от нее небольшим сквером, стоит одна из самых старых церквей Парижа – церковь Св. Юлиана-Бедняка (St-Julien-le-Pauvre). Построенная в конце XII века, но еще типично романская, приземистая и мощная, она напоминает деревенскую церковь раннего средневековья.

В ней проповедовали Пьер Абеляр и Св. Фома Аквинский, бывали Вийон и Рабле, заказывали молебны Данте и Петрарка во время своих посещений Парижа...

До 1524 года тут проходили генеральные ассамблеи Университета и в помещении нынешней «крытой паперти» располагалась вся его администрация. С конца XIX века эта церковь принадлежит греческой православной общине, и тут можно увидеть византийский иконостас, привезенный тогда же из Дамаска.

В церкви в часы, когда не идут службы, часто бывают концерты классической музыки, в которых участвуют порой крупнейшие исполнители со всего мира – эта церковь славится превосходной акустикой. Фасад около входа вечно пестрит афишами.

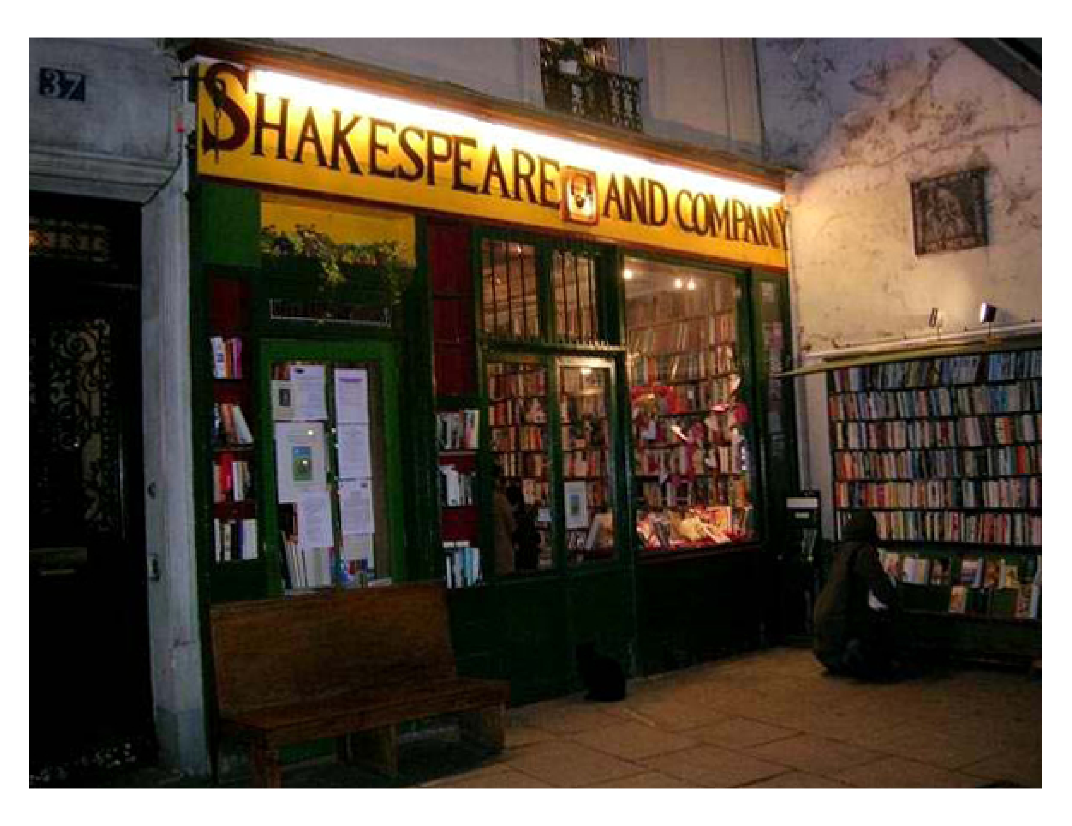

Рядом с церковью, на набережной в доме XVII в., располагается букинистический магазин «Шекспир и компания». Тут не только книги на всех возможных и невозможных языках, но и покупатели со всех концов света.

На трех этажах магазина роются в книгах, читают, спорят, нередко тут устраиваются поэтические вечера – и тоже на самых разных языках.

Примечателен не только сам этот магазин, но весьма колоритной личностью был и его первый владелец, англичанин похожий на Дон-Кихота, прославивший в конце шестидесятых годов этот магазин, вошедший в легенду Парижа...

Эта часть Латинского Квартала западным краем своим примыкает к одному из самых знаменитых мест Парижа – кварталу Сен-Жермен-де-Пре.

37
SHAKESPEARE AND COMPANY

Сен-Жермен-де-Пре (St-Germain-des-Près)

На бульваре Сен-Жермен, проложенном лишь в конце XIX столетия, который как тетивой соединяет два конца пятикилометровой излучины Сены, находится церковь, огромная для эпохи романской архитектуры – Сен-Жермен-де-Пре (St-Germain-des-Près), церковь Св. Германа в Полях. Это – самая старая церковь в городе, хотя и множество раз перестроенная.

В 542 году король Хильдеберт, вернувшись из похода в Испанию, приказал рядом со своим дворцом построить церковь, в которой желал быть похороненным, и сокровищницу, где намеревался поместить привезенную из похода богатую добычу: тунику Св. Винцента, золотой крест из Толедо и 50 ящиков с драгоценностями. По совету епископа парижского Германа (впоследствии – Св. Герман – St. Germain), король Хильдеберт, сын Хлодвига и Клотильды, построил на огромной поляне рядом с большой дорогой церковь и монастырь Св. Креста. В церкви были похоронены королева Фредегонда, все короли меровингской династии и сам Св. Герман (ум. в 576 г.).

Как рассказывает легенда, в 754 году саркофаг Св. Германа перетаскивали из крипта старой церкви в алтарь новой в присутствии короля Пепина Короткого (основателя династии Каролингов) и его сына, двенадцатилетнего Карла (будущего Карла Великого). И тут произошло чудо. Саркофаг никакими силами не удавалось сдвинуть с места. Король потребовал объяснить, что происходит, и аббат монастыря Св. Германа тут же заявил, что святой, мол, не хочет, чтобы его перемещали, поскольку люди короля грабят фермы в деревне Палезо, не слушая монахов. Король понял «намек», поклонился аббату и отдал Палезо со всеми фермами и этим самым разбойным населеньем в ленное владение монастырю. Тут же саркофаг святого Германа легко сдвинулся с места, толкаемый всего четырьмя монахами.

Карл, смышленый подросток, запомнил урок и, став королем, ни разу не конфликтовал с Церковью. В результате, как известно, в 800 году он получил от Папы Римского титул императора Запада (цель Папы была – противопоставить Византийской империи «свою», Западную, единую для всей Западной Европы, не менее мощную).

В 1000 г. церковь опять перестраивается, практически строится заново. Сложившийся к этому времени романский стиль представлен тут в самом чистом виде. Колокольня над входом в эту длинную базилику стала с тех пор важнейшей деталью городского пейзажа.

Конструкция свода, придуманная и осуществленная позднее великим зодчим Пьером де Монтреем, – впоследствии создателем Св. Капеллы и основным архитектором собора Парижской Богоматери – впервые во Франции позволила вместо древних хоров, как правило расположенных в виде поперечного балкона над входом в романскую церковь, построить круговую галерею, ставшую с тех пор неизбежным конструктивным элементом готических соборов во всей Европе. Тот же Пьер де Монтрей построил рядом капеллу Св.

Девы и аркады монастыря. Уцелевшая часть этих аркад находится в сквере с северной стороны от церкви.

В 1790 году аббатство было закрыто, а в начале июля 1794 была «во имя революции» сожжена знаменитая библиотека его и разбиты статуи на фасаде. Это был последний акт вандализма якобинской диктатуры. Росписи внутри церкви были в середине XIX столетия сделаны заново Ипполитом Фландреном.

Весь квартал вокруг церкви Сен-Жермен-де-Пре довольно густо заполнен требующими внимания историческими ми постройками.

В сквере на северной стороне церкви – памятник Гийому Аполлинеру – лучшему, наверное, из французских поэтов XX века. Это – женская голова работы П. Пикассо, которую художник подарил городу Парижу в память о своем друге. Она установлена в сквере в 1959 г., а неподалеку на том же бульваре Сен-Жермен, в палисаднике другой средневековой церкви, в середине 70-х г. украинская община Парижа поставила памятник Тарасу Шевченко.

Рядом с площадью Сен-Жермен-де-Пре – знаменитые кафе «Флора» и «Две образины» (Deux Magots), где с начала XX века и до пос-

левоенных времен собиралась художественная и литературная элита всего мира – тут и был «перекресток искусств»: Аполлинер, Хемингуэй, Ле Корбюзье, Генри Миллер, Брак, Пикассо, Мальро, Камю, Превер, Сартр... – вот только несколько имен завсегдатаев этих кафе. Существует даже литературная премия «Две образины».

С улицы Аббатства, параллельной бульвару Сен-Жермен, можно попасть на площадь Фюрстенберг, запрятанную в глубине квартала. Названа она в память кардинала Эгона де Фюрстенберга (конец XVII в.) сменившего на этом посту (но не на должности премьер министра!) кардинала Мазарини, и находится на месте главного двора бывшего аббатства. На площади в доме 6 помещаются мастерская и квартира Эжена Делакруа, автора знаменитой картины «Свобода на баррикадах». Художник жил тут с 1857 по 1863 год, в период работы над фресками собора Сен-Сюльпис, которые и сегодня можно увидеть в соборе, находящемся неподалеку. Это последний из больших соборов Парижа, кардинально перестроенный в первой половине XIX столетия в так наз. нео-флорентийском стиле. На площади перед собором – пышный и тяжеловесный фонтан со статуями четырех архиепископов парижских и фигурами лежащих львов, выполненных тогда же в стиле, похожем на барокко...

Квартал, расположенный между этим собором и Сеной, носит неофициальное название «Итальянского». Видимо, потому, что большая часть ресторанчиков, прячущихся в узких улицах, действительно знамениты хорошей итальянской кухней. Впрочем, среди них встречаются и провансальские. Но самое знаменитое место в этих живописных переулках – Пивоварня. Через витрину ее видна вся «аппаратура» для изготовления пива, как выглядела она еще лет 200 тому назад . Тут действительно можно выпить кружку пива, сваренного буквально за полчаса до вашего прихода (только бы охладиться успело). Готовят тут одновременно несколько сортов, которых вы не увидите больше нигде...

В том же квартале на набережной Сены точно против Лувра находится здание Французского института или Коллежа Четырех Наций (он же Коллеж Мазарини), в котором размещаются пять Академий, в том числе знаменитая Французская академия, созданная кардиналом Ришелье специально для работы над словарями французского языка. Кроме нее тут находятся: Академия литературы, основанная Кольбером, им же основанная Академия наук, Академия художеств и Академия политических наук. Раз в год в зале под куполом проводится совместное торжественное собрание всех пяти Академий.

Здание коллежа возведено архитектором Луи де Во по завещательному распоряжению кардинала Мазарини, «министра всех дел» при Людовике XIV, оставившего более двух миллионов на строительство коллежа, в котором обучались бы дети дворян и буржуа четырех областей, присоединенных к Франции по Пиренейскому мирному договору (Русийон, Эльзас, Пьемонт и Артуа).

Во время революции здание было превращено в тюрьму, где сидели, в частности, при якобинской диктатуре художник Давид и создатель гильотины, доктор Гильотен...

Полуциркульный фасад Коллежа напоминает фасад Павловского дворца: между центральным корпусом и квадратными павильонами – два изогнутых крыла, в одном из которых полуциркульной же формы огромные окна библиотеки. Тут размещается так наз. Библиотека Мазарини, ставшая еще при жизни ее владельца первой публичной библиотекой Франции: кардинал распорядился в 1643 г. раз в неделю впускать в свою библиотеку всех желающих.

Купол постройки пропорциями повторяет купол собора Св. Петра в Риме, но он не круглый в плане, а овальный. Это здание – одно из самых прекрасных в Париже зданий французского барокко...

Недалеко на той же набережной – Монетный Двор, колоссальное по занимаемой территории здание, построенное несколько позднее и относящееся к постройкам строгого классицизма второй половины XVIII в. (арх. Ж. Антуан). Главный фасад по центру имеет шесть арок с шестью ионическими колоннами и украшен аллегорическими статуями Предусмотрительности, Силы, Правосудия, Торговли, Изобилия и Мира.

В глубине квартала на улице Бонапарта расположены здания Школы академии художеств, построенные на месте Малого Августинского монастыря и особняка, в котором доживала свои дни королева Марго после отъезда из Марэ (см. замок де Санс).

◇◇◇◇◇

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВОКРУГ УЛИЦЫ РИВОЛИ; ЛУВР

Ул. Риволи, Мэрия и Гревская площадь, башня Сен-Жак, Шатле, Лувр, Сен-Жермен д'Оксеруа, Пале Руайаль, сад Тюильри, Вандомская пл., Опера, Мадлен, пл. Согласия (place de la Concorde), Национальная ассамблея.

Улица Риволи с ее продолжением улицей Сент-Антуан протянулась от площади Согласия до площади Бастилии. Имен было у этой улицы больше, чем можно запомнить: в Средние века многие участки ее носили каждый свое название. Вот некоторые из них: улица Нечестного слова, Старого селедочного сарая, Стертой монеты, Ракушечная…

После того, как вся улица в наполеоновские времена была спрямлена, она стала одной из главных улиц Парижа. Тогда же она получила свое нынешнее имя – в честь победы Наполеона в 1807 г. под Риволи в Италии.

Если двигаться от Марэ в сторону центра (то есть, на Запад, к площади Согласия), то мы последовательно минуем мэрию (Hotel de Ville), башню Сен-Жак, площадь Шатле с ее двумя театрами и мостом, ведущим в центр острова Ситэ, а затем более чем полукилометровое здание Лувра, вытянутое между ул. Риволи и набережной, а далее - Пале Руаяль, сад Тюильри и Вандомскую площадь.

Вандомская площадь, впрочем, не выходит на Риволи, а находится метров на сто севернее и соединена с улицей Риволи широким проездом, обе стороны которого оформлены теми же аркадами, что и сама улица Риволи.

Мэрия Парижа (Hôtel de Ville) и площадь Мэрии (исторически – Гревская площадь)

До середины XI столетия эта большая площадь на берегу Сены представляла собой обширный пустырь, полого спускавшийся к реке и усыпанный крупным песком. Именно поэтому с начала XII в. она уже звалась Гревской площадью (*greve* – крупный песок или мелкий гравий). Название это исчезло только в 1802 г.

С давних времен на этом месте собирались люди, искавшие случайных заработков – тут всегда можно было заработать на погрузке или разгрузке судов. Позднее «идти на Гревскую» («aller à la Grève») стало синонимом понятия бастовать, и по-французски до сих пор слово «la grève» означает забастовку.

Древнее и богатое Общество парижских речников, перевозившее товары по Сене, Марне и Уазе, купило этот пустырь за 70 фунтов серебра у короля Людовика VII Юного в 1141г. Тут образовался порт и большой рынок. Здесь же перегружали товары с кораблей и барж на телеги. В 1190 году стена Филиппа-Августа отгородила этот порт вместе с замком Шатле от пригородных лугов и рощ, таким образом и рынок, и порт оказались в черте города. Тем самым им была обеспечена защита от всяких нападений извне.

Постепенно это место стало главным торговым портом Парижа. Появились отдельные причалы: Винный, Хлебный, Соляной, Угольный... Рядом были построены несколько водяных мельниц.

Эта базарная площадь прославилась в истории тем, что в течение пятисот лет, с 1310 и до воцарения Луи-Филиппа в 1830 году, была местом публичных казней. В Средние века для простых людей тут воздвигали виселицы, дворянам рубили головы, разбойников с больших дорог колесовали, а еретиков и ведьм сжигали на кострах.

Первыми казненными тут были три человека: некая Маргарита Поретт, священник из Бове и еврей, обвиненные в ереси (имена еврея и священника в истории не сохранились). Всех троих в 1310 г. сожгли живыми по приказу Филиппа IV Красивого, прозванного Железным королем.

Тут же закончил свои дни коннетабль Франции граф Луи Люксембургский, в ходе войн между Бургундией и Францией никак не выбравший окончательно, с кем он: то ли с Людовиком XI, то ли с герцогом Бургундским. Поэтому Людовик XI и велел отрубить графу голову.

В 1574 году тут были обезглавлены: капитан Монтгомери (см. главу о Марэ), задолго до того случайно убивший на турнире короля Генриха II, и де Ля Моль, любовник королевы Марго, вместе со своим другом Коконасом (см. роман А. Дюма «Королева Марго»). В 1610 г. тут же четвертован фанатик Равальяк, убийца Генриха IV. В 1721 г. колесован тут знаменитый разбойник Картуш... Это все – только самые известные русскому читателю персонажи.

Каждая казнь собирала огромную толпу, от придворных до пригородных крестьян. Стоимость места у окна любого из домов, откуда можно было смотреть эти «спектакли», доходила до 8 пистолей в середине XVII в.

Malheuereux espace de terre
Fu gibet public consacré
Terrain ou l'on a massacré
Cent fois plus d'hommesqu à la guerre.

Несчастнейший кусок земли!
Дань виселицам воздана!
Законы жизней унесли
Раз в сто побольше, чем война.

Так писал в 1655 году поэт Клод Ле Пти в невероятно длинной сатирической поэме «Скандальная хроника или забавный Париж», в которой он не пощадил ни прежнего короля, ни нового (Людовика XIV), ни церковь, ни министров. Как писал современник: «этот фривольный (*libertin*) поэт атаковал все и вся на земле и на небе». А ровно через десять лет, 1 сентября 1665 года он и сам был в возрасте 30 лет «за кощунственные сочинения» вместе со всеми своими произведениями сожжен на костре на той же самой площади. Но поскольку поэма его все же дошла до наших дней, то может и верно, что «рукописи не горят»?

Тут же на Гревской площади 25 апреля 1792 года впервые была испытана гильотина. Попробовали ее на незначительном воришке, а затем возили по всем площадям Парижа, где она работала ежедневно в течение двух лет. А 22 апреля 1793 года тут в присутствии Робеспьера и Сен Жюста сожгли вытряхнутые из захоронения останки Св. Женевьевы.

Тут же, всего за два дня до падения Робеспьера, был казнен поэт Андрэ Шенье, сподвижник «отца революции» Мирабо и критика Кондорсэ, особенно прославившийся в первый, демократический период революции (1789-1791 гг.). Он не скрывал своего презрения к люмпенам из якобинского клуба, которые «схавали Революцию и начали от ее имени править страной».

Шенье написал знаменитую «Оду», в которой прославил Эвмениду – Шарлотту Корде. Он же, революционер, составил королевское письмо к Конвенту, в котором Людовик отстаивал свое право апеллировать к народу по поводу вынесенного ему смертного приговора.

Молодой Пушкин, переведя часть стихов Шенье, включил их в свою поэму о последних часах французского поэта:

Твой стих свистал по их главам,
Ты звал на них, ты славил Немезиду,
Ты пел маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду.

Потом эти строки – перифраз из «Оды» Андрэ Шенье – еще раз слегка измененные, вошли в стихотворение Пушкина «Кинжал».

В 1828 г. с площади был перекинут на левый берег Сены пешеходный мостик, а в 60-х гг. на его месте был построен нынешний Аркольский мост, названный так в честь одной из битв Наполеона. Тогда же площадь была увеличена вдвое за счет нескольких улочек, снесенных при реконструкции города префектом Османом. С тех пор облик площади почти не менялся.

В конце 1980-х годов площадь была украшена фонтанами и превращена в пешеходную зону. Зимой в последнее десятилетие тут устраивают настоящий каток и коньки напрокат дают.

В 1246 г. Св. Людовик создал для Парижа муниципальный совет из четырех представителей, который должен был избираться всеми парижанами, имевшими постоянное жилье. Глава этого совета назывался прево (*Prévot des marchands*), т. е. «глава торговцев», и играл немалую роль в жизни города. Поэтому печать самого крупного тогда торгового цеха – Общества парижских речников – стала печатью и городского муниципалитета.

На печати был изображен тот самый кораблик, который и стал вскоре гербом города Парижа. В 1586 году был добавлен девиз «Плывет и не тонет» (по латыни *Fluctuat nec mergitur*). В разные времена на гербе добавлялись и исчезали изображения лилий, пчел, звезд, революционных пик, снова лилий и т.д., но кораблик так и остался центром герба.

До самой революции 1789 г. Парижем управлял прево (старейшина купеческого цеха), первоначально выборный, с четырьмя помощниками (представителями), которые ведали полицией порта, мостов, набережных и навигации, сбором пошлин, прокладкой улиц и постройкой общественных зданий. Прево и четыре помощника его назначали советников, числом 24, которым в свою очередь подчинялись более мелкие должностные лица.

В эпоху абсолютизма последних Людовиков прево и его помощники уже не избирались, а назначались королем, должности советников стали наследственными, и таким образом роль муниципальной власти была сведена к минимуму.

Первоначально прево собирал своих помощников и советников в Доме торговцев (в районе Шатле, недалеко от Гревской площади), но в 1357 году прево Этьен Марсель (создатель Бастилии) перенес заседания в «Дом с пилястрами» на самой площади. Дом этот, некогда собственность короля Филиппа-Августа, был куплен муниципалитетом. Он представлял собой двухэтажное сооружение с аркадой в нижнем этаже. Большой зал был площадью всего 60 кв. метров. Стоял дом на том же месте, где нынешняя мэрия.

Два века спустя, при Франциске I, здание было перестроено. Северная же часть была достроена позднее, при Генрихе IV, тосканским архитектором Домиником по прозвищу Бокадор. Он же слегка переделал центральный фасад, который стал почти таким, каким мы видим его сейчас. На тимпане центрального фронтона скульптор П. Биард поместил барельеф – Генрих IV верхом.

В 1689 году во дворе была поставлена статуя Людовика XIV работы Куйсево, которая сейчас находится во дворе музея Карнавале (Музей истории Парижа). Это единственная бронзовая статуя в Париже, пережившая якобинский период революции, и уцелевшая, видимо, только потому, что стояла под самым окном кабинета Максимилиана Робеспьера. И диктатор просто не мог ее видеть: вход в здание был с противоположной стороны, с Гревской площади... Все остальные бронзовые скульптуры были якобинцами переплавлены на пушки.

Отсюда, из этого кабинета, в дни термидорианского переворота и был уведен в тюрьму Консьержери Робеспьер.

Здесь в здании мэрии в 1810 г. был устроен грандиозный бал в честь венчания Наполеона с Марией-Луизой, а год спустя не менее пышный праздник в честь рождения его сына, тут же получившего титул Римского короля (см. трагедию Эдмона Ростана «Орленок»). По поводу этого второго брака императора историк Ги Бретон писал в 1970 г.:

> *Созданный своей первой женой Жозефиной Богарнэ и умницей Дезирэ Клари, Наполеон был сожран Марией-Луизой... Став марионеткой в опытных руках молодой женщины, ненавидевшей его с детства и сумевшей сделать из своей постели главное поле битвы, Наполеон за*

4 года потерял империю, строившуюся 15 лет... Иные историки считают, что Мария-Луиза, мстя французам за убийство своей «тети» Марии-Антуанетты, все поведение свое согласовывала с волей отца, императора Франца I, и князя Меттерниха, которые таким образом победили самого непобедимого из полководцев всех времен.

(Ги Бретон, «Любовные истории в истории Франции», т. 9).

Мэрия при Наполеоне была расширена, но достигла нынешних размеров только в 1841г. В парадных помещениях появились тогда плафоны работы Энгра и Делакруа, множество картин, скульптур и других первоклассных произведений искусства. Но все это погибло в 1871 году.

24 мая 1871 г. руководители Парижской Коммуны, располагавшиеся в мэрии еще с марта, полили все помещения керосином и подожгли... Сгорело все – от картин великих мастеров до архивов, в которых хранились документы муниципалитета, начиная с середины XIV в.! От мэрии остались одни обгоревшие стены...

В тот же день в Соборе Парижской Богоматери коммунары свалили в кучу мебель, но вовремя подоспевшие версальцы, предупрежденные одним из поджигателей, успели выбить коммунаров из собора.

Понадобилось десять лет, чтобы восстановить здание мэрии (архитекторы Баллю и Деперт – 1872-1882).

На фасадах мэрии размещено 108 статуй знаменитых парижан. Единственный из них, не родившийся в Париже, – архитектор Бокадор. Кроме того – тридцать статуй, олицетворяющих разные города, хотя почему-то среди них нет эльзасских городов Страсбурга и Меца (возможно, потому, что Эльзас и Лотарингия, пограничные с Германией земли, в течение веков не раз переходили из рук в руки).

По другую сторону мэрии от берега до ул. Риволи проходит очень короткая и широкая улица Лобо; одна сторона ее состоит из заднего фасада (с главными воротами во двор) той же мэрии, другая сторона – две казармы наполеоновской гвардии, построенные в стиле строгого классицизма. Между казармами – проход на площадь к величественному фасаду церкви Сен-Жерве-Сен-Проте.

Башня Сен-Жак

Со времен Каролингов на перекрестке водного пути по Сене с востока на запад и большой дороги с севера на юг Франции, на месте нынешнего сквера, между улицами Риволи и Виктории, стояла огромная, тяжелая романская церковь Святого Якова (St. Jacques). Издавна тут собирались паломники, отправлявшиеся в Испанию в Сантъяго де Компостела.

Позднее церковь была перестроена – стала готической – и наконец в 1510-20-х годах была выстроена колокольня в стиле пламенной готики.

Только эта прекрасная колокольня и осталась от церкви, разобранной в 1797 г. На верхней площадке ее – статуя Св. Иакова Великого, а по углам колокольни находятся скульптурные изображения орла, льва, быка и человека, символизирующие четырех евангелистов.

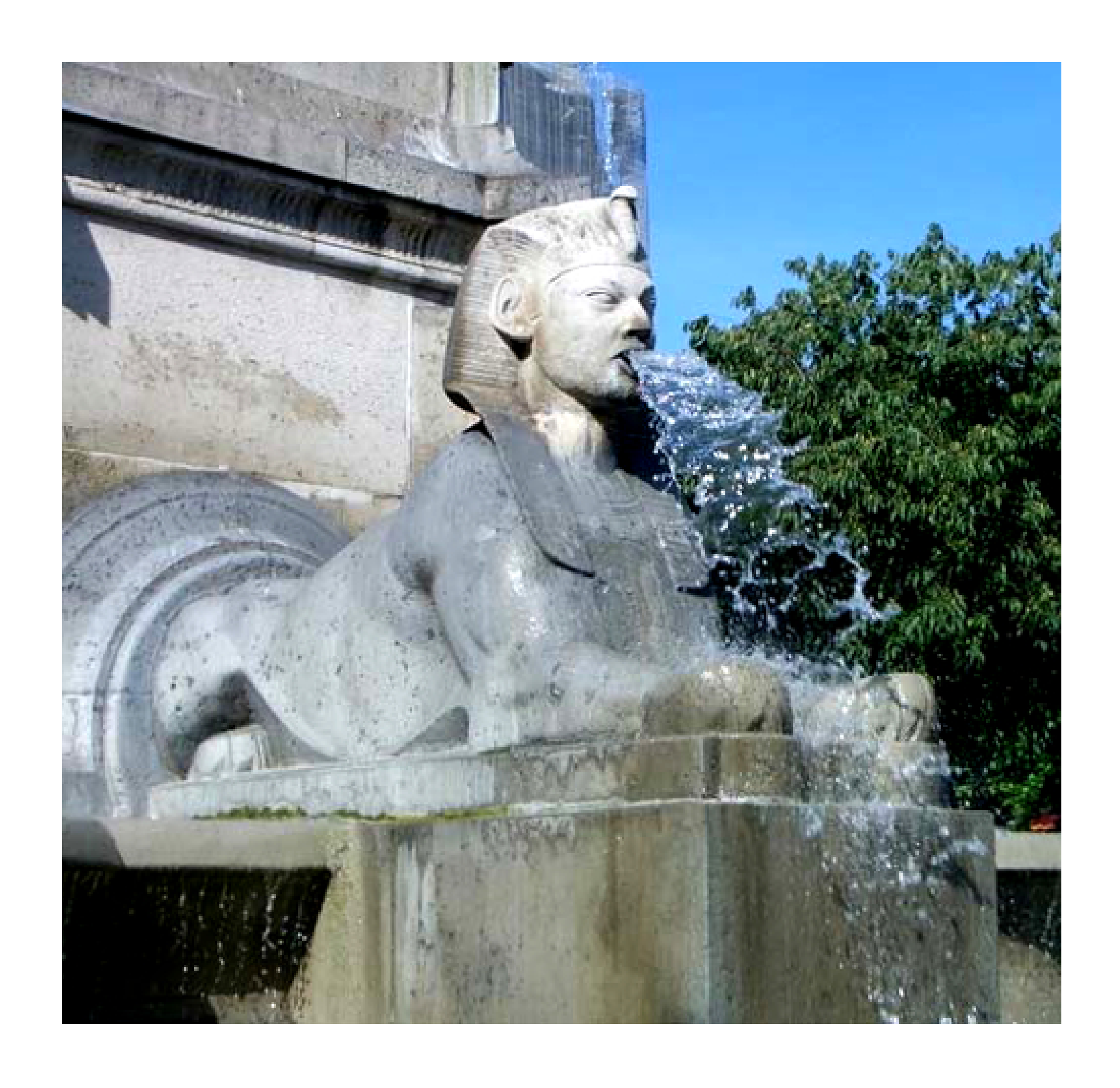
Под сводом первого яруса – статуя Блеза Паскаля, когда-то проводившего тут опыты по измерению атмосферного давления. В нишах на разных уровнях – еще 19 статуй разных святых.

Шатле (Châtelet)

В 1130 г. король Людовик VI Толстый приказал построить маленькую крепость для защиты моста, ведущего на остров Ситэ на том месте, где некогда стояла деревянная башня, сожженная викингами за два века до того. Сломана была эта крепостца только в 1806 году по приказу Наполеона. Тогда же в центре образовавшейся тут площади был сооружен фонтан, напоминающий о Египетском походе.

В 1863 году площадь приняла свой нынешний вид, после того как по обеим ее сторонам выросли два театра. Слева (если стоять спиной к Сене) – Театр Шатле с залом около трех тысяч мест. В этом театре в конце прошлого века была показана феерия «80 дней вокруг света» по только что вышедшему тогда роману Жюля Верна.

Напротив – Городской театр, бывший театр Сары Бернар, в котором великая актриса играла многие годы. Купив здание в 1899 году, она открыла сезон следующего года специально для нее написанной трагедией Эдмона Ростана «Орленок». Поскольку великая актриса играла и тогда, когда ей ампутировали ногу, Э. Ростан специально написал трагедию, в которой главный герой — больной подросток — не должен был ходить по сцене. Тут же несколькими годами ранее были ею показаны «Дама с камелиями» и «Флория Тоска». Но в последний раз парижане видели на сцене свою любимую актрису, когда ей исполнилось 76 лет. Около фойе театра сохраняется в неизменности ее гримировочная.

По углам здания театра находятся теперь два кафе, в одном из которых висит мемориальная доска, напоминающая о том, что на месте, где расположена теперь сцена театра, на решетке, выходившей на улицу Старого Фонаря, в 1855 г. повесился поэт Жерар де Нерваль. Другое кафе носит имя Сары Бернар.

Лувр (Le Louvre)

В 53 году до Р. Х. на месте Лувра был второй (после Ситэ) римский укрепленный лагерь, в котором, как свидетельствует Юлий Цезарь (см. «Комментарии к Галльской войне»), стояли четыре легиона под командованием Лабениуса, разбившего при Алезии галлов и взявшего в плен их вождя Верцингеторикса.

В 885 году тут разместили свой военный лагерь норманны (нападавшие трижды на Францию при последних Каролингах). Они в этот раз поднялись по Сене на 800 барках под командой Зигфрида и попросили позволения проплыть мимо города вверх по реке. За это Зигфрид пообещал Парижа не трогать. Граф Парижский Эуд отказал им. Норманны попытались взять Париж приступом, но не смогли. Сам граф Эуд, так же как архиепископ и еще десятка полтора парижан, погибли в этом сражении. В то время на площади (теперешняя улица Лувра) уже сто лет как стояла церковь Сен-Жермен-д'Оксеруа, которую Зигфрид использовал как временную крепость. Простояв месяц под стеной Парижа, Зигфрид вынужден был уйти. Флот его поплыл в Бургундию, к верховьям Сены. Но прежде Зигфриду пришлось протащить все свои 800 кораблей волоком по правому берегу. Только километра на четыре выше острова Ситэ

норманны спустили корабли на воду, чтобы плыть дальше, оставив дерзкий город у себя в тылу. Самое странное, что обратно по Сене норманны так и не проплыли. А куда они со своими кораблями девались, на какую реку переволокли их, — и поныне немалая загадка. Хотя известно, что каким-то образом полгода спустя норманнами же были разорены несколько городов в Италии… Вот только Зигфрид это был со своим войском, или другие норманны, может быть приплывшие со стороны Гибралтара или даже из Черного моря??? Ведь если бы 800 кораблей спустились в море по Роне, их бы там видели…

Перед отправлением в Третий Крестовый поход король Филипп-Август приказал оградить Париж стеной (1190-1202 гг.) В том месте, где эта городская стена упиралась в Сену, была построена на правом берегу тридцатидвухметровая башня, окруженная квадратом стен со стороной около 77 метров и рвом, заполненным водой из реки. Этот донжон и был первоначальным Лувром. Название места существовало задолго до того времени и, по-видимому, означало на франкском языке «укрепление» (*lower*).

При Карле V крепость, оказавшаяся уже внутри новых городских стен, стала королевской резиденцией. Перебравшись сюда из старого дворца, называемого ныне Консьержери, король приказал построить специальное помещение для библиотеки. Отец Карла V, Жан Добрый, имел всего 10 книг, причем одной из них была непременная Библия, а библиотека Карла состояла из 800 томов, что доказывает дворцовый каталог 1373 г. Во время английской оккупации Парижа в годы той самой Столетней войны, которая прославила и погубила Жанну д’Арк, герцог Бедфорд купил эту библиотеку. Купил, хотя по праву победителя мог вполне увезти просто так, как позднее с времени Наполеона и до наших дней поступали все оккупанты. Но во времена, когда на дорогах грабили все и всех, за библиотеку все же считалось приличным заплатить – и герцог уплатил королю, изгнанному из дворца, 1200 франков – сумма немалая во времена, когда за один франк можно было купить пару быков.

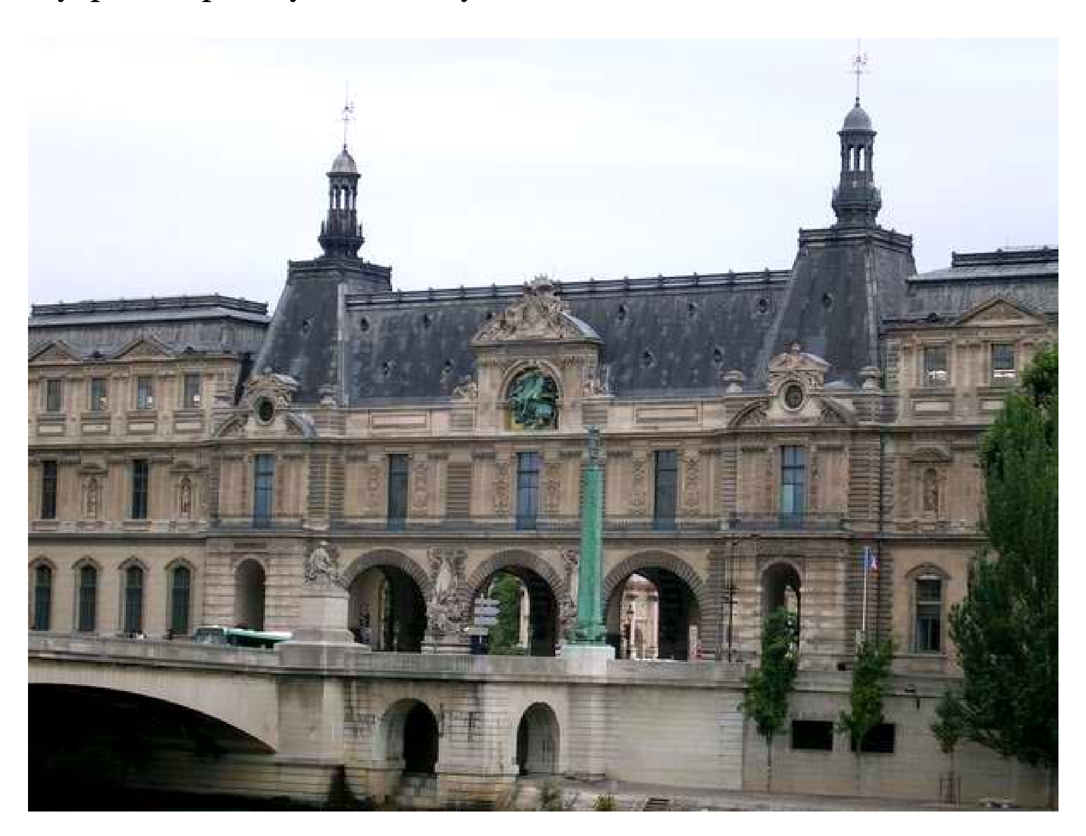
В XV веке Лувр был оставлен: короли большую часть года жили в замках на Луаре.

А в 30-х годах XVI столетия, в царствование Франциска I, переселившегося из Шамбора на Луаре снова в Париж, донжон Лувра был срыт. Основание донжона с угловыми полубашнями можно увидеть в подвальном этаже нынешнего луврского музея. Этот раскоп открыли для обозрения в начале 80-х гг.

В 1546 году Франциск I поручил архитектору Пьеру Леско строительство королевского дворца.

Итак, во времена Рабле средневековый замок Лувр уступил место ренессансному дворцу. И несмотря на множество более поздних достроек и переделок, кое-где до сих пор можно увидеть в архитектурных орнаментах личную эмблему Франциска I – саламандру.

Леско успел построить восточную, северную и южную части дворца с воротами и портиками, таким образом он сформировал почти полностью весь знаменитый Квадратный двор и построил внутри Лувра центральную лестницу.

После смерти Франциска I, в 1549 году, Генрих II приказал архитектору изменить первоначальный проект и перенести лестницу в северное крыло. На этой перенесенной лестнице сейчас стоит Ника Самофракийская. Заодно Леско увеличил площадь Квадратного двора, фасады которого были тогда же украшены барельефами работы Жана Гужона. Этот же скульптор отделал в 1550 году Зал кариатид и личные комнаты короля в северо-восточном павильоне.

Для Екатерины Медичи в 1563 г. с западной стороны Лувра был построен дворец Тюильри, стоявший перпендикулярно Сене и зам-

кнувший весь ансамбль. Дворец просуществовал почти ровно три века и был сожжен в 1871 г. коммунарами, с благословения комиссара Парижской коммуны по культуре художника Курбэ. От этого дворца остались только два угловых квадратных павильона – Марсан и Флора – расположенные соответственно на северном и южном концах гигантского П-образного здания Лувра и выходящие к саду Тюильри, а также построенная при Наполеоне триумфальная арка Карусель, служившая парадными воротами дворца Тюильри (слово «карусель» в средневековой Франции означало вид рыцарского состязания, при котором на каждой стороне сражается по нескольку рыцарей. Но иногда этим словом обозначали и просто любые конные состязания).

Появилась в восточном корпусе Галерея Аполлона, а затем и королевские апартаменты последних Валуа, окнами на Сену. Тут же были и комнаты королевы Марго, где в Варфоломеевскую ночь прятался ее муж, будущий Генрих IV, а этажом выше – апартаменты Карла IX, с балкона которых молодой король в эту же ночь стрелял из арбалета в пробегавших по набережной гугенотов.

Когда королем стал наконец Генрих IV, он, едва вступив в Париж, приказал форсировать работы в Лувре. Была закончена Малая Галерея, построена Большая (арх. Метезо и Серсо). А вот на месте ны-

нешнего северного корпуса, расположенного вдоль ул. Риволи (из которого только в 1983 г. выселили Министерство финансов), был тогда личный огород Генриха IV, где этот «король на все руки» сам выращивал свои любимые овощи: спаржу и чеснок...

Король мечтал осуществить полностью большой луврский проект Генриха II. Но – как сказано в уже упомянутой тут знаменитой французской народной песенке:

Однажды смерть старуха
Пришла к нему с клюкой,
Ее ударил в ухо
Он рыцарской рукой.
Но смерть, полна коварства,
Его подстерегла,
И нанесла удар свой
Ножом из-за угла.
От этого удара
Кровь брызнула из жил,
И нечестивец старый
Скончался, как и жил...

(русский текст А. Гладкова)

Смертельно раненного короля доставили в Лувр, где он и умер 14 мая 1610 года.

На протяжении XVII века, в основном сохраняя принципы плана Пьера Леско, работали над Лувром архитекторы Мерсье, ле Во, художники Пуссен и Романелли... К этому времени дворцовый комплекс Лувр-Тюильри достиг нынешней длины – 660 м. вдоль набережной Сены.

В начале XVII в. апартаменты Карла IX стали личными комнатами Анны Австрийской. И в том самом Малом кабинете, с балкона которого стрелял в гугенотов Карл IX, полвека спустя (согласно А. Дюма) королева принимала герцога Букингема и дала ему злосчастные подвески, за которыми д'Артаньяну потом пришлось скакать в Англию...

А выше этажом вскоре разместился – после смерти Ришелье и Людовика XIII – новый всесильный «министр всех дел» – кардинал Мазарини, многолетний любовник стареющей королевы Анны Австрийской и фактический регент при ее сыне, будущем «Короле-

солнце» (Мазарини велел даже соорудить секретную винтовую лестницу, которая вела из его спальни прямо в спальню королевы.)

В самом начале самостоятельного царствования Людовика XIV, приглашенный королем Мольер со своей труппой 24 октября 1658 года, в зале Кариатид, дал свой первый спектакль при дворе.

В 1661 году после наводнения архитектор ле Во перестроил весь нижний этаж крыла Лувра, выходящего на набережную, разместив там зал древностей и библиотеку, а над ними – картинную галерею.

Если внимательно смотреть на разные фасады дворца, то можно обнаружить в орнаментах множество монограмм. Большая часть их прочитывается достаточно просто. Но есть и загадочные. Так, латинская буква «H», начальная в имени Анри (*Henri*), т. е. Генрих, и находящаяся на фасаде времен Генриха II, сплетена с двумя дугами, смотрящими в разные стороны. На самом деле это не дуги: одна из них – латинская буква «C» (Катрин Медичи), а другая – буква «D» (Диана де Пуатье). Так «последний король-рыцарь» угодил одновременно и своей молодой жене, и своей немолодой любовнице. С Дианой Генрих II сошелся по совету отца, короля Франциска I, уступившего девятнадцатилетнему сыну эту сорокалетнюю красавицу, которая таким образом фактически правила Францией не только последнее десятилетие царствования Франциска, но и еще двадцать лет – все царствование Генриха II, постоянно вызывая ревность королевы Екатерины Медичи.

А монограмма Генриха Четвертого – просто «H» без других букв и даже без номера: видимо, считал он, что останется если не единственным, то хоть самым главным из Генрихов в истории Франции. И не ошибся...

Далее следуют: «L A» (Людовик XIII и Анна Австрийская) и «L B» – (Людовик Бурбон) – монограмма Людовика XIV.

В 1664 году первый министр и министр финансов этого короля, автор максимальной централизации страны Кольбер созвал для завершения строительства дворца комиссию по Лувру, состоявшую из архитекторов ле Во, ле Брена и Клода Перро.

Клод Перро, брат знаменитого сказочника Шарля Перро, создал проект главной колоннады Лувра, который был, однако, осущест-

влен только 140 лет спустя, поскольку Людовик XIV как раз в это время перенес столицу в Версаль. Лувр же, переставший быть королевской резиденцией, как и Париж, переставший быть столицей, остались на полтора века за бортом истории.

Но зато осуществилась идея Генриха IV – нижний этаж всего огромного дворца стал мастерскими и жильем для художников, скульпторов, архитекторов, работавших для двора. Тут работали и жили в разное время более полусотни художников – от Дюпона (изобретателя ковроткацкой техники «савонери») и до Давида, с одинаковым усердием писавшего портреты королей, якобинских вождей и Наполеона...

Однако, некоторые работы по завершению ансамбля Лувра все же продолжались и в царствование Людовика XV. Было оборудовано помещение для Королевской библиотеки, а в Большой галерее (уже при Людовике XVI) был открыт общедоступный музей.

125 лет Лувр не был королевской резиденцией. В разных помещениях дворца располагались Французская академия, Академия наук, Академия художеств...

В годы якобинской диктатуры Конвент увеличил во много раз население Лувра, вселив во дворец множество бродяг и люмпенов с парижских окраин и выгнав из него многих неугодных режиму художников. Так выполнялся знаменитый лозунг «Мир хижинам, война дворцам». Война, объявленная Лувру, превратила дворец в сотни коммуналок, в которых селился всякий, кому не лень. Естественно, что те дворцовые ценности, которые не уплыли во время за границу и не успели реквизировать якобинские комиссары, были мгновенно разворованы. На два-три года дворец королей стал главным центром парижского уголовного мира, успешно конкурируя с известным «Двором чудес»...

При Наполеоне это население Лувра было моментально разогнано, а множество шедевров мирового искусства, награбленных императором во всех странах Европы, а также в Египте, были выставлены в бывших апартаментах королевы-матери. Таким образом, музей стал занимать более половины всех дворцовых помещений.

В 1807 году была закончена начатая еще при Людовике XIV колоннада Перро. Правда, строгий классицизм архитектора был «обогащен» множеством декоративных деталей, что и превратило классический фасад в ампирный.

Но уже в 1815 г., после падения Наполеона, скульптуры на фронтоне над колоннадой были срочно заменены. Вместо Минервы, коронующей Императора, в центре появился барельеф Людовика XIV, при котором строительство колоннады было начато.

Впрочем, такие перемены в целях осуществления того, что Ленин позднее назвал «монументальной пропагандой», никого не удивляли. Ни когда на фронтоне появился Наполеон III, ни когда его сменил (уже при Третьей Республике) Гений Искусств...

Еще во время реставрации Бурбонов (в 1817 – 1830 годах) были расширены египетские и созданы античные залы. Но особенно много музейных помещений было открыто для широкой публики в царствование Луи-Филиппа.

Свой почти нынешний вид музей обрел наконец в 60-х годах прошлого века при Наполеоне III.

В дни Парижской Коммуны Лувр был подожжен по распоряжению руководителей Коммуны, как «феодально-буржуазное здание». Выгорели все корпуса дворца, выходившие на ул. Риволи, а 24 мая 1871 года сгорел и дворец Тюильри со всем его содержимым. Коммунары загнали во двор пять огромных фур, наполненных бочками с

жидким битумом и нефтью, и одну фуру пороха. Дворец был уничтожен вместе со всеми находившимися в нем произведениями искусства лишь за то, что был основной резиденцией Наполеона III.

«Разрушение дворца Тюильри было таким грубым варварством – что даже пьяного вандала могло бы вогнать в краску» – писал в те дни Виктор Гюго.

А если бы не отвага и находчивость главного хранителя коллекций Лувра Барбэ де Жуи и его ассистента, историка искусств Эрона де Вильфосса, то могло бы погибнуть вообще содержимое всего Лувра, этого уже в те годы одного из величайших музеев мира. Генерал Коммуны Бержере (бывший печатник), полковник Бено (бывший мясник) и сержант Буден с командой стали рубить саблями картины, переходя методично из зала в зал. Несколько часов, до прибытия из Версаля 26-го батальона под командой лейтенанта Сигюра, Жуи и Вильфосс с несколькими смотрителями залов отстреливались из музейных пищалей, мушкетов, ружей и пистолетов от коммунаров, кричавших, что если каждый не может иметь дома Рембрандта или Пуссена, то по справедливости их необходимо уничтожить, и что все произведения буржуазного искусства вот-вот будут заменены пролетарскими…

В 1882 году руины дворца Тюильри были разобраны. Тогда же, в 80-х годах прошлого века, сожженные залы Лувра, выходящие на Риволи, были не то чтобы восстановлены, а кое-как отремонтированы, и в помещениях, лишенных прежней отделки, разместились министерства колоний и финансов. Министерства эти удалось выгнать отсюда только через сто лет – в 1983 году.

А десятилетие спустя, в 1993, – тут в «крыле Ришелье» разместились, впервые полностью вынутые из запасников, коллекции отделов Египта, древнего Востока, Греции, Рима, ранее очень стесненные, поскольку помещений в музее всегда не хватало: даже по устаревшим сегодня описям 1933 года в Лувре насчитывается 173 тысячи экспонатов. Коллекция же отдела Древнего Востока (Ассирия, Вавилон, древняя Персия и т.д.) считается самой значительной в мире.

Центральный подземный вестибюль под стеклянной пирамидой, построенный и открытый в 1989 г., дает возможность прямого прохода в любое крыло музея.

Церковь Сен-Жермен-ль'Оксеруа (St.-Germain-l'Auxerrois)

Напротив колоннады Лувра (колоннада Перро) находится церковь, построенная в XV в. Называется она Сен-Жермен-ль'Оксеруа. Церковь эта в силу своего расположения традиционно была королевским приходом. Тут слушали мессу обитатели Лувра. Эта церковь – выдающийся памятник поздней или пламенной готики.

На протяжении всей своей пятисотлетней истории готическая архитектура все более усложнялась по силуэту, утончалась; количество вертикальных линий все увеличивалось; наконец к середине 15 столетия постройки превратились в настоящее каменное кружево. Строители преодолели вес камня, заставив стрельчатость шпилей и арок устремляться в небо, как бы унося с собой взгляды и души...

Вместе с тем конструктивно, да и в плане, здания пламенной готики значительно проще своих предшественников – сооружений великого века готики, когда были созданы такие гиганты как Нотр-Дам, Шартрский собор или собор в г. Бовэ. Создатели пламенной готики

не гнались за высотой, меньше у них и горизонтальных линий. Больше они заботились о том, насколько скульптурен силуэт постройки, и как на фасады падает свет. Более всего влекла их изощренность силуэта и деталей.

Пламенная готика – порождение XV столетия. Это архитектура небывалого до тех пор богатства линий, обилия деталей, совершенства форм (самые, видимо, совершенные образцы этой фантастической архитектуры – Руанский и Миланский соборы).

А в облике фасада Сен-Жермен-ль'Оксеруа уже видны робкие проявления ренессанса – треугольный фронтон, стоящий на двух пилястрах, что в чистой традиции готического искусства – немыслимо.

История этой церкви восходит к меровингской эпохе. От романского стиля, однако, осталась одна башня XII века. В XIII столетии был перестроен главный вход, оформленный уже в типично готическом стиле. А в XV – вся церковь была перестроена и приняла практически тот облик, который мы видим сегодня.

24 августа 1572 года колокола этой церкви подали сигнал к началу резни – это была Варфоломеевская ночь.

В этой церкви похоронена большая часть художников и скульпторов, живших в Лувре в течение XVI – XVIII вв.: архитекторы ле Во, Габриель, Суффло; скульпторы Дежарден, Куйсево, Кусту, Вассо; живописцы Депорт, Буше, ван Лоо, Шарден; поэт Малерб.

В 1793 году церковь Сен-Жермен-д'Оксеруа превратилась в склад фуража, а затем была сильно повреждена и разграблена. Только в 1838 году началась реставрация, длившаяся лет пятнадцать. Работами руководил крупнейший архитектор XIX века Бальтар.

Улица Риволи

Западнее Лувра улица Риволи имеет, строго говоря, одну сторону: другая ее сторона – решетка сада Тюильри. Архитекторы Наполеона Персье и Фонтен построили этот длиннейший ряд одинаковых зданий с глубокими аркадами по старому, но неосуществленному проекту времен Людовика XV. Правда, старый проект предусматривал только сами здания с нижними этажами, предназначенными под ши-

карные магазины. Аркады же длиной более километра придумал Фонтен, «чтобы посетительницы модных лавок и посетители книжных магазинов могли не обращать внимание на плохую погоду». Строительство было начато в 1800 году, но весь ансамбль завершен только в 1835.

У западного конца Лувра на улицу Риволи выходит маленькая, но очень цельная и полностью вписывающаяся в ансамбль зданий с аркадами площадь Пирамид. Созданная, как и улица Пирамид, в 1802 г. в честь победы Наполеона над англичанами в Египте (1798 год), площадь с тех пор не изменилась, хотя одно из угловых зданий – отель «Регина» – по отделке холла, хорошо видной сквозь стекла дверей, внутри представляет собой один из типичнейших образцов стиля «Прекрасной эпохи».

Посреди площади – золоченая статуя Жанны д'Арк (скульптор Фремие). Эта маленькая скульптурка никак не соответствует масштабам грандиозного архитектурного ансамбля Риволи. Не соответствует она и никакому стилю, да и никакой эпохе; и вообще художественного интереса не представляет. Но в силу своего «патриотического содержания» эта «статуэтка» с начала XX века стала традиционным местом паломничества монархистов, которых давным-

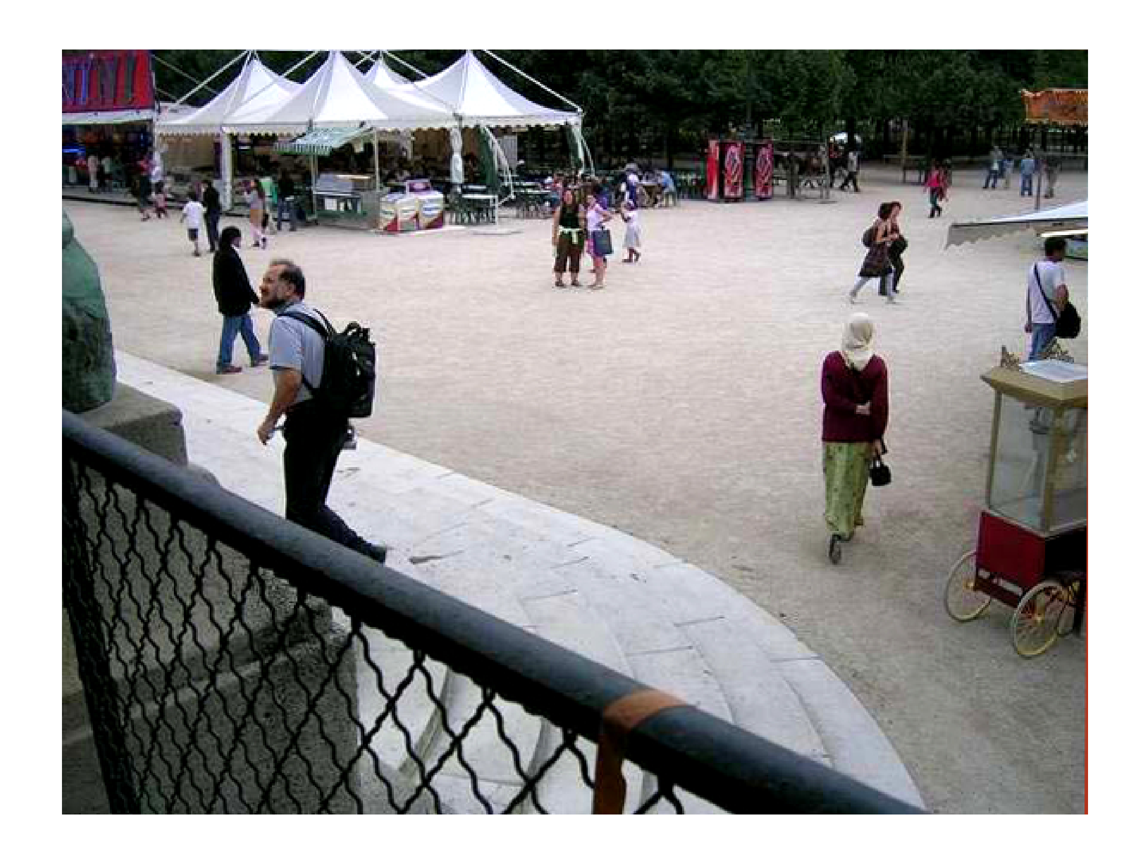
давно никто всерьез в Париже не принимает, да и других крайне правых.

Сад Тюильри (Jardin des Tuileries)

На площади Карусель, посредине ее, стоит триумфальная арка того же названия. Возвели ее архитекторы Наполеона Персье и Фонтен в 1807 году. Это – бывший въезд в парадный двор дворца Тюильри, чудом сохранившийся после пожара. Арка – вольная копия арки Септимия Севера в Риме.

Сразу за Лувром, после арки Карусель, начинается Тюильри – сад, имеющий форму довольно вытянутого прямоугольника. В его нынешнем виде сад завершен архитектором ле Нотром в 1664 году. Своим восточным торцом этот сад регулярной французской планировки прилегал раньше к дворцу Тюильри (см. Лувр). Но после того, как дворец был сожжен (в 1871 г.), сад оказался как бы продолжением главного двора Лувра.

Одной стороной сад выходит на набережную Сены, другой – на улицу Риволи. Главный вход в сад – с площади Согласия между двумя павильонами: «Оранжерея» и «Павильон для игры в мяч».

Оба павильона заняты небольшими музеями. В «Павильоне» – выставочный зал, а в Оранжерее – постоянная экспозиция живописи XX века – кажется, это единственное место в мире, где собрана большая коллекция работ Хаима Сутина.

Сам же сад Тюильри представляет собой музей скульптуры разных времен: от эпохи Людовика XIV и до работ Майоля 20-х гг. нашего века.

С XVIII века сад был, по предложению знаменитого сказочника Шарля Перро, «открыт для всех, кроме лакеев и солдат». Таким образом, Тюильри стал первым во Франции «садом для публики». За мелкую монету тут выдавались напрокат стулья....

Спят хиппи у забора, в Курбевуа – конторы,
На Монпарнасе тоже, наверно, кто-то спит...
Не спят одни цыгане в дырявом балагане,
И маленький козленок за девочкой бежит.
Ах, ты ее не видел? Ах, ты ее не знаешь?
Ну что ж, поставь будильник и окна раствори –
За мордами Конкорда в клочке зари поймаешь:
Козленок Эсмеральды пасется в Тюильри.

В бетонных стоэтажьях, в проклятиях асфальта,
В снобических трущобах шестнадцати веков,
Гуляет по Лютеции козленок Эсмеральды
И рожками курочит рекламы дураков....
Не клерки и не хиппи, не фавны и не мавры –
Козленок Эсмеральды – о, дайте только срок! –
Порушит ваши кухни, потопчет ваши лавры,
Игрушечным копытцем языческий пророк!

Какие там химеры! Париж устал от воя,
Он фарами исхлестан и на века пропах

Резиной и бензином, отравленной травою,
И общество устало держаться на столпах...

Что ж, греческое – вольно, французское – манерно,
Российское... А если – все снова – от нуля?
Так может быть одно лишь цыганское безмерно?
Цыганскою планетой останется земля?
И разве термидора не стоят иды марта?
Машины мертвым стадом застыли до зари...
Козленок Эсмеральды гуляет по Монмартру,
Козленок Эсмеральды пасется в Тюильри.

Вандомская площадь (Place Vendôme)

Она не выходит прямо на Риволи, а находится на 150 м севернее и соединена с улицей Риволи широким проездом (ул. Кастильоне), дома по сторонам которого оформлены теми же аркадами, что и сама улица Риволи, а ближе к площади фасады зданий принадлежат уже к ансамблю самой площади.

Вандомская площадь была создана с одной целью: «быть достойным местом для конной статуи Его Величества Людовика XIV». Площадь в момент ее создания была названа по приказу Людовика площадью Завоеваний.

«Король-Солнце», соавтор своего «министра всех дел» Кольбера в создании доходившей до гротеска государственной централизации, заявлял, как известно, что государство – это он. Против этой сверхцентрализации (недавно еще говорили: «ведь вся Франция живет в Париже!») французы почти безуспешно воюют и поныне... А она вылазит всякий раз в новом обличье: однажды, уже в наше время, даже под псевдонимом «Министерства децентрализации», учрежденного президентом Миттераном.

Как писал по сходному поводу А. Твардовский: «Словом, чтоб сократить / Надо увеличить».

Невероятной изощренности достигла изобретательность Кольбера и короля в деле вытряхивания самых фантастических налогов. Налогом облагалась не только соль, которую обязаны были покупать даже нищие, но и каждое окно, коих в стране сразу поубавилось. Отбирая у богатых людей львиную долю свободных денег, государ-

ство лишало их, разбогатевших в предшествующие царствования, возможности инвестировать деньги в промышленность. Естественно, что вместо нарождающейся буржуазии эти самые деньги, взятые в виде сверхналогов, стало вкладывать в разные виды промышленности (и в заморскую торговлю) все то же государство. Таким образом оно «с черного хода» национализировало (точнее – «коронизировало») значительную часть ремесленного и мануфактурного производства. Именно поэтому историки иногда говорят о «кольберовском государственном капитализме».

Засилье государства, его всесторонняя власть над человеком не стали меньше и при якобинцах, а затем весьма помогли и Наполеону утвердить диктатуру, «плавно перешедшую в империю».

В порядке того же государственного всевластия, «Король-солнце» велел скупить немалую территорию в западной части города. Тут и была создана одна из лучших площадей Парижа. Ансамбль сначала строился Пьером Булем, но вскоре, в 1685 г., его сменил Жюль Ардуэн-Мансар, завершивший все работы к 1701 г.

Площадь – вытянутый восьмигранник более 200 м в длину и 120 в ширину – складывается из трех десятков роскошных зданий в стиле зрелого барокко. Цокольный этаж по всему периметру площади состоит из 110 широких арок. Над ними – два этажа, объединенные

пышными коринфскими пилястрами. Выше – крутые кровли с типичным для барокко мягким силуэтом. Из этих крыш смотрят окна двух мансардных этажей. Именно здесь, судя по датировкам других работ архитектора, и родилось слово «мансарда» (хотя сама идея этого дополнительного этажа, а порой двух и даже трех этажей под высокой крышей, принадлежит дяде и учителю Ардуэна-Мансара, архитектору первой половины XVII в. Франсуа Мансару).

Посреди площади, как только начали строить первые дома на ней, сразу же была установлена бронзовая статуя Людовика XIV работы скульптора Жирардена, изображавшая «Короля-солнце» в одежде римских императоров. Собственно говоря, вся эта площадь и задумана-то была, как «рама» для статуи короля.

Статуя простояла тут ровно сто лет с 12 августа 1692 года по 12 августа 1792, когда ее сбросила с пьедестала толпа, руководимая любовницей доктора Марата Розой Виоле. По странной случайности, бронзовый король, падая, раздавил «мадам Розу»...

Эту статую, как и всю бронзу, добытую сходным способом, переплавили на «революционные пушки», а вот эпиграмма, пущенная кем-то еще при водружении статуи, пережила и статую, и короля, и Марата, и Наполеона, и даже Коммуну. Обращена эта эпиграмма к Людовику XIV и упоминает последовательно его деда Генриха Четвертого (создателя великой державы), отца, т.е. Людовика Тринадцатого и, наконец, самого «Короля-солнце»:

A la place Royale on a placé ton père
Parmi de gens de qualité .
On voit sur le Pont-Neuf ton aieul débonnaire
Près du peuple qui fut l objet de sa bonté
Pour toi de partisans de prins tutéler
A la place Vendome – entre eux – on t'a placé.

На Новом Мосту, средь простого народа,
Твой дед на коня залез.
Отец твой стоит средь дворян благородных,
Украсив площадь Вогез.
И ты себе выбрал по вкусу дом:
Среди спекулянтов. Площадь Вандом.

Как на всякой большой площади, тут был и рынок. В центре его якобинский Комитет Общественного Спасения в 1792-93 гг. жег «архивы старого режима», в частности архивы Ордена Св. Духа. Тут

же, вокруг установленной наспех статуи Свободы (ничего общего не имеющей со знаменитым созданием скульптора Бартольди более чем 70 лет спустя), на пиках выставляли срубленные головы «врагов народа» (термин придуман Маратом). Поэтому площадь тогда была названа «Площадью Пик». Как говорили в те дни парижане, «выставка господина Робеспьера ежедневно пополняется новыми экспонатами».

Колонна

На месте уничтоженной статуи «Короля-Солнца», на том же постаменте, была при Наполеоне поставлена знаменитая триумфальная колонна, позднее вошедшая в историю под именем Вандомской. Император в 1807 г. велел соорудить эту колонну из трофейных австрийских и русских пушек, взятых французами в сражении под Аустерлицем. Образцом для нее послужила Колонна Траяна на римском Форуме. По замыслу Наполеона, колонна должна была стать памятником французским солдатам – победителям в битве при Аустерлице. Поэтому сначала она и была названа колонной Великой армии.

76 скульптурных рельефов, работы знаменитого художника Давида по эскизам Бержере, посвящены этой битве. Барельефы спирально поднимаются по колонне. Если их развернуть – будет лента в две сотни метров. На верхушке колонны была установлена статуя Наполеона, которую, однако, сняли предупредительно сами французы в 1814 году, решив, что победителям-союзникам, вступившим в Париж, статуя может и не понравиться...

Сразу после реставрации Бурбонов на колонну втащили гигантскую бронзовую лилию, при Луи-Филиппе – в порядке реставрации облика колонны – снова поставили Наполеона, но не прежнего, уже в сюртуке, а не в античной тоге, и без лаврового венка на голове, а при Наполеоне Третьем (племяннике), когда тот стал в свою очередь императором, дядюшка появился на колонне снова в античной тоге. Статуя же в сюртуке, так называемый «маленький капрал», была поставлена во дворе Дома Инвалидов, где ее можно увидеть и ныне.

Из числа домов площади наиболее знаменит особняк Бодри де Сент-Джемс. Тут в 1792 году собирался так называемый Вандомский комитет якобинцев, назначивший Дантона министром юстиции. Это, кстати, и погубило его – Робеспьер, адвокат по профессии, не терпел конкурентов.

С 1839 по 1849 год (до начала Крымской войны) в этом доме размещалось русское посольство. А 17 октября того же 1849 г. тут умер Фредерик Шопен, квартировавший в мансарде этого дома три последних месяца своей жизни. Отпевали композитора в церкви Мадлен, похоронили на кладбище Пер-Лашез, а сердце отправили в Варшаву, где оно было захоронено в соборе Св. Креста.

В этом же доме жил в те годы и Проспер Мериме, назначенный генеральным инспектором исторических и архитектурных памятников по приказу «короля-интеллигента» или «короля-гражданина» Луи Филиппа Орлеанского (1830-1847).

Как и многие места Парижа, площадь не раз меняла имя. Сначала она была площадью Завоеваний. Потом – Людовика Великого. Затем площадью Пик. Тех самых пик, на которых выставлял свои революционные трофеи Робеспьер. А Наполеон назвал площадь Вандомской, и таковой она остается и поныне. Название происходит от Вандомского дворца, стоявшего на месте площади задолго до начала ее строительства (герцог Вандом – сын Генриха IV и Габриэль д'Астре).

Только три месяца, во время Парижской Коммуны, когда комиссар Коммуны по культуре, художник Курбэ, приказал сломать колонну, эта площадь называлась Площадью Интернационала. На счету этого известного художника, кроме Вандомской колонны, есть еще и такая «мелочь», как поджог Лувра и уничтожение дворца Тюильри, содержавшего богатейшие коллекции предметов искусства со всего мира. Вообще убытки, нанесенные Коммуной за три месяца, считаются в несколько раз большими, чем убытки, причиненные диктатурой якобинцев за два с лишним года, которые они были у власти.

При Третьей республике Курбэ был приговорен судом «оплатить свой вандализм» но выплачивал до конца своих дней только восстановление колонны, оцененной в 350 тысяч тогдашних франков.

Стойкая вещь традиция: площадь, на которой с первых дней ее существования располагались конторы и квартиры тогдашних финансистов, служит и поныне местом сосредоточения международных банков.

Широкая, но короткая улица Мира ведет от Вандомской площади на площадь Оперы, которая является, по сути дела, расширением Больших бульваров. Большие бульвары – это на самом деле одна улица, состоящая из четырех частей, каждая из которых имеет свое название. Вот они последовательно: Мадлен, Капуцинов, Итальян-

цев и Евангелия. Площадь Оперы находится как раз в середине этой цепи бульваров – между б. Капуцинов и б. Итальянцев. Кстати, именно эти бульвары и упомянуты в знаменитой песне И. Монтана (стихи и музыка Ф. Леклера) «Большие бульвары». В русском переводе этой песни (Н. Кончаловской-Михалковой), говорится о «кольце Больших бульваров», что неверно: эти четыре бульвара – одна улица всего полтора километра в длину. А кольцо Бульваров (т. н. Маршальских) достигает 32 км, и едва ли Монтан или кто иной обошел бы их «в вечерний час» «хотя бы раз»...

Пале Руайяль (Palais Royal)

В той части улицы Риволи, которая расположена напротив Лувра, находится Пале Руайяль («Королевский дворец»), который вопреки своему названию никогда королевским, строго говоря, на был.

Площадь, на которой стоит сам дворец, существует с 1648 года. За четверть века до того кардинал Ришелье купил находившийся на этом месте большой особняк и пригласил архитектора ле Мерсье перестроить его. Дворец получил название Кардинальского. Кстати, тот же ле Мерсье выстроил позднее и Капеллу Сорбонны, где был в 1642 г. похоронен Ришелье. Но еще раньше, в 1633 году, кардинал подарил дворец королю.

А после смерти Людовика XIII Анна Австрийская с двумя сыновьями, будущим королем Людовиком XIV и принцем Филиппом Орлеанским, переселилась из Лувра в Кардинальский дворец, который тут же был переименован в Королевский. По соседству опять же поселился и новый премьер министр, любовник королевы кардинал Мазарини.

В 1651 году юный король, королева-мать и кардинал вынуждены были бежать из дворца от Фронды в Сен-Жермен-ан-Ле. В Париж они вернулись только полгода спустя. Но теперь они все поселились в Лувре, где для кардинала были оборудованы помещения над покоями королевы-матери, а Кардинальский (он же «Королевский») дворец уступили Генриетте Французской – дочери Генриха IV, тогда уже вдове казненного английского короля Карла I Стюарта. Дочь этой Генриетты вышла в 1661 году за герцога Орлеанского. С тех пор дворец и принадлежал Орлеанскому дому.

В этом дворце часто выступал со своей труппой Мольер.

А в конце XVIII столетия огромный сад за дворцом был окружен шестьюдесятью домами с одинаковыми фасадами и с галереями внизу (архитектор Луи). Дома сдавались внаем: тогдашний владелец дворца герцог Филипп Орлеанский таким образом «полностью обуржуазился» и поправил свои финансовые дела.

Аркады со сквозным проходом по периметру заполнились лавочками, игорными и публичными домами, по поводу чего в Версале очень веселились. Людовик XVI сказал своему кузену при целой толпе придворных: «Ну теперь, дорогой кузен, мы вас будем видеть только по воскресеньям, поскольку вы стали лавочником и заняты все другие дни».

Рядом с дворцом архитектор Луи возвел здание «Французского театра» (теперь – «Comédie Française»).

В галереях дворца, выходивших в сад, в конце XVIII в. располагались знаменитые кафе «Дефуа» и «Кафе де Шартр». Последнее представляло собой весьма фешенебельный ресторан, в котором бывали часто, в дореволюционное время, ученый Гумбольдт, будущий маршал Мюрат, будущий император Бонапарт, а также – док-

тор Марат, адвокат Дантон, писатель Сент-Бев, владелец дворца герцог Филипп Орлеанский и журналист Камилл Дюмулен, который позднее, в 1789 г., первым призвал «граждан к оружию» тут же в саду дворца и сделал первую кокарду из ветки каштана.

Как-то в один и тот же вечер в этом ресторане ужинали одной компанией: Дантон, герцог Орлеанский, будущий вождь «бешеных» Эбер, герцог Лозен, будущий термидорианец и президент Совета Луи Баррас, живший тут же на втором этаже, а также его сосед и приятель Максимилиан Робеспьер…

Еще в 1790 году Филипп Орлеанский принял имя Филипп Эгалитэ (*égalité* – Равенство), и дворец был тоже переименован в дворец Равенства. Но ни переименование дворца, ни перемена имени, ни собутыльничество с Робеспьером тогда, в Кафе де Шартр, не спасли королевского кузена от гильотины, на которую он и был отправлен в октябре 1793 г.

Робеспьер из этих своих собутыльников сначала казнил герцога, потом своего коллегу Дантона. Самого же Робеспьера гильотинировал его «room-mate» Баррас, которого в свою очередь спустил с лестницы Сената их бывший собутыльник Наполеон…

В 1795 году во дворце расположилась Законодательная ассамблея с Баррасом во главе, которая и была разогнана генералом Наполеоном Бонапартом, неожиданно вернувшимся из Египта.

Позднее, после падения Наполеона, тут жил со своим многочисленным семейством будущий «король-гражданин» (или иначе «буржуазный король с потрепанным зонтиком») Луи-Филипп, герцог Орлеанский. Этот король действительно имел обыкновение ходить по Парижу пешком, без охраны, в потертом костюме и с потрепанным зонтиком. Но ни один король Франции (за почти два тысячелетия монархии!) не сделал столько, сколько он, для расцвета французской культуры.

Барельефы Корнеля и Расина

Директором колоссальной дворцовой библиотеки, сохранившейся еще от первого ее владельца, кардинала Ришелье, служил при Луи-Филиппе Александр Дюма.

В 1848 году после отречения Луи-Филиппа дворец был национализирован.

А 24 мая 1871 года та же команда коммунаров, что сожгла дворец Тюильри, методично подготовила уничтожение и этого дворца, хотя он уже и принадлежал государству.

Но сгорела небольшая центральная часть, а остальной дворец был спасен жителями соседних кварталов, которые, вооружась чем попало, отогнали коммунаров-поджигателей.

В наше время во дворце располагается Государственный совет (нечто вроде конституционного суда) и Министерство культуры.

Опера

Площадь Оперы и проспект того же названия представляют собой архитектурный ансамбль, созданный во второй половине прошлого столетия – в период, когда классическая архитектура уже выдохлась и ушла в прошлое, а до начала «Прекрасной эпохи» оставалась еще добрая четверть века. Период этот во всей европейской архитектуре был временем подспудного накопления сил, и потому выразился в постройке сравнительно удобных, но «лица не имеющих» зданий.

Полная несогласованность между конструкцией здания и его и украшением ведет к тому, что внешние детали постройки, ее облик, никоим образом не вытекают логически из функциональной цели. Так, по виду фасадов большинства таких зданий почти никогда нель-

зя представить себе, как расположены помещения внутри, где главные из них и т. п. Проще говоря – нет связи между внешностью здания и его планировкой. Этот произвол архитектора способствует, как правило, той кажущейся свободе (на деле хаотичности и необязательности), которая получила в истории архитектуры нелестную кличку «эклектизм».

Это был период строительства огромного количества безликих доходных домов. В то же время – нередки были постройки, стилизованные под Восток, под Египет, под классицизм – неважно под что, но всегда «п о д». Нередко пышность в оформлении фасадов и интерьеров доходила до прямой безвкусицы.

С другой стороны, именно тогда возникло множество интересных чисто инженерных решений, сделавших это время не столько временем архитектуры, сколько временем строительства. В это время возникают бульвар Капуцинов, проспект Оперы и несколько соседних проспектов, заполненных зданиями даже роскошными по тому времени, но лишенными какого бы то ни было стиля. Эта эклектика в соединении с грандиозностью градостроительных решений, размахом проспектов и внушавшей современникам уважение многоэтажностью и основательностью и получила в Париже название «Османовский урбанизм» (по имени тогдашнего префекта барона

Османа), или же «стиль Наполеона III». Здесь же появилось и первое в мире электрическое освещение улиц – осветили прилегающую к театру часть проспекта Оперы и площадь (1878 г.).

Впоследствии, в 30-х годах XX столетия, мы видим сходный (не по виду, а по роли в истории) период – он известен под именем конструктивизма, с той разницей, что теперь уже строительство вовсе не претендовало ни на какую «архитектурность» – от архитектуры осталось лишь освоение пространства, как деловой след того, что некогда считалось ансамблевостью. Но конструктивизм все же вернул постройкам функциональность, напрочь уничтоженную в период эклектики.

Центром всего района, естественно, является сам оперный театр.

В 1861 году был объявлен конкурс на проект нового здания Оперы. Победителем конкурса, в котором участвовали чуть ли не две сотни архитекторов, стал молодой архитектор Шарль Гарнье, что само по себе никак не вызвало одобрения императора и особенно императрицы Евгении. Она спросила архитектора:

– Что это за стиль? Ни античный, ни Людовика XIV…

– Нет, мадам, – ответил находчивый Гарнье, – те стили были и прошли, а это – стиль Наполеона Третьего, так на что же Вы жалуетесь?

– Да не волнуйтесь, молодой человек, – поневоле пробормотал император, – она просто ничего не понимает!

Так Гарнье и выиграл этот конкурс.

Но его Опера действительно стала неким символом эпохи «императора-племянника»: тяжеловесность, перегруженность фасадов, обилие позолоты... В общем, некое огрубленное подражание началу XVIII века, заслужившее позднее не слишком лестное прозвище «пересоленного барокко», или «купеческой эклектики» – вот что такое стиль Наполеона III.

В России чуть позднее (эклектика и доходные дома времени Александра Третьего, т. е. 80-е годы) – был такой же точно упадок архитектуры и начало расцвета инженерно-строительного дела.

Первый камень в здание Оперы был положен 21 июля 1862 г. Но на этом месте когда-то проходил рукав Сены, от которого осталась подземная старица. Поэтому, прежде чем строить, пришлось отводить из этой обнаруженной старицы грунтовые воды, так что еще восемь месяцев тут работал десяток самых мощных по тем временам паровых насосов...

Во время осады Парижа прусскими войсками в 1870 г. недостроенный зрительный зал служил складом продовольствия, а в дни Коммуны версальцы стреляли из окон и дверей здания по баррикадам коммунаров.

Закончено строительство театра было только в 1875 г. Постепенно открылись все скрытые недостатки работы Гарнье. Театр, самый большой в мире по площади, да и самый высокий во всей Европе, вмещает только 2131 зрителя. (Для сравнения – почти вдвое меньший по площади театр Шатле имеет около трех тысяч шестисот мест).

Правда, кроме роскошных фойе, в здании Оперы много места занимают гигантские лестничные площадки, залы для репетиций, библиотека. Но расчет Гарнье был на то, что Опера – не столько

театр, сколько место для пышных церемониалов, столь частых при Второй Империи.

По четырем фасадам этого кубического здания размещено более семи десятков скульптур.

Внутри, на парадной лестнице, отдаленно напоминающей нечто в стиле сильно утяжеленного рококо, – статуи Глюка, Генделя, Рамо и Люлли. Самое, видимо, интересное из внутренних помещений – Большое фойе с мозаичными сводами работы Сальватти.

И наконец зрительный зал, как полагалось тогда, красный с золотом – образец интерьера времени Второй Империи. Все пять ярусов отделаны крайне пышно, но не слишком удобны: четверть мест такова, что с них сцена видна далеко не полностью.

Самой большой достопримечательностью зала стал, однако, никакого отношения к той эпохе не имеющий плафон Марка Шагала, выполненный в 1964 году.

В композиции плафона соединены мотивы девяти всемирно знаменитых опер и балетов: «Волшебной флейты» Моцарта, «Тристана и Изольды» Вагнера, «Ромео и Джульетты» Берлиоза, «Пелея и Мелисанды» Дебюсси, «Дафниса и Хлои» Равеля, «Жар-птицы» Стравинского, «Лебединого озера» Чайковского, «Жизели» Адама и «Бориса Годунова» Мусоргского.

Один из проспектов, отходящих от площади Оперы, – бульвар Капуцинов, переходящий в бульвар Мадлен, ведет к знаменитой церкви Мадлен.

На самом бульваре, в доме 15, в 1847 г. умерла в возрасте 23 лет Мари Дюплесси по прозвищу «Дама с камелиями». Драму под этим названием написал А. Дюма-сын, с которым у Мари был роман, продолжавшийся около года, после чего она вышла замуж за графа Перрего, одновременно отбив Ференца Листа у его прежней подруги. Граф Перрего воздвиг ей памятник на кладбище Монмартр.

С VI века в районе нынешней Оперы и Бульвара Капуцинов, на западном краю города, земли принадлежали епископам Парижским. В XIII в. тут была построена церковь Св. Марии Магдалины (имя Магдалина звучит по-французски Мадлен).

Церковь не раз перестраивалась, пока, наконец, в царствование Наполеона не была построена нынешняя церковь, как хотел император, «во славу Великой Армии». «Это не просто церковь должна быть, а храм. Такой, как в Афинах, ведь до сих пор в Париже не было такого...» – писал Наполеон в своем распоряжении от 2 октября 1806 г. Но империя закончила свое существование в 1815 г., а храм еще далек был от завершения. Людовик XVIII оставил наполеоновского архитектора Виньона в должности главного строителя храма и согласился на то, чтобы снаружи церковь повторяла афинский Парфенон, но велел внутри отделать ее как римскую церковь.

Закончено было строительство уже после смерти Виньона. Всего церковь строилась почти четверть века до 1842 г. В отличие от Пантеона, церковью не являющегося, но имеющего крест, эта приходская церковь не имеет ни креста, ни колокольни...

Церковь Мадлен, ведущая от нее к Сене Королевская улица, площадь Согласия, Национальная ассамблея, кони из Марли, отмечающие въезд с пл. Согласия на Елисейские Поля, два павильона – «Зал для игры в мяч» и «Оранжерея» (ныне оба они – музеи) и наконец решетка ворот сада Тюильри между ними – вот части грандиозного архитектурного ансамбля Площади Согласия, раскинувшегося по обоим берегам Сены.

Вид на Мадлен с площади Согласия

* * *

Шарманщик стоит на углу у Мадлен,
Хриплые вальсы крутит
В калейдоскопе окон и стен
И голых платановых прутьев.
Сидит на шарманке дымчатый кот,
Рыжая такса зевает и ждет...
Тяжелый, старинный, сверкающий вальс
Крутится над головой –
Он – не для нас и не для вас...
Постой, постой, постой...

Желтым высвечен Эйфель – он косится вдаль,
И соломенным кружевом кажется сталь,
Над мостами – пунктирные дуги огней,
Под мостами – кружащийся отсвет теней,

И тяжелый, как Сена, сверкающий вальс
Раскрутился над головой –
И пускай не про нас, и пускай не про вас –
Постой, постой, постой!

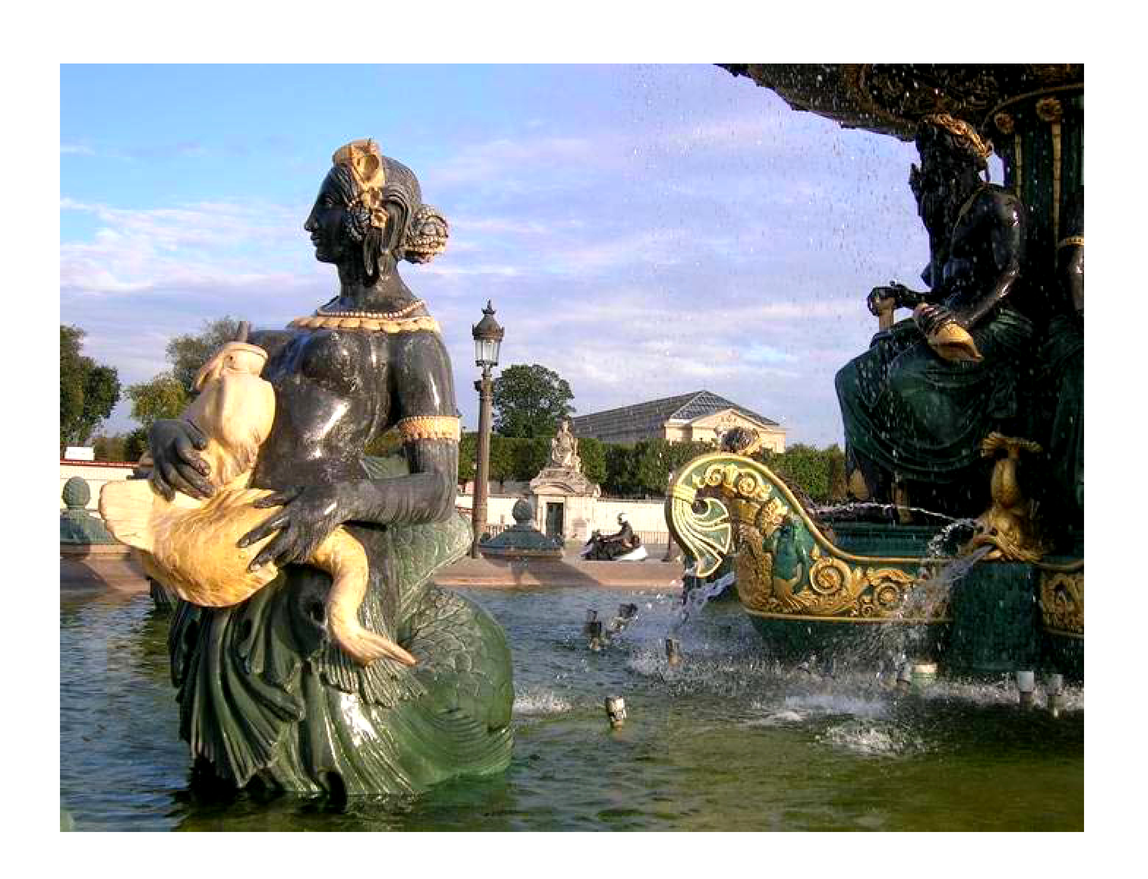
«НО ПАРИЖ, НО ПАРИЖ»
– под шарманку кружишь,
Отраженный жонглирует свет,
И мелькают, вращаясь, колонны Мадлен
В ярком калейдоскопе и окон, и стен –
Где же лучше?
Или там, где нас нет?
Но – старинный, тяжелый, сверкающий вальс,
Но – шарманщик,
хоть он – не про нас, не про вас,
Но – вращаются над головой
И огни, и мосты, и река, и коты –
Постой, постой, постой…

Площадь Согласия (Place de la Concorde)

Завершенная в 1777 г., эта гигантская площадь сменила множество названий. Сначала она была площадью Людовика XV, затем – Революции, затем – Согласия, потом – опять Людовика XV, затем Людовика XVI, снова в третий раз Людовика XV, и в 1830 г. опять и поныне она – площадь Согласия.

В 1748 году прево Парижа заказал скульптору Бушардону статую Людовика XV в честь выздоровления «Возлюбленного короля». Начались споры о месте установки монумента. Победил проект архитектора Габриэля, предусматривавший использовать обширную эспланаду между садом Тюильри и Елисейскими полями – местом загородных прогулок аристократии. Тут же начиналась тогда и дорога в Версаль.

В 1772 году площадь была распланирована. Она имела форму восьмиугольника, обведенного рвом с балюстрадой, через ров были перекинуты шесть каменных мостиков. На каждом из восьми углов площади Габриэль соорудил по павильону. В каждом из них была лестница в ров, где были разбиты цветники. На каждом павильоне предполагалось поставить статуи античных богов, олицетворяющие достоинства короля: Юпитер – великодушие, Аполлон – поэзию, Меркурий – богатство, и т. п.

В центре же площади была установлена статуя работы Бушардона. На пьедестале было написано: «Победителю при Фонтенуа». По четырем углам пьедестала – четыре бронзовые фигуры работы скульптора Пигаля – четыре добродетели: Сила, Мир, Справедливость и Предусмотрительность. Памятник был открыт в 1763 году, но «Луи Возлюбленный» уже давно перестал быть таковым для парижан, и на шее коня через несколько дней появилась дощечка с такой надписью:

Oh, la belle statue!
Oh, le beau piédestal!
Les Vertus sont à pied
Le Vice est a cheval!

Как пьедестал богат!
И статуя на нем!
Достоинства стоят,
А грех сидит верхом!

К 1790 г. был завершен и мост через Сену, а при въезде с Елисейских полей на площадь, т. е. в город, по предложению художника

Давида установили «коней из Марли» работы скульптора Кусту. Они стали пропилеями тогдашнего Парижа. А сегодня площадь Конкорд – геометрический центр города.

30 мая 1770 г. здесь на площади был бал с грандиозным фейерверком в честь бракосочетания дофина Луи (будущего Людовика XV1) с австрийской принцессой Марией Антуанеттой. Единственным въездом на площадь из города тогда была еще не завершенная Королевская улица (со стороны церкви Мадлен); и кареты, выезжавшие с нее, попадали под струи вина, бившие из фонтанов.

Одна из ракет, плохо запущенная, упала на арку, увитую бумажными цветами, и загорелся весь храм Гименея, построенный из реек и цветов. Началась паника и давка. На следующий день после этой «ходынки» на площади было подобрано 133 трупа.

Тут же в течение месяца шумела ярмарка, тоже закончившаяся пожаром.

В 1792 г. статуя короля была сброшена с пьедестала и отправлена в переплавку на пушки. Несколько месяцев спустя на ее месте установили колоссальную статую Свободы (из камней и гипса), окрашенную под бронзу.

«Свобода, Свобода! Сколько преступлений совершено во имя твое!» – сказала мадам Роллан, поднимаясь на эшафот, установленный рядом с пьедесталом от уничтоженной статуи короля.

Гильотина вскоре переехала на площадь Карусель, по другую сторону сада Тюильри, но 21 января 1793 года была возвращена сюда снова специально для казни Людовика XVI. Чтобы никто не слышал последних слов короля, командовавший казнью бывший паж Луи де Бофранше – побочный сын Людовика XV и придворной танцовщицы, то есть дядя казнимого короля, – приказал барабанщикам без остановки бить дробь, «пока голова Его Величества не свалится в корзину».

На этот раз, гильотина, до того менявшая место довольно часто, стояла тут 13 месяцев, хотя ее несколько раз увозили на два-три дня в разные концы Парижа. А 9 термидора 1794 года она в последний раз заняла прежнее место. На этот раз на эшафот один за другим всходили сторонники Робеспьера.

Всего за годы революции было обезглавлено 2498 человек. Из них – 1119 на площади Согласия. Здесь были в том числе казнены, кроме короля, Шарлотта Кордэ, Мария Антуанетта, герцогиня дю Барри,

герцог Филипп Эгалитэ (см. Пале Руайаль), великий химик Лавуазье, а потом и сами якобинцы Эбер, Робеспьер, Сен-Жюст…

В 1799 г. в центре площади Согласия Наполеон хотел поместить на пустой пьедестал Колонну Нации, потом было решено соорудить тут памятник Карлу Великому, потом – фонтан, и в конце концов на этом пьедестале поставили в 1836 г. Луксорский обелиск. Это – самый древний из монументов в Париже (эпоха Рамзеса II, т. е. XIII в. до Р. Х.).

Подарен он был в 1832 г. египетским султаном Махмедом Али королю Луи Филиппу. На цоколе первоначально размещалось шесть собакоголовых божеств. Два из них сохранились, их можно увидеть в Лувре. Тогда же, в 30-х годах, на павильонах площади были установлены фигуры, символизирующие разные города Франции, а на самой площади – двадцать фонарных столбов. По проекту арх. Хитрова были сооружены два так наз. римских фонтана.

В 1856 году по приказу Наполеона III были засыпаны рвы, ставшие к тому времени местом, где проститутки ждали клиентов. Балюстрады же, ограждавшие эти рвы, стоят и поныне.

Два здания, между которыми проходит Королевская улица, построены в 1775 году архитектором Габриэлем, и вместе с замыкающим улицу строгим фасадом церкви Мадлен они составляют классический ансамбль, в который естественно вписывается здание Палаты депутатов, расположенное на другом берегу Сены .

Здание Палаты (Бурбонский дворец) было построено в 1775 году, а его большой бальный зал был в 1795 году перестроен под зал заседаний послетермидорианского Конвента. Зал был последний раз перестроен в 1832 году при Луи Филиппе и с тех пор не менялся.

В 1806 году фасад дворца, выходящий на Сену, был спроектирован и построен одновременно с церковью Мадлен, находящейся в трехстах метрах от него. Оба фасада (Палата и церковь) производят впечатление зеркального отражения друг друга, ибо сооружены почти в тех же пропорциях, с очень похожими колоннадами, возвышающимися на цоколях над широкими лестницами в 20 – 25 ступеней.

Таким образом, этот ансамбль, состоящий из грандиозной площади и нескольких строгих классических построек, раскинулся на двух берегах Сены. И так две колоннады, замыкающие площадь, перекликаются через эту площадь и реку, в этом месте шириной около ста метров.

◊◊◊◊◊

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ОТ АКАДЕМИИ ДО ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНИ

Набережная Вольтера, Дворец Инвалидов, Эйфелева Башня, Марсово поле, Военная школа, Набережная Вольтера (Quai de Voltaire).

Набережная Вольтера протянулась между улицей Св. Отцов и улицей Бак. Кроме Вольтера, именем которого набережная была названа в 1791 году, тут в разное время жили: в доме 11 – Энгр, в доме 13 – Делакруа, а после него ту же квартиру и мастерскую занимал Коро. В доме 19 – бывшем постоялом дворе при станции дилижансов – Шарль Бодлер, Рихард Вагнер, Ян Сибелиус, Оскар Уайльд.

А дом 27, где сейчас в нижнем этаже находится ресторан «Вольтер», это и есть особняк, в котором дважды поселялся великий писатель и шутник. Особняк был построен в 1661 году и принадлежал семье Бражелонов (см. роман А. Дюма «20 лет спустя или Виконт де Бражелон»). Первый раз двадцати-девятилетний Вольтер прожил тут всего несколько месяцев – его не устраивал уличный шум на этой набережной, которая уже тогда была одной из самых людных в Париже.

Поселился же он тут сразу после выхода из Бастилии, куда был упрятан на три месяца за дерзкую эпиграмму на герцога Орлеанского (тогда – принца-регента).

Выйдя из тюрьмы, молодой писатель явился по приглашению регента во дворец, и герцог Орлеанский, в знак примирения, подарил Вольтеру расшитый кошелек, набитый золотом. Вольтер подарок принял и сказал: «Благодарю Вас, Ваше королевское высочество, за то, что вы позаботились о моем пропитании, и надеюсь, что вы больше не будете затруднять себя заботами о моем жилье». В результате молодому писателю пришлось прямо с этого приема отправиться в Бастилию еще на трое суток..

Маркиз снял в пожизненную аренду дом Бражелонов еще в 1776 году, а когда 84-летний писатель решил вернуться в столицу, Виллет, его восторженный почитатель, пригласил Вольтера жить в этом доме, предоставив ему квартиру в бельэтаже. Возвращение старого мудреца, означавшее примирение с Францией, было обставлено как триумф. 10 февраля 1778 года писатель был с почетом встречен королевским двором и всем Парижем. Вот тогда он и поселился снова в этом доме.

Когда Бенджамен Франклин крестил в Париже внука, Вольтер был крестным. Он произнес, как напутствие в жизнь младенцу, три слова: «Бог, Свобода, Терпимость».

Будучи последовательным антиклерикалом, Вольтер относился, однако, к протестантизму еще насмешливее, чем к католический церкви, и до последних своих дней исповедовал деизм, считая что Бог сотворил мир и после этого вмешивается в его дела минимально, а то и вовсе предоставляет всему в мире идти своим ходом («часовщик запустил часы»).

В эти последние месяцы жизни писателя его навещали новые молодые друзья из компании де ла Виллета, впоследствии вожди первого, (доякобинского) периода Великой революции: «львиноголовый

Мирабо», Камилл Дюмулен (впоследствии «грозное перо Революции») и философ и критик Кондорсэ – ближайший сподвижник Мирабо.

В марте 1778 года Вольтер заболел. За неделю до смерти он послал своему врачу записку: «Пациент с угла улицы Бон просит прощения за возню, которая предстоит Вам с его трупом».

Как Вольтер и предполагал, «возня» оказалась немалой: священник прихода Сен-Сюльпис отказался хоронить писателя и заявил, что тот достоин быть только брошенным на пустыре, о чем и разослал послания по всем парижским приходам.

Так парижские кюрэ на полтора века предвосхитили сюжет маршаковского мистера Твистера.

30 мая ла Виллет с племянником Вольтера, аббатом Миньо, увезли его тело в аббатство Сельер около Труа, посадив в карету и привязав ремнями, будто едет живой человек. Там в Сельере писатель и был похоронен в первый раз. Но ему, как впоследствии великому скрипачу Паганини, пришлось быть захороненным и перехороненным еще не однажды...

Вот желтый лист упал во прах,
И завещанье надо спеть.
Пускай напишут на дверях:
«Закрыто. Перерыв на смерть».

(Ж. Брассанс, «Завещание»).

Позднее ла Виллет откупил Фернейский замок, а одного из своих сыновей назвал Вольтером. Поскольку было это уже в начале революции, то такое имя за мальчиком и сохранилось.

Тот же ла Виллет подал идею переименовать некоторые улицы. Набережную, на которой стоит его дом, он сам назвал Набережной Вольтера, каковой она до сих пор и остается.

Тогда-то и возникли «улицы Свободы», «улицы Конституции» и прочие тому подобные названия. С тех пор, с легкой руки маркиза-революционера, страсть к переименованиям стала обязательным признаком всех революций, контрреволюций и реставраций во всем мире...

Сам же ла Виллет, друг Мирабо и активный деятель демократического периода Революции, был казнен 9 июля 1793 г. в период «углубления революции» (т. е. во время якобинской диктатуры). Ему не прошли даром нападки на Марата и Робеспьера, которых он обвинял в стремлении к тирании, выступая на заседаниях Первого Конвента. Ему же принадлежит крылатая фраза: «Революция пожирает своих детей».

Дом ла Виллета, на котором висит мемориальная доска, говорящая о том, что здесь жил и умер Вольтер, сохранился почти без изменений. Только арка ворот была заложена, и добавлен верхний этаж. Внутри осталась лишь роспись потолка в зале и отделка стен в кабинете революционера-маркиза. Все остальные помещения переделывались многократно, и точно определить комнаты Вольтера теперь уже невозможно...

Еще одна интересная деталь: через три дома, на углу набережной и улицы Бак, за сто лет до Вольтера жил с 1650 по 1673 год отставной капитан мушкетеров Шарль Кастельмор, шевалье д'Артаньян. Тут же он и умер. Но это уже совсем другая история...

Дворец Инвалидов (Hôtel des Invalides)

Расположенное в глубине гигантской зеленой эспланады, открытой в сторону Сены, это грандиозное сооружение – целый городок. Одни коридоры его составляют в сумме 16 километров. Дворец этот обычно связывают с именем Наполеона. Что ж, в истории не раз случалось, что кто-нибудь очень нашумевший (и чаще принесший больше зла, чем добра) оставляет свое имя целой эпохе... Стоит только упомянуть Дом инвалидов, его купол или Эспланаду, как сразу вспоминают Наполеона, пушки прусского короля Фридриха I, вывезенные Наполеоном из Вены (отлитые в 1708 году, эти пушки носили название «батарея 12 апостолов» (!), и безусловно вспоминают могилу Императора.

В раздувании величия этого «почти самозванца», как назвал Бонапарта Вальтер Скотт, конечно, повинна литература романтизма, начало и ранний расцвет которой попал как раз на годы военных побед Наполеона и его пятнадцатилетнего царствования. Именно поэты – в большей степени английские, русские, немецкие, итальянские, чем французские – и создали романтический культ Императора в Сером Сюртуке. Довольно упомянуть только Байрона, Фосколо, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Шиллера, Гейне... Доста-

точно имен, чтоб создать ореол вокруг любой личности, даже натворившей во много раз меньше, чем этот талантливый артиллерист Революции и гениальный интриган, который, как писали его французские противники, «самого Талейрана переталейранил».

Однако, обходя дворы и коридоры Дома инвалидов (теперь в нем расположен военно-исторический музей), вы едва ли подумаете о Наполеоне, пока не занесут Вас ноги к его пышной и безвкусной гробнице... Но о ней – позднее, а пока лучше поговорим об истории этого архитектурного ансамбля, начавшейся за два века до Наполеона.

Огромная поляна, ограниченная с запада деревней Гренель (существовавшей со времен неолита), с востока – древней римской дорогой, с севера – Сеной, а с юга непроходимыми лесами на холмах, в конце XVI века носила название Пре-о-Клер и была обычным местом дуэлей придворных аристократов. Вспомним Мериме, «Хронику времен Карла IX»:

> – Все придворные дерутся обычно на Пре-о-Клер,– сказал Коменж,– и если месье де Мержи не предпочитает другое место...
> – Хорошо, на Пре-о-Клер,– перебил его де Мержи.

Диалог этот произошел накануне Варфоломеевской ночи. Возможно, что дуэль эта была тут вообще одной из последних. В 1604 году по приказу Генриха IV на поляне началось строительство Дома ми-

лосердия «для инвалидов всех войн, на чьей бы стороне они ни сражались», как писал в своем указе король, покончив с религиозными войнами, унесшими чуть ли не десятую часть населения тогдашней Франции.

Так впервые католики и гугеноты стали жить под одной крышей в самом буквальном смысле этого слова. Генрих IV распорядился, чтобы инвалиды были обеспечены форменными плащами с белыми крестами, в центре которых была вышита королевская лилия. Хотя белые кресты и напоминали косвенно об ужасах Варфоломеевской ночи, но по этим плащам, как писал король, «каждый увидит, что населением Столицы люди эти удостоены особого почета».

Здание, построенное при Веселом короле, было невелико. Через тридцать лет кардинал Ришелье приказал его расширить. В 1670 году по указу Людовика XIV было построено архитектором Брюаном здание почти нынешнего размера. А в 1704 году архитектор Робер де Котт распланировал Эспланаду.

Здесь в 1798 году по идее Наполеона была устроена первая в мире Промышленная выставка, тогда только французская. А к всемирной выставке 1900 года тут была проведена линия первой электрифици-

рованной железной дороги Париж – Версаль (ныне – западная ветвь линии RER «C»).

В самом конце «Великого века» (так порой французы именуют XVII столетие) весь ансамбль Дворца инвалидов был завершен Жюлем Ардуэном-Мансаром. Короли гордились этим шедевром архитектуры и часто показывали его своим коронованным гостям. В 1712 г. тут побывал Петр Великий, которому на все время его пребывания в Париже были отведены апартаменты во втором этаже Дворца инвалидов.

Помещения дворца, завершенные Мансаром, были рассчитаны на шесть тысяч человек. В доме поселили всех военных инвалидов, какие были к тому времени в стране, а также врачей, аптекарей, поваров, священников и прочий необходимый персонал, утверждавшийся поименно самим королем. Всем этим людям были даны те же привилегии, что и инвалидам. Управлялся дом специальным государственным секретарем, которого тоже назначал король.

Дом инвалидов – чистейший образец французского барокко – стиля, оставившего в архитектуре Франции значительно меньше следов, чем Ренессанс, безраздельно господствовавший до того в течение трех столетий. Но именно стиль барокко внес в архитектурный облик Парижа сам принцип ансамблевой застройки. Ренессанс же оставил нам по сути дела единственный ансамбль в строгом понимании этого термина – площадь Вогезов.

Весь архитектурный ансамбль Дворца инвалидов, длиной в 450 метров и шириной в 400, образует прямоугольник, окруженный декоративными рвами. Внутри прямоугольника – шесть внутренних дворов и две церкви, которые соединены общими хорами.

В 1693 году работы по завершению Дома инвалидов были поручены величайшему из архитекторов Франции – Жюлю Ардуэну-Мансару, создателю церкви и оранжереи Версальского дворца, Большого Трианона, а также ансамблей Вандомской площади и площади Виктории в Париже. Ардуэн-Мансар и придал ансамблю Дома инвалидов его нынешний вид.

Центр всего ансамбля – церковный купол, видный в хорошую погоду почти с любого конца Парижа.

Снаружи, хоть с Эспланады, хоть с площади перед Домской церковью, не видно, что центральная часть этого здания – не одна церковь, а две. Обращенная внутрь двора, Солдатская капелла – она же церковь Св. Людовика – имеет общие хоры с грандиозной Домской

церковью, которая благодаря своему узорному золоченому куполу стала одним из главных ориентиров в городе. Домская церковь, венчающая весь этот архитектурный комплекс, считается главным шедевром Ардуэна-Мансара.

Трехъярусный купол опирается на сорок пышных коринфских колонн. Ярусы расположены пирамидально, уступами, из-за чего сооружение кажется стройнее, выше, чем на самом деле, хотя оно ниже купола Св. Петра в Риме и даже ниже Св. Павла в Лондоне. Высота всей церкви до верхушки креста – 105 м. – т. е. всего на четыре метра выше Исаакиевского собора в Петербурге. Купол Инвалидов похож по форме на более поздний купол Пантеона, но он не подавляет, а возвышает, благодаря стройности общего силуэта церкви. Многотонная громада купола, словно избавленная от своего веса, парит над утренним туманом, стелющимся вдоль Сены.

Двенадцать свинцовых узорных золоченых полос, украшающих купол, были в дни якобинской диктатуры сняты и изрезаны на картечь, но надо отдать справедливость Наполеону, которому картечь, наверное, была нужнее, чем якобинцам: он нашел где-то необходимое количество свинца и велел восстановить купол (не зная, кстати, что под куполом этим будет его гробница!) Восстановили купол как раз в 1815 году – к моменту падения императора.

Барокко Ардуэна-Мансара – официальный стиль эпохи Людовика XIV – во всех постройках выглядит гораздо более сдержанным и строгим, чем тот же стиль барокко в работах немецких, а особенно итальянских и – позднее на целое столетие – русских архитекторов, ничем не ограничивавших роскошь и вычурность своих построек.

Именно относительная строгость мансаровского барокко и сблизила облик Дворца инвалидов со стилем, возникшим при Наполеоне в первые годы XIX века: с тем самым ампиром – стилем империи – который образовался из строгого классицизма конца XVIII столетия, имитировавшего римские архитектурные формы.

Этот суховатый классицизм времени Людовика XVI, классицизм, присвоенный Конвентом и объявленный «непременным стилем революционного искусства», по идее должен был «воспитывать гражданский дух античности». Подразумевалось, что высокая гражданственность, якобы свойственная древнеримскому обществу, так же легко вселится в души французов, как античные колонны и фризы на улицы Парижа.

При Наполеоне, приспособившем все тот же пресловутый «дух античности» уже не к республиканским доблестям, а к «имперскому величию», образцом для подражания стал соответственно не Рим республиканский, а Римская империя. И классицистические фасады, постепенно обрастая орлами, львами, панцирями, пучками стрел и прочими «архитектурными излишествами», превратились в ампирные. Пышности стало никак не меньше, чем в отвергнутом за полвека до того стиле барокко, но вот только пышность эта, в отличие от «безыдейного» барокко, несла зримую «военно-гражданственную нагрузку».

Именно во Франции (и только здесь!) ампир с его венками, связками оружия, аллегорическими женскими фигурами, олицетворявшими Победы, Славы, Правосудие и все возможные и невозможные абстрактные доблести, принял, как бы впитал в себя, наследие мансаровского барокко, как свою разновидность!

И поэтому вполне возможно, что особая любовь Наполеона к Дому инвалидов подсознательно была внушена этим сходством е г о стиля со стилем «великого века», воплощенного в немногочисленных, но зато грандиозных мансаровских постройках (ведь чем меньше легитимных корней у новой власти, тем судорожнее ищет она прочных связей с Историей – «тому в истории мы тьму примеров слышим», как сообщают нам Лафонтен с Крыловым...)

В 1804 году Наполеон приказал установить на Эспланаде у фонтана скульптуру Льва Святого Марка, символ Венеции, увезенную из захваченного им города. Только в 1815 году австрийцы, которые стали после падения Наполеона распоряжаться в Италии как у себя дома, вернули скульптуру на место, к Дворцу Дожей. Заодно были возвращены и все прочие сокровища венецианских палаццо, да и многие другие произведения искусства, принадлежавшие разным городам Италии. Как известно, Наполеон вывозил в Париж подчистую содержимое всех дворцов и галерей из всех европейских городов, в какие только ступала его нога.

15 декабря 1840 года в Сену вошел корабль с гробом Наполеона, который перевезли сюда из захоронения на острове Св. Елены. Императора перехоронили здесь, под мансаровским куполом Дворца инвалидов, олицетворяющим всю военную историю Франции. Сооружение же самой гробницы было закончено только в 1861 году (архитектор Висконти).

Внутри церкви, в центре ее, точно повторив окружность барабана купола, Висконти соорудил классическую белую балюстраду. Внутри ее – открытое пространство, где ниже этажом в этом открытом крипте церкви расположена гробница Наполеона. Странным противоречием этому воинственному сооружению кажется стоящая неподалеку скульптурная группа – «Святой Людовик отдает свой меч Христу».

Если смотреть с балюстрады, огораживающей центральную, подкупольную часть собора, мы видим внизу круг, центр которого чуть приподымается, образуя конус, хотя и очень пологий. Он разделен на 12 частей. На мраморе каждого сектора – по одному слову: «Аустерлиц», «Иена», «Маренго» – все основные битвы, в которых Наполеон победил (только вот ни Бородино, ни Березина тут не упомянуты, равно как Лейпциг или Ватерлоо. История ведь всегда и всюду пишется методом полу-умолчаний…)

Кажется вполне вероятным, что площадь Этуаль с ее Триумфальной аркой, воздвигнутой в честь того же Наполеона, была распланирована как бы специально «в перекличку» с идеей архитектора Висконти: от площади расходятся 12 проспектов, а сама арка занимает пропорционально такое же место в центре площади, какое наполеоновский саркофаг из красного ладожского порфира в центре круга, в крипте церкви.

Саркофаг сделан из цельного порфирового блока, который был вырублен в одном из карьеров Карелии по специальному разрешению Николая I. Известно, что он даже, против обычая, велел не брать

с французов плату за пользование карьером: «Бонапарту надгробный камушек Россия может и даром дать» – сострил император-сапер по поводу императора-артиллериста.

Внутри саркофага – в подражание, видимо, фараонам – поместили еще шесть разных гробов, один в другом: мраморный, дубовый, эбеновый, красного дерева и, наконец, свинцовый. Неподалеку в витринке множество орденов, большую часть которых, как это принято среди глав государств, Бонапарт пожаловал себе сам. Тут же лежит и его шпага, которую он держал в руке во время сражения при Аустерлице.

В церкви похоронены и некоторые маршалы Империи и – в отдельном помещении тоже внизу– сын Наполеона, так наз. Наполеон Второй, или Римский король, больше известный под именем Орленка благодаря знаменитой драме позднего романтика Эдмона Ростана:

Мне двадцать лет, и ждет меня корона,
Париж, Париж, ее отдашь ты мне!

(Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник)

Но не корону, а только могилу рядом с гробницей отца получил от Парижа этот болезненный, слабый сын Бонапарта. Да не было, пожалуй, в истории случая, чтобы во втором поколении повторилась сила личности – чем крупнее диктатор, тем ничтожнее его ближайшие потомки. Может, в этом частица справедливости судьбы?

Сейчас большую часть Дома инвалидов занимает военно-исторический музей, в котором представлено оружие и обмундирование всех времен – от дубины какого-нибудь троглодита, найденной на территории деревни Гренель, и до минометов Второй мировой войны. Алебарды, мечи, сабли, автоматы... Правда, набедренных повязок или шкур тут не видать, но зато всякие шлемы, шляпы с перьями, кивера и тем более фуражки или пилотки – в изобилии. Все это размещено в бесконечных километровых анфиладах в хронологическом порядке.

В одноэтажных пристройках начала XIX века и поныне живет около полусотни ветеранов Второй мировой войны и Сопротивления. А в 2008 году умер последний «пуалю» – французский солдат Первой Мировой войны...

...На Эспланаде –
день морозный и пустой.
И позолоты припорошенная ложь
Твердит, что купол Инвалидов не похож
На Исаакиевский купол золотой.

Три фонаря, три фонаря – такой уж мост.
И повторенье их напомнит наконец,
Что за три тысячи остекленелых верст
Есть у него –
чуть подлиннее – мост-близнец.
Те два моста – они похожи неспроста,
А фонари – их силуэт слегка кривой.
И врут тройные фонари на двух мостах,
О том, что Сена перемешана с Невой,
Что не в Париже, не сегодня, не вчера,
Что где-то в прошлом,
что когда-то на Восток...
Все перепутано, как темный сон с утра,
Все перепрятано, как боль руки в висок,
Все перемотано, как хаос проводов,
Как телефонов неживые голоса,
Когда короткий для чего-то врет гудок,
Загнав спрессованную вечность в полчаса –

А в ней никак не досказать, не домолчать,
Не допонять и не додумать, и недо...
Пустая трубка сообщает верхним «до»
О том, что линия загружена опять...
Гудки ритмичны – как тройки фонарей,
Гудки привычны, как машины на мостах,
И безразличны, как безлиствие аллей
На Эспланаде...

Мост Александра Третьего в Париже и

Троицкий мост в С. Петербурге

Эйфелева башня (Tour Eiffel)

Эйфелева башня – символ Парижа. Но когда ее только соорудили, Ги де Мопассан в знак протеста покинул Париж, а Поль Верлен продумывал специальные маршруты по Парижу, только бы обойти и не видеть «железного монстра». Наконец он отыскал-таки «единственное место в Париже, откуда ее не видно», а именно ресторан на первом ярусе самой башни...

Гюисманс обозвал ее дырявым канделябром...

А теперь – это самый известный из памятников Парижа, миллионы и миллионы дурацких золоченых копий башни всех размеров продаются на любом углу... Но что же это все-таки? Вульгарность собственной персоной, или произведение искусства?

А ни то, ни другое. Верней – и то, и другое. Во всяком случае, я думаю, что после того, как в 1986 году (к столетию со дня начала строительства) была выполнена поразительная подсветка – башня и верно стала произведением искусства. Она вечерами уже не железная. Соломенная...

Начато строительство башни было в 1887 году, закончили ее в 1889, к открытию всемирной выставки. Знаменитый еще и до этого строительства инженер-мостостроитель Гюстав Эйффель хотел прежде всего доказать всему миру, что металл – строительный материал не хуже других… И доказал. 300 метров высоты. 7 тысяч тонн веса. 15 тыс. деталей, соединенных двумя с половиной миллионами заклепок.

Форма башни – результат строгого расчета – главная цель была, повторяю, в том, чтобы доказать, что только из металла можно выполнить сооружение таких размеров, А когда и линии и многие другие данные этого сооружения уже в 90-х годах просчитали на компьютере, то обнаружили, что все параметры башни близки к оптимальным: получилось так, что удивительная гармоничность силуэта еще раз подтвердила один из законов не только архитектуры, но и самой природы: красота – результат высшей целесообразности…

В 1930 году около северной ноги башни был установлен бюст Г. Эйффеля, работы скульптора Бурделя.

Башня расположена на северном краю Марсова поля, в глубине которого находится здание Военной школы, учрежденной Людо-

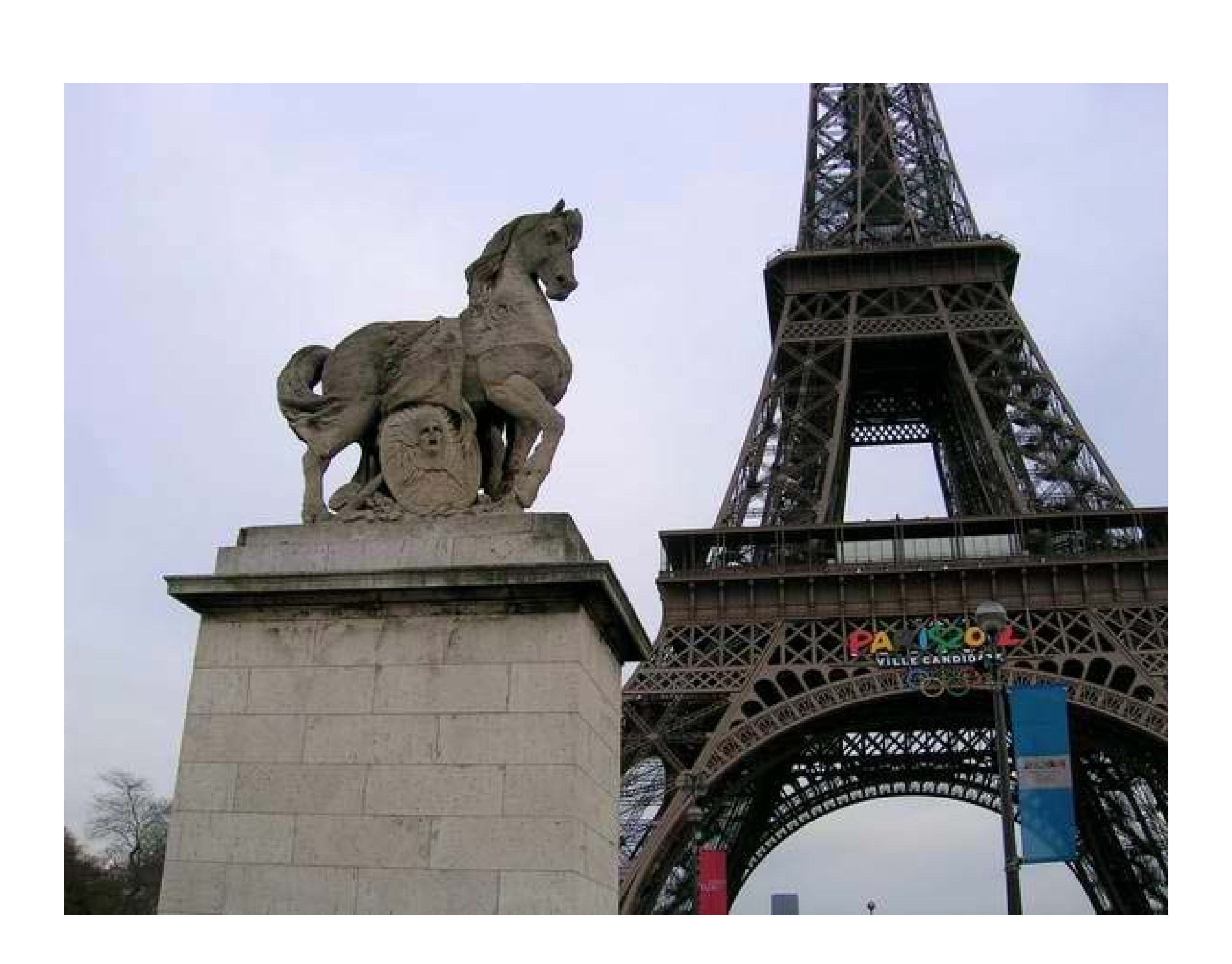
виком XV. Здание построено в 1773 г. Школа же была основана раньше – в 1751 г., и располагалась она сначала в Венсене. Курсантов было 500 человек. Это были, как правило, младшие сыновья (*cadets*) дворян, которые не наследовали имения, и поэтому поступали на королевскую службу.

Один год учился тут Наполеон Бонапарт. Руководство школы выпустило его досрочно, решив что «этому курсанту тут нечего делать. Он и так уже готовый офицер-артиллерист»

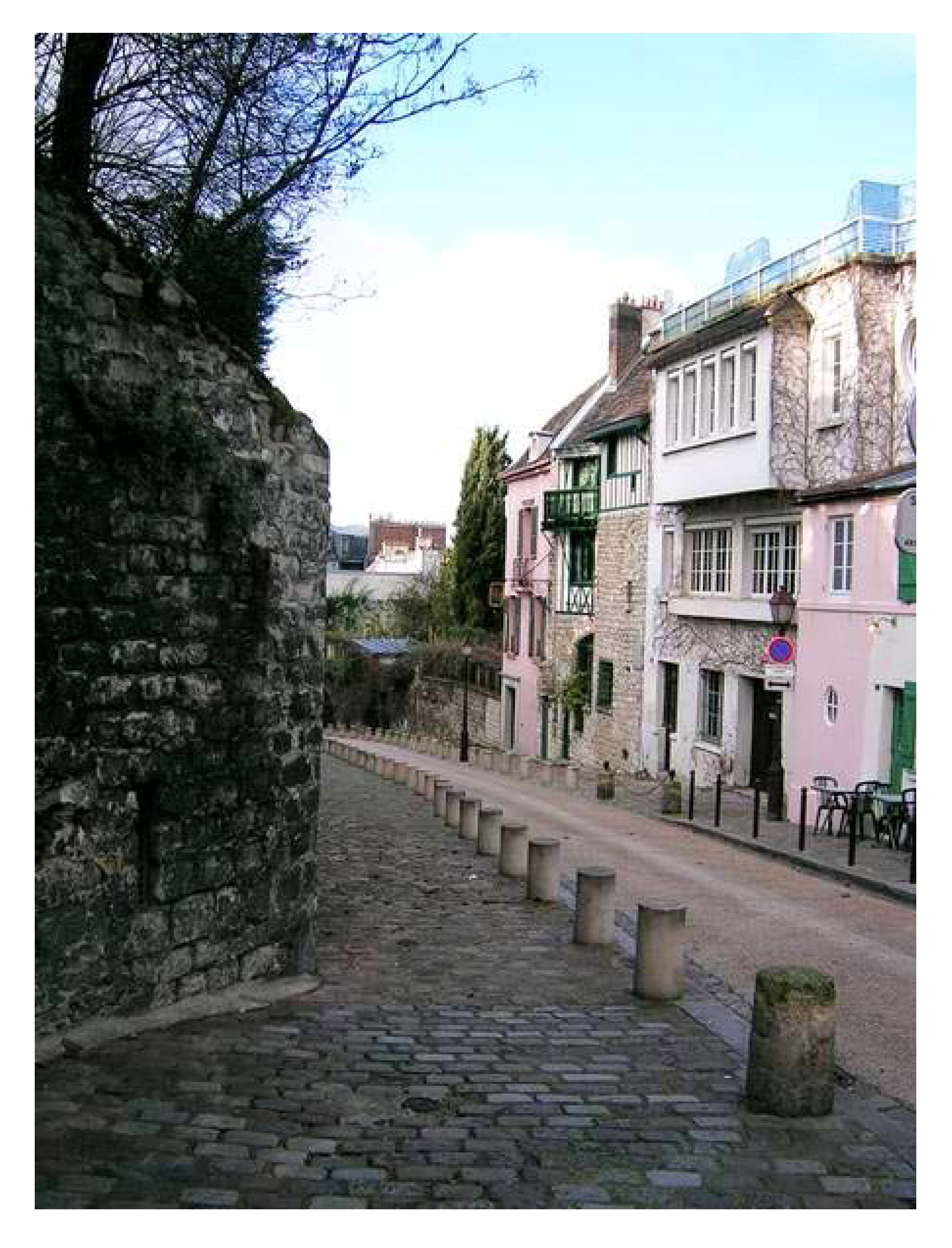
В 1944 г. располагавшийся в здании Военной школы штаб гитлеровцев капитулировал после танковой атаки дивизии ген. Леклерка, сыгравшей главную роль в освобождении Парижа.

До 1966 года в этом здании располагался штаб НАТО.

МОНМАРТР (Montmartre) I

Монмартр – холм, высотой более ста метров, возвышающийся над Парижем.

Монмартр – очень древняя деревня, повидавшая за свое более чем полуторатысячелетнее существование и мирную идиллическую жизнь, и чудовищные битвы, и блеск королевского двора, и аскетическое подвижничество монахов, и веселые раблезианские непристойности, вдруг взлетавшие, как цветные фейерверки, в самые неожиданные моменты истории…

«Колыбелью парижской жизни» называли этот холм в начале XX века, а также – колыбелью богемы.

Монмартр прежде всего хаотичен, и попытаться упорядочить даже рассказ о нем было бы недопустимым насилием над самим духом Монмартра, над его *genius loci*.

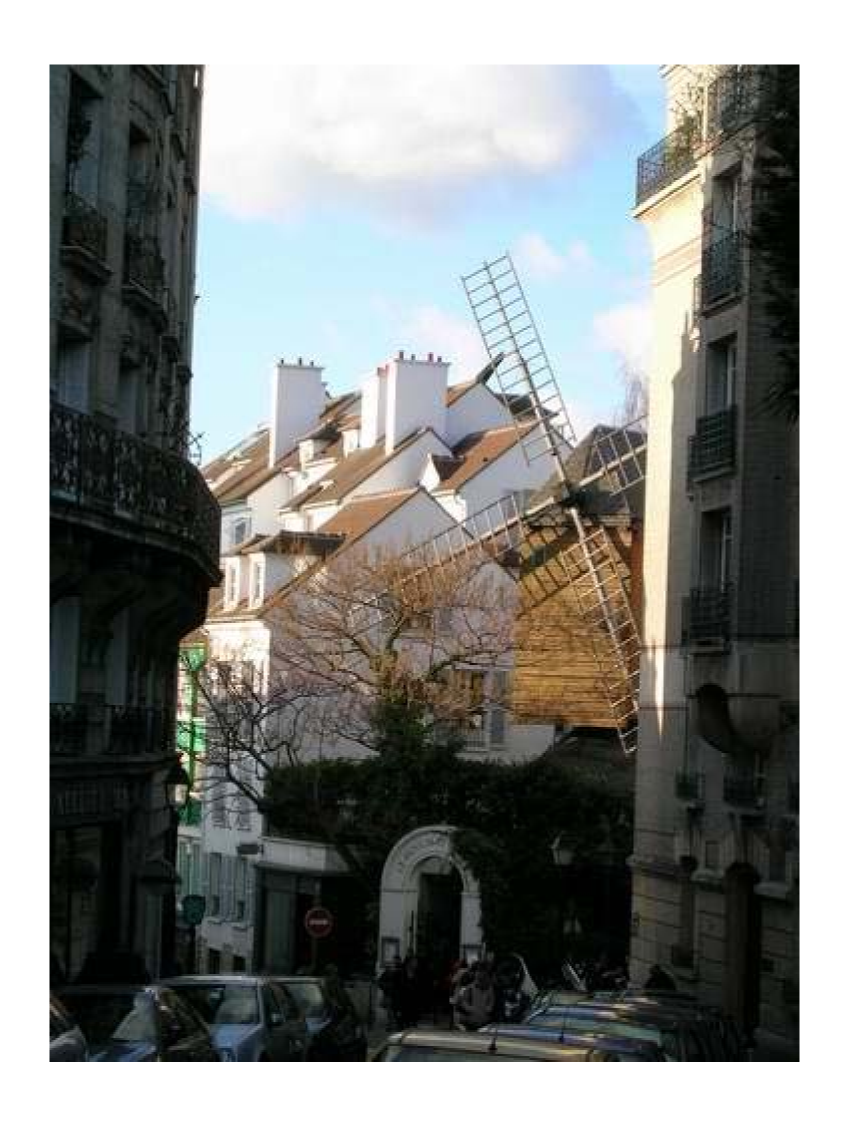
Итак – беспорядочно о беспорядочном, пестро – о пестром... Для начала – слова полузабытого писателя-романтика первой половины XIX столетия Жерара де Нерваля: «Что меня привлекает здесь – эти старые деревья Замка туманов, этот виноградник, помнящий еще, как на его склоне обезглавили Святого Дени, эти вечерние представления с участием дрессированных лошадей и собак, этот античный (по стилю только!) фонтан, в бассейне которого девушки стирают белье и поют так, как пели в первой главе гетевского Вертера»...

Жерар де Нерваль был великий шутник и мистификатор, и когда я прочел в книге Жака Илларэ, самого авторитетного историка Парижа, о том, что Нерваль, шатаясь по кабачкам Монмартра, «водил по улицам живого омара на тонком собачьем поводке», я не усомнился, что это так и было, пока... в другом (первом) издании того же Илларэ появился уже не омар, а лангуст. Причем я прочел, что «с этим лангустом писатель спускался в Париж и прогуливал его в саду Пале Руайяль». Поскольку расстояние от Монмартра до упомянутого сада более пяти километров, то я как-то задумался...

И вдруг, когда я в очередной раз рассказал эту небылицу, пришло разъяснение этого странного факта. Мне заметили (а именно Б. Великсон), что ни лангуст, ни омар на воздухе долго не проживут, и все это может быть правдой только в том случае, если Нерваль в каждой рыбной лавке по пути покупал нового лангуста вместо сдохшего... И не проще ли, мол, предположить простую опечатку в первом издании книги Илларэ и, заменив одну только букву, представить себе писателя, ведущего на поводке не водного жителя лангуста, а маленького пушистого «Рикки-тики-Тави», то есть мангуста?

Ну а то, что лангуст в другом издании стал омаром – неудивительно, ведь даже те, кто любит поужинать этими ракообразными, не всегда их отличают одно от другого, вот и редактор...

Вот так-то... Но после истории с Жераром де Нервалем все же придется вернуться к просто истории.

Само название Монмартр неясно – одни производят его от горы Марса (по-латыни Mons Martis), храм которого был тут воздвигнут римлянами, другие от горы Меркурия (Mons Mercuri), третьи же – от горы мучеников (Mons Martirium)... К этому этимологическому хаосу якобинцы в дни революции 1789 – 1794 гг. добавили еще одно толкование – Гора Марата, несмотря на то, что название это звучало тут за полторы тысячи лет до рождения доктора Марата.

Первые поселения на холме относятся однако даже не к временам древнего Рима, а прямехонько к эпохе неолита. Холм на берегу тогдашней Сены – чья долина в каменном веке достигала пяти с лишним километров в ширину – сложен из осадочных пород, точнее почти из чистого гипсового камня, годного для того, чтобы из него делать гипс. Этот незаменимый строительный материал добывался тут еще до римского завоевания, а уж римляне, неутомимые строители, основательно изрыли холм. «Частица Монмартра есть в любой точке Парижа...», – писал А. Додэ.

Итак – римские легионы, Лютеция, Юлий Цезарь…

К третьему веку в Галлию начинает проникать христианство. Этот период истории Парижа связан прежде всего с именем Св. Дениса или Дионисия (St. Denis).

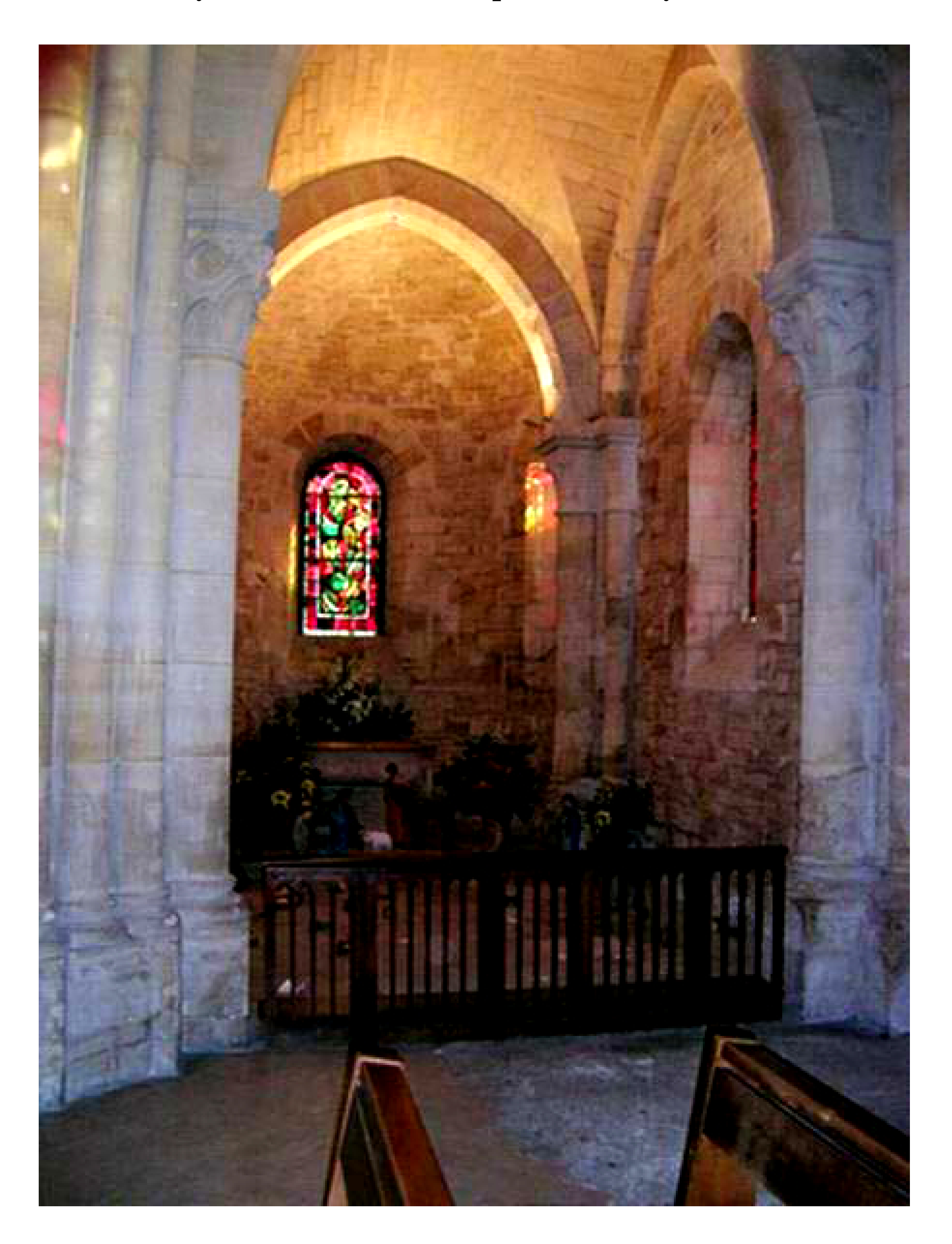
История Св. Дениса имеет множество вариантов, но вкратце сводится к следующим, так сказать, фактам: в середине III в. посланные Клементом Первым (третий папа римский) для христианизации Галлии монахи-миссионеры Денис, Элефтер и Рустик построили две церкви в южной части Лютеции. Позднее арестованные по приказу императора Домициана за слишком активное миссионерство, они были уведены двумя стражами на север от острова Ситэ – тогдашнего центра галло-римского города.

На склоне холма, не поднявшись на вершину, где должна была свершиться казнь, конвоиры – они же палачи – остановились в гипсовом карьере и срубили арестованным головы. Этим солдатам, которые выпили за обедом немало пива, очень хотелось как можно скорее избавиться от приговоренных, чтобы спокойно отлить, не боясь, что монахи в это время сбегут. После казни Денис наклонился, поднял свою голову и понес ее до того места, где теперь находится названная в его честь знаменитая базилика Сен-Дени – усыпаль-

ница французских королей. Причем легенда особо отмечает, что Денис нес свою голову около десяти километров на вытянутых руках.

Базилика же, ему посвященная (первая, еще не нынешняя) была построена заботами короля Дагобера и стала потом королевским аббатством и усыпальницей династии Капетингов. Денис же (почти тысячелетие спустя!) был канонизирован 11 августа 1297 г.

Церковь святого Петра

Но еще в 1133 году король Людовик VI Толстый с королевой Аделаидой Савойской купили находившееся на вершине холма поместье, чтобы превратить его в монастырь бенедиктинского ордена. Посреди монастыря была построена церковь Святого Петра на Монмартре, существующая и поныне без значительных перестроек. Это – самая старая из церквей Парижа (1134 г).

Часовню же Св. Мучеников король велел отремонтировать и вырыть под ней крипт, в который вели 60 ступенек. Тут же (а не в базилике Сен-Дени, как все короли и королевы!) была похоронена королева Аделаида по ее завещанию, поскольку последние годы жизни она провела здесь, будучи первой аббатисой созданного ею монастыря.

15 августа 1534 года, вернувшись из паломничества в Иерусалим, испанский дворянин Игнатий Лойола с шестью единомышленниками образовали Общество Иисуса, более известное как Орден иезуитов. Они собрались в этот день в подземом крипте под часовней Св. Мучеников. И с тех пор каждые два года эти первые иезуиты возвращались сюда, чтобы повторить свою клятву в верности католицизму и вновь пообещать «положить все силы на алтарь просвещения и обращения в христианство всех, кто не верует».

В 1590 году Генрих Четвертый, тогда еще вождь протестантов, но унаследовавший корону последних Валуа и желавший ее получить на деле, расположился в этом монастыре во время осады Парижа. Он поставил свои две пушки «на античной террасе» (остатки храма Марса?). Осадил город он с крохотной армией в 1200 человек. Этого было явно мало для того, чтобы покорить Париж, но вполне достаточно, чтоб покорить сердца монахинь. И вот – «проклятого гугенота» – и заодно законного короля Франции стали поносить во всех церквях города не столько за осаду, сколько за то, что он сделал аббатису знаменитого бенедиктинского монастыря своей подругой.

«Самый знаменитый парижский монастырь обернулся борделем, поскольку почти все монахини последовали ужасному примеру грешной своей аббатисы» – писал в гневном послании к пастве тогдашний архиепископ Парижский. Действительно, большая часть монашек и послушниц завели себе кавалеров среди офицеров и солдат протестантского войска, и когда Генрих, по сути дела король без королевства, снял осаду и ушел от стен Парижа, монастырь опустел: настоятельница монастыря ушла вместе с Веселым королем. Почти все монахини опять же последовали примеру своей аббатисы и ушли с армией Генриха, напоминавшей, по свидетельству современника, скорее цыганский табор, чем войско христианского государя (впрочем, в монастыре остались все же две женщины. «Од-

ной было около 80 лет, а другая молодая, но сухоножка», как свидетельствует один из секретарей наварского короля).

В 1611 году на месте часовни была построена церковь Св. Мучеников, и посещение паломниками знаменитого подземелья стало одной из главных статей дохода бенедиктинского женского монастыря, новое население которого стыдливо делало вид, что забыло о том, почему за два десятилетия до того монастырь опустел.

В 1790 году монастырь был разграблен революционной толпой, монахини разогнаны, а последняя, сорок шестая его аббатиса Луиза де Монморанси-Лаваль стала одной из последних жертв якобинской диктатуры. Ее гильотинировали в 1794 году, за несколько дней до термидорианского переворота..

В 1814 году после победы над Наполеоном в пустых помещениях бывшего монастыря разместились английские и русские войска. Но им оставалось только завидовать солдатам Генриха IV, легенды о постое коих в монастыре за две с лишним сотни лет обросли многими живописными подробностями…

Сакрэ-Кер (La basilique du Sacré-Cœur de Jésus, Собор Святого сердца Иисусова)

23 июля 1873 года, вскоре после несчастий и разрушений Франко-прусской войны и Парижской коммуны, Национальная ассамблея приняла решение построить на вершине Монмартра Собор Святого сердца Иисусова. «Он должен стать памятью о горе, которое претерпела Франция, и жертвах этих страшных лет», – сказал тогда архиепископ парижский, монсиньор Жильбер.

Строительство началось вскоре после того, как папа Пий Девятый (известный русским читателям по стихотворению А. К. Толстого «Бунт в Ватикане») дал свое благословение на воздвижение Храма. Победителем конкурса среди 78 архитекторов стал ученик Виоле ле Дюка, Поль Абадье (Овадия). Ему и было поручено строительство. Абадье выбрал для собора белый камень из карьеров Шато-Ландона (древнего городка недалеко от Луары), известный тем, что на воздухе этот камень еще больше белеет, а твердостью он может поспорить с гранитом.

Для того, чтобы заложить фундамент собора, строителям пришлось вырыть 83 колодца сорокаметровой глубины: верхняя часть холма была основательно изрыта, поскольку сырье для производства гип-

са тут добывали постоянно в течение двух тысячелетий. В колодцах были поставлены 83 каменных пилона, на которые и опирается фундамент гигантской церкви.

Первый камень заложил 16 июня 1885 года президент Мак-Магон (маршал, проигравший Франко-прусскую войну).

Была объявлена подписка среди всего населения Франции, и надо заметить, что постройка была оплачена до последнего сантима по этой добровольной подписке и не стоила государству ни гроша. Размеры пожертвований колебались от десяти сантимов и до десятков тысяч франков. В сумме они составили 38 миллионов, пол-

ностью истраченных на возведение собора, который был завершен только в 1912 году. После Абадье собор строился под наблюдением последовательно четырех архитекторов: Домэ, Леня, Роллена и Манье.

Архитекторы не раз вносили в первоначальный проект поправки и изменения, каждое из которых было само по себе не велико, но все вместе они явно приблизили, как мне кажется, облик собора к архитектуре стиля «Нового искусства» – по-русски стиля модерн – сложившегося как раз в годы завершения строительства собора. Поскольку церковных зданий, построенных в этот период, невероятно мало, то собор оказывается одним из немногих сооружений, показывающих среди разнообразных построек тех десятилетий аспект именно церковной архитектуры модерна.

В 1904 г. завершение строительства было поручено арх. Манье, который завершил все работы и добавил колокольню (1905-1913), сооруженную уже полностью в стиле модерн. На ней висит самый большой из известных в мире колоколов – «Савояр», отлитый в Анси (Верхняя Савойя) в 1895 г. Весит он почти 19 тонн.

Освятили собор уже после Первой мировой войны.

Перед собором высятся две пятиметровых конных статуи скульптора Х. Лефевра – Св. Людовик и Жанна д'Арк.

Чуть ниже и правее собора, если стать спиной к нему, над выходом из фуникулера находится в старом выставочном павильоне 1900 года типография, где печатали свои гравюры и литографии Пикассо, Миро и Шагал.

Если от собора, с его эспланады, смотреть прямо на юг, параллельно фуникулеру, то перед вами, с высоты более 100 метров, откроется весь Париж.

Средняя высота Парижа в районе набережных – 27 метров над уровнем моря, высота Монмартра 130 м, а верхушка купола находится ровно на двухсотметровой отметке.

МОНМАРТР (Montmartre) II

Неподалеку от собора Святого Сердца находится и сердце старого Монмартра – площадь Тертр с ее толпой художников, рисующих наскоро портреты туристов, несколькими кафе и бывшей мэрией «Свободной общины Монмартра». Площадь существовала уже в XIV веке, причем поначалу ее восточная сторона была ограничена стеной аббатства.

Название площади происходит, по всей вероятности, от имени монастырского казначея Гийома Дю Тертра, жившего в начале шестнадцатого столетия. Но кроме того, словом Тертр называлась площадка, где в средние века вершился на Монмартре монастырский и королевский суд. (А фамилия казначея – или прозвище его – само, возможно, произведено от названия площадки).

Тут в дни революции 1848 года республиканцы посадили знаменитое Дерево свободы, срубленное коммунарами в 1871 году…

Площадь заполнена «портретистами», а улицы вокруг нее – кабачками и кафе, в которых «не столько пьют, сколько поют».

У входов в некоторые из этих крохотных кабаре висят репертуары на ближайшие несколько дней – это те кабаре, что считаются посолиднее. Другие – полностью во власти импровизаций: зашла компания с гитарой, флейтой, барабаном, или вовсе с неведомыми никому инструментами – вот и концерт. Ребята поют для себя. Причем, как я не раз замечал, тут, на Монмартре, вы почти никогда не услышите какой-нибудь рок – царит здесь традиционная французская песня.

Стены кабачков и кафе нередко заклеены афишами новыми и старинными вперемежку, нередко изрисованы безвестными, но зато и бесчисленными художниками – однако хозяева кабачков, «как боги сохраняют все» – и беспомощную мазню, и очень интересные, порой, рисунки: «...Кто знает, а вдруг Мишель станет тоже великим, а я, старый мудак, его и закрасил? Ну нет! – заявляет кабатчик,– подавая единственному (по причине утра) посетителю стакан крас-

ного, – я уверен, что вон из тех ребят, что шлепают там портрет за портретом, кто-нибудь вдруг окажется не хуже моего соседа». Далее выясняется, что «своим соседом» он зовет Ренуара, который поселился в 1875 году тут, на улице Корто.

На Монмартре тесно не только в пространственном смысле, но и во времени: сто лет назад? Да тут это ведь – вчера! Почему так, не знает никто, но это чувствуется... О том, что Ренуар платил за весь этот домик тысячу в год – «Подумайте, месье, всего тысячу! Тьфу!» – этот человек говорит так, словно сожалеет, что вот он не успел за ту же цену снять этот домик...

В этом «домике» Ренуара (довольно большом классическом особняке), который теперь бережно отреставрирован и глядит на крохотный палисадник всеми четырьмя окнами мансарды, поселился в самом конце века, уже после Ренуара, художник Эмиль Бернар, знаменитый не столько своими работами, сколько тем, что у него дневали и ночевали друзья его – Ван Гог и Гоген.

Теперь здесь (ул. Корто 12) – Музей Монмартра. Среди экспонатов – документы, рисунки, скульптуры, чертежи – история Монмартра. Некоторые работы Утрилло, Ренуара, Ван Гога, Тулуз-Лотрека и других художников, чьи имена связаны с Монмартром. А еще – афиши и фотографии всех артистов, выступавших когда-либо в здешних кабаре. Бывали тут и Мистангетт, и Морис Шевалье, и Эдит Пиаф, и Жозефина Беккер, и молодой Ив Монтан...

Почти рядом с Музеем – прославленный монмартрский виноградник (в наше время площадь его – меньше гектара!). Но именно тут, в 120 г. римляне, как утверждает легенда, посадили самую первую виноградную лозу во Франции. Поэтому в каком-то смысле само словосочетание «французские вина» связано прежде всего с Монмартром.

В средние века виноградник принадлежал монахиням Бенедиктинского монастыря. Вино это имело репутацию диуретика, о чем свидетельствует старинная эпиграмма:

C'est du vin de Montmartre:
Qui en boit pinte en pisse quatre!

Вино Монмартра! Пьешь его и пьешь!
Две пинты выпьешь – бочку отольешь!

Ежегодный праздник урожая собирает здесь и сегодня делегации всех винодельческих районов Франции.

Время стиснуто в этих кукольных переулках. Вот Розовый домик (он и поныне розовый), известный по картине Утрилло. Его же рисовал и Ван Гог...

Кстати о пейзажах – именно на Монмартре в двадцатых годах создан тот знаменитый пейзаж, «Закат над Адриатическим морем», который произвел в свое время немалый скандал. Пейзаж был официально выставлен в Салоне Независимых и имел даже немалый успех. Оранжевые, красные, желтые дугообразно вытянутые пятна теснятся, перекрывая друг друга, внизу неожиданная синева растворяется в оранжевом... В те годы, когда абстракция только начинала отстаивать свое право на существование, пейзаж выглядел не хуже и не лучше средних работ в этом духе. Вот только автор...

История вкратце такова. После того, как многие посетители Салона Независимых одобрили пейзаж, им были показаны фотографии художника за работой. Фотографии были сняты в присутствии свидетелей во главе с судебным исполнителем квартала.

Осел по имени Лоло, принадлежавший гитаристу Фреду, хозяину кабаре «Ловкий кролик», сфотографирован сбоку, сзади и спереди. Он стоит, повернутый хвостом к мольберту. Между ним и мольбертом – несколько тазиков с красками. Хозяин кормит осла печеньем, тот от удовольствия машет хвостом, попадая то в краски, то на холст... Автор картины – осел Лоло, автор мистификации – Ролан Доржеле, решивший «пошутить над бандой этого Пикассо».

На эту мистификацию не попался только один-единственный зритель – поэт Гийом Аполлинер, прекрасно знавший все, что делали его друзья, жившие на Монмартре в доме, прозванном «Корабль – посудомойня».

Пейзаж этот и несколько фотографий осла с его хозяином – один из самых знаменитых экспонатов Музея Монмартра.

От музея спускается одна из живописнейших улиц Монмартра – улица Монт-Сени. На ней, на углу улицы Св. Винцента, жил в середине прошлого века композитор Гектор Берлиоз (не путать с булгаковским Берлиозом – именно композитор!). Тут написал он «Бенвенуто Челлини» и «Реквием», тут бывали у него Лист и Шопен, и, конечно, близкий друг его Александр Дюма. Тут же рядом, на крохотном кладбище Св. Винцента, Берлиоза и похоронили. Компо-

зитор грандиозного размаха, он любил тесноту монмартрских переулков.

Не только на самом верху, близ площади Тертр, но практически на всех улицах, спускающихся по разным сторонам холма, расположено множество кабачков и кабаре.

Но самое знаменитое из кабаре – уже упомянутый «Ловкий кролик» (существует с 1860 г.). Находится он недалеко от музея и виноградника на Ивовой улице (rue des Saules). Тут тоже сохраняется память обо всех, кто пел в этом крохотном кабаре, кто создал Монмартру его славу. Названием своим кабаре обязано художнику Андре Жилю, нарисовавшему вывеску: кролик с украденной бутылкой удирает из кипящей кастрюли. Тут – игра слов: «кролик Жиля» – *le lapin a Gilles* – превратился в «ловкого кролика» – *le lapin agile*.

В 1903 г. знаменитый певец Аристид Брюан (портрет его – не менее знаменитая афиша работы Тулуз-Лотрека) купил кабаре и поручил управлять им гитаристу Фреду, который сделал кабаре местом встреч писателей, живших на Монмартре. Впрочем, и художники тут бывали нередко. В числе завсегдатаев «Ловкого Кролика» числится, в частности, и Пабло Пикассо, приходивший сюда обычно с двумя из своих ближайших друзей-поэтов – Максом Жакобом и

Гийомом Аполлинером. Не раз к их компании присоединялся и живший в то время недалеко от Монмартра совсем молодой Илья Эренбург.
Кабаре это и поныне сохраняет традицию – в концертах участвуют посетители, подпевая певцам и музыкантам, ибо исполняемые тут песенки чаще всего издавна знакомы завсегдатаям «Кролика».

Несмотря на всемирную известность этого крохотного заведения, где за столами в тесноте помещается не более шестидесяти человек, оно настолько выглядит домашним, что я видел там даже старух в халатах и домашних туфлях – это те, кто живет по соседству…

Да и вообще Монмартр так и остался деревней по духу, если не всегда по облику, и можно надеяться, что этот дух не исчезнет, несмотря ни на что, а главное, несмотря на несметные толпы туристов.

Однажды к «Кролику» зашла группа из 10-15 японских туристов. Посидели, послушали с полчаса, и как вошли, так гуськом и вышли. Как будто вовсе не было их. А бабушки в халатах продолжали подпевать и хохотать в тысячный, наверное, раз за свою монмартрскую жизнь, все над теми же, с их детства, а то и ранее звучащими тут куплетами…

Художники конца XIX – начала XX века большей частью собирались на углу улиц Ивовой и Св. Рустика в ресторанчике, существующем до сих пор. Тут бывали Сислей, Сезанн, Писарро, Ван Гог, Тулуз-Лотрек, Ренуар, Монэ…

Так продолжалось почти до первой мировой войны, когда художественная жизнь Парижа стала перемещаться в район Монпарнаса.

На площади Шарля Дюлена находится театр Ателье, созданный тремя знаменитыми актерами и режиссерами – самим Дюленом, создателем новой театральной школы, и его друзьями Жюве и Питоевым. Здесь в день первого открытия этого нового театра был показан знаменитый спектакль Дюлена по не менее знаменитой пьесе Э. Ростана «Сирано де Бержерак». Вскоре после премьеры именем Бержерака была названа маленькая улица, отходящая от площади.

На самом почти верху улицы Лепик (если чуть спуститься с площади Тертр) расположена Галетная мельница (Mou-lin de la Galette), одна из немногих уцелевших. Было их на Монмартре в XIX веке более тридцати. Место это увековечено на одной из самых знаменитых

картин Ренуара – «Бал на Галетной мельнице». Картина находится в музее Орсэ.

Если, спускаясь, и не дойдя до входа в мельницу-ресторан, повернуть направо – буквально через несколько шагов откроется небольшая площадка Марселя Эме. На ней находится забавная скульптура «Проходящий сквозь стену», выполненная по одной из повестей Эме и подаренная Монмартру знаменитым киноактером Жаном Марэ. Лицо статуи напоминает лицо поэта и художника Жана Кокто – ближайшего друга Жана Марэ.

Тут же находится упомянутый Ж. де Нервалем «Замок туманов» (парк с несколькими домами прямо над Галетной мельницей). Ниже – маленькое кладбище Св. Винцента, где похоронен, как уже упоминалось, композитор Берлиоз, а также художники Стейнлейн (1923 г.), Утрилло (1955 г.) и писатель Марсель Эме (1967 г.).

С площадки Марселя Эме можно спуститься с Монмартра как по проспекту Жюно, так и по улице Лепик. Несколько ниже по этой улице, в переулке Толозе, в бывшем помещении маленького театрика «Фиакр», разместился в 1928 году первый в мире кинотеатр, «Студия 28», специально предназначенный для просмотра художественных фильмов. Кинотеатр продолжает функционировать и поныне.

Лепик – самая длинная улица Монмартра. По ней можно спуститься с холма до площади Бланш, где находится самое знаменитое кабаре Парижа – «Красная мельница» (Moulin rouge). Над зданием действительно вращает красными крыльями одна из уцелевших ветряных мельниц Монмартра...

Тут родился французский канкан.

Кабаре основано антрепренерами Зидлером и Олье в 1889 г. (фильм на эту тему, «Французский канкан» с Жаном Габеном в роли Зидлера, относится к классике французского кино).

Тут на площади Бланш Тулуз-Лотрек часто рисовал людей из толпы. А сама «Красная мельница»часто фигурирует на пейзажах самых разных художников: от Тулуз-Лотрека до русского художника Оскара Рабина (ум в 2008 г), изобразившего все ту же мельницу в 1986 г.

ПАРИЖ «ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ» I

Само понятие «Belle époque» – «Прекрасная эпоха» – обязано своим именем прежде всего неожиданному и странному расцвету в самом конце XIX - начале XX столетия европейского искусства и культуры во всех возможных проявлениях. Видную роль в создании неповторимого образа этого короткого и блестящего периода Европейской истории сыграло так называемое Новое Искусство («Art Nouveau») – фантастически быстрый яркий и разнообразный поток, в котором неслись и вращались все виды декоративного и прикладного искусства (особенно витражи и мозаики), новая архитектура, скульптура, французская уличная песня, роскошно поставленная оперетта, театр Дюлена с постановкой пьес Ростана, русские балеты Дягилева… Искусство бунтующее, веселое, экстравагантное, эпатирующее – неотделимо от жизни тех фантастических десятилетий, от жизни кружа-

щейся, пляшущей, философствующей вроде бы между забавами… И вот так, в танце, куплетиках, буйстве красок и архитектурных капризов и возникла «Прекрасная эпоха», трагически прерванная, но не вовсе оборванная, Первой Мировой войной…

Впрочем, трудно сказать – жизнь ли тех лет породила это плещущее искусство, или, наоборот – оно само «пробудило к жизни» ту странную и романтическую жизнь.

Архитектурный же стиль «Прекрасной эпохи» – по-русски «стиль модерн» (хотя ему, этому «модерну», сегодня уже перевалило за сто лет), родился из эклектики середины XIX столетия, то есть из того периода, когда в архитектуре, казалось, навсегда исчезла цельность образа, улетучились какие бы то ни было концепции, осмысленность и обязательная согласованность частей здания или нескольких зданий между собой. А ведь без этого принципиально невозможен никакой архитектурный ансамбль.

Но вернемся к модерну. Этот стиль, сложившись после полувека эклектики, так и не избавился от некоторых унаследованных недостатков; важнейший из них – вот это самое отсутствие ансамбля почти во всех постройках того времени. По крайней мере, ни в одном из европейских больших городов ансамблей в стиле модерн я не видел (да и не читал о них).

Единственный известный мне ансамбль в стиле модерн – это ансамбль Большого и Малого дворцов в Париже на набережной. Он включает в себя и мост Александра Третьего, который связывает

проезд между дворцами (бывшая площадь Николая II, а ныне – авеню Уинстона Черчилля) с эспланадой Инвалидов.

Имя последнего русского царя этот проспект (сначала – площадь) носил потому, что Николай положил первый камень в основание строившегося моста в 1896 году в знак дружбы между Россией и Францией. Интересно отметить, что почти соседний мост через Сену носит имя Альма, данное в честь победы над русскими войсками во время Крымской войны в 1854 г.

В то же самое время в Петербурге бригада французских строителей сооружала Троицкий мост через Неву. Мосты Троицкий и Александра III похожи и по конструкции, и особенно по отделке: фонари, освещающие и украшающие оба моста, напоминают капризного

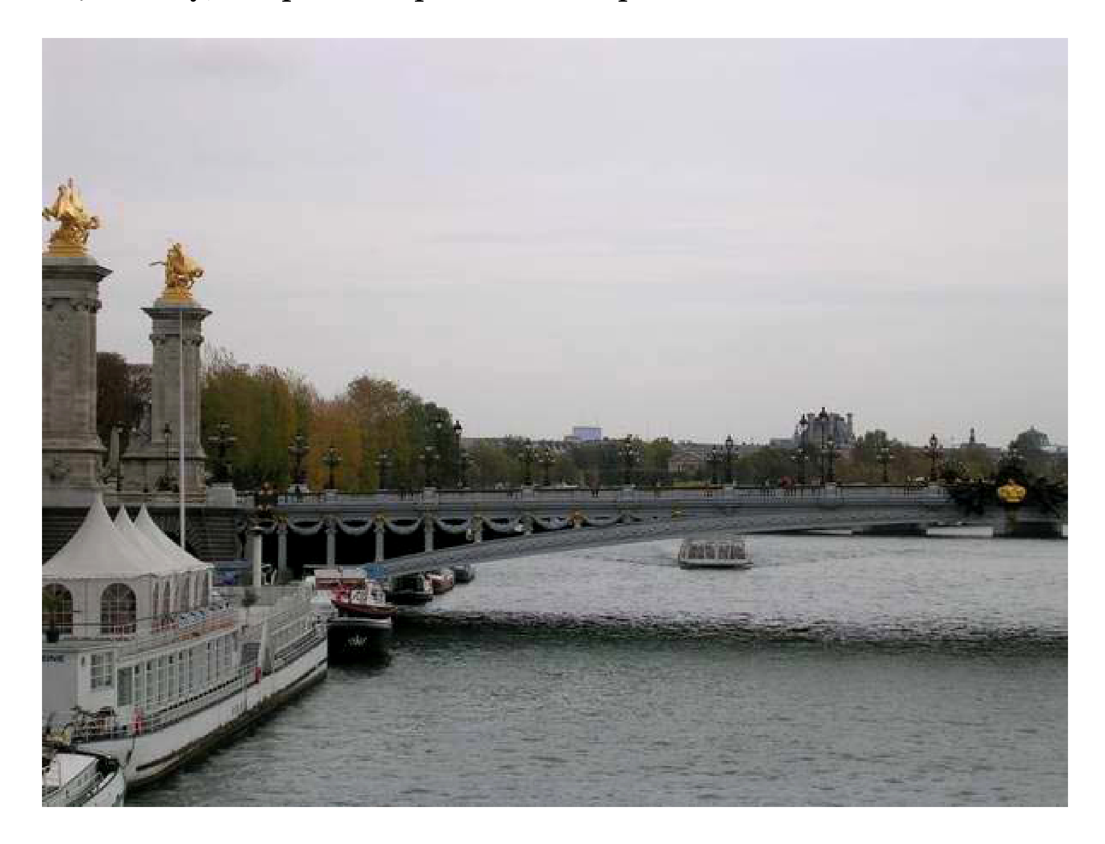

силуэта канделябры, окруженные амурами и морскими чудищами. Все они выполнены по рисункам французского скульптора Гокика в его мастерской..

Но если Троицкий мост перекинут в самом широком месте Невы (длина моста – километр), то мост Александра III – наоборот, в самом узком месте Сены. Он – однопролетный, поскольку в этом узком месте (и очень близко к Мосту Инвалидов) река образует еще и колено. Кроме того, перед строителями стояла задача не заслонить вид с одного берега на другой, чтобы Дворец унвалидов был виден с Елисейских полей, поэтому мост – почти плоский.

Этот первый в Париже цельнометаллический мост построен по проекту инженеров Резаля и Дабли. Строительство было закончено в 1900 году, как раз к открытию Всемирной выставки.

Четыре тяжеловесных столпа-пилона по углам моста – вот что резко отличает его от Троицкого моста в Петербурге. Но короткий и плоский однопролетный мост конструктивно нуждается в них: пилоны прижимают его к земле, являясь противовесами. На пилонах – золоченые скульптуры. Динамичность и капризность их силуэтов как бы повторяют резкую стремительность бронзовой квадриги над угловым порталом Большого дворца (скульптор Ресипон). Квадрига эта подчиняет себе скульптуру всего ансамбля, все статуи на мосту и на Малом дворце. И кажется поэтому, что весь ансамбль летит наискось, куда-то через Сену и вверх…

На замкóвых точках дуги моста с западной стороны нимфы Сены держат герб Парижа, а с восточной – нимфы Невы держат герб России (оба барельефа работы того же Ресипона).

На парапетах у подножий пилонов четыре скульптурных группы – духи вод с раковинами и рыбами.

1 ЯНВАРЯ 1999 ГОДА

(К скульптуре Ресипона)

Предпоследний в дурацком столетье уже начинается год.
И на крыше Большого Дворца как кривую зеленую птицу,
Над скругленным углом и над серой рекой, изготовясь на взлет,
Взбеленил на дыбы Аполлон эту бронзовую колесницу,
Раззолоченный купол среди фонарей Аполлону не снится,
Над парижскими острыми кровлями он начинает полет,
И прожектор за ним белый след в направлении Аустерлица
Прорывает тоннелем сквозь ночь, как огромный взбесившийся крот;
Аквилон над мостом Александра январские листья несет
И вдогонку за ними какие-то узкие, талые лица
Мимо бледных тройных фонарей пробегают, боясь опалиться,
А за ними, как шлейф, над водой лезет запах гниющих болот.
Так сквозь строй фонарей этот мост к бонапартову гробу ведет,
И на тучи отброшена тенью кривая зеленая птица...
Может солнцу удастся хоть утром сюда сквозь туманы пробиться,
Чтоб четыре коня не казались орлом, что столетья клюет...

Мост этот соединил два огромных, хотя и несоединимых по стилю архитектурных ансамбля, между которыми не только пролегла неширокая в этом месте Сена, но и два столетия со всей пестротой исторических событий и сменами стилей…

ПАРИЖ «ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ» II

Между 1897 и 1900 годами все к той же всемирной выставке были построены два гигантских выставочных павильона – Большой и Малый дворцы. Оба по проекту архитектора Шарля Жиро.

Малый дворец был предназначен для ретроспективной экспозиции по истории французского искусства.

Увлечение строительством из металла, ничем не прикрытого, а наоборот полемически выставленного на всеобщее обозрение (Бальтаровские павильоны «Чрева Парижа», Эйфелева башня и несколько мостов) быстро прошло. И хотя металл в строительстве обоих дворцов использован весьма широко, он теперь уже нигде не торчит наружу. Он тут уже вовсе не архитектурный принцип, а только строительная техника. В этом смысле Жиро как бы заключает мирный договор с неоклассицизмом. Да и грандиозный фасад Малого дворца с его ионическим портиком никого не эпатирует, однако над ним – характерный для модерна стеклянный купол-фонарь сложной формы, который освещает внутренность здания. Он же – композиционный центр всей постройки.

По сторонам главного входа массивные скульптуры Времен года и Сены с ее притоками (скульпторы Конве и Ферре). По всему фасаду над высокими окнами тянутся барельефы. Мифологические мотивы, перемешанные с символикой Парижа, видны на фасадах, выходящих и в парк и на Елисейские Поля.

Большой дворец, построенный одновременно тем же Жиро в соавторстве с Тома и Дегланом, по главному фасаду схож с неоклассическим Малым, но Большой зал невероятных размеров с многогранным вытянутым куполом-фонарем из стекла и металла резко говорит о начале нового века. Столь же ново выглядели для своего времени мозаичные фризы за колоннадой, выполненные из цветного стекла.

Сам по себе стиль модерн начался в Париже, и вскоре сменил по всей Европе надоевшую всем безликую эклектику.

Причин к тому, чтобы стиль этот возник, сложился и победил, было множество, как социальных (к примеру, дети нуворишей, получившие образование, уже не мирились с безвкусием отцов), так и технических: появление новых строительных материалов. Так широкое применение бетона, а вскоре за ним и железобетона, позволило бесконечно разнообразить линии, ведь архитектора уже не связывала необходимость господства прямых, поэтому архитектура стала все более сближаться со скульптурой. Именно это почти слияние и оказалось определяющей чертой нового стиля. Это и было результатом использования возможностей, которые давали новые строительные материалы.

Прямоугольность, к которой обязывал кирпич или тесаный камень, стала уступать вольности фантастических узоров и завитков, классическую полуциркульную арку сменили кривые параболлические, силуэты пролетов, порой вытянутые, – или сопряжения дуг разных радиусов.

Да и наконец были причины уже чисто художественные. Никак не случайно характер и доминирующие линии орнаментов в архитектуре модерна напоминают скорее всего о характере орнаментики Тулуз-Лотрека, да и вообще о его живописи. Вполне понятно, что архитектура, зачастую включающая в себя и живопись и скульптуру, никак не могла бы проигнорировать фантастический взлет современной ей живописи - ни «Новое искусство» во Франции, ни Беклина в Швейцарии, ни прерафаэлитов или Бердслея в Англии, ни Врубеля или «Мир искусства» в России...

Все эти течения – по сути варианты одной и той же новейшей концепции искусства с ее сочетанием иррационального декаданса, с твердо стоящим на земле неоромантизмом.

Метерлинк, Ибсен, Георге, Рильке, Малларме, Ростан, Пруст, Суинберн, Росетти, Блок, Мачадо – вот, почти наугад, первые пришедшие мне на память имена в литературах разных стран Европы, определившие, в значительной мере, вкусы художников и скульпторов, а вслед за ними, архитекторов и всяческих мастеров прикладного искусства.

Влияние мощного литературного потока определило не только мотивы отделки тех или иных зданий, но и сами настроения, вдохновлявшие архитекторов. Не говоря уже о том, что крупнейшие ху-

дожники часто принимали прямое участие в создании большей части лучших построек модерна. Можно упомянуть мозаичные панно Врубеля на московском «Метрополе» (на сюжеты из Э. Ростана), «Дом-сказку» в Петербурге с мозаиками того же Врубеля, французских скульпторов Фремие и Далю, участвовавших в создании обоих дворцов и моста Александра III в Париже, и опять-таки плакаты и афиши того же Тулуз-Лотрека, неотделимые не только от капризных афишных тумб тех лет, но и от всей сложившейся в те годы физиономии города.

В Париже модерн развивался особенно бурно, потому что начиная с 1878 года тут регулярно проходили всемирные выставки, потребовавшие немалого строительства. Особенно много дали для облика города вторая и третья из них.

1889 год показал, что металл сам по себе может служить материалом для произведения архитекторского искусства, о чем и призвана была свидетельствовать Эйфелева башня.

1900 год дал такие неотделимые теперь от привычного парижского пейзажа здания, как Большой и Малый дворцы, тот же мост Александра Третьего и вокзал Орсэ, построенный в 1897 г. Вокзал этот

носит имя парижского прево, жившего в нач. XVIII в. Шарля Буше д’Орсэ, построившего набережную на большой части левого берега.

В 1896 г. Компания Орлеанской железной дороги заказала архитектору В. Лалу новый вокзал, чтобы обслуживать толпы пассажиров, ожидавшихся во время выставки 1900 г. (на фасаде можно видеть вензель компании – буквы Р. О. – и надпись «Париж – Орлеан», а также статуи, олицетворяющие основные города, в которые ходили поезда с этого вокзала: Бордо, Тулузу, Нант...).

Вокзал был построен так, чтобы при ограниченной площади он имел двойное количество платформ. Достигнуто было это тем, что поезда прибывали и отправлялись с двух этажей. Однако снаружи не видно, что вокзал двухэтажный: тяжелые стены облегчены гигантскими застекленными арками, охватывающими оба этажа.

Однажды паровоз, сошедший с рельс на втором этаже, пробил окно и повис над набережной (фотография есть в экспозиции музея).

Но прекрасное здание служило недолго – уже в 1939 году вокзал был заброшен, потому что короткие платформы его не могли принимать поездов, ставших к тому времени значительно длиннее.

Только в 1986 году, после реставрации здания и внутренних капитальных переделок, вокзал был превращен в музей искусства XIX века, который почти сразу прославился как один из лучших во всей Европе музеев. Само здание, младший современник большинства художников, выставленных в музее, дополняет экспозицию, создавая в буквальном смысле подлинное окружение для картин и статуй.

◊◊◊◊◊

GARE D'ORSAY

Когда туман к воде сползает постепенно,
И облака сидят на креслах площадей,
Я в городе сыром завидую Гогену –
Нездешности его деревьев и людей.

...Сухой чертополох танцует на бумагах,
В редакциях газет – машинок черный лом,
А в серых зеркалах, в пустых универмагах
Красавица ольха смеется над тряпьем.

И небо черное над набережной встало
Все в белых искорках, как старое кино,
И на экран ползет видение вокзала
Где паровоз летит в стеклянное окно.

Все на места свои вернется непременно.
И утки на воде – как тапочки Дега...
Шуршит буксир Марке над розоватой Сеной.
И тихо. И рассвет. И тают берега.

ПАРИЖ «ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ» III

Всемирные выставки определяли и масштабы, и в какой-то мере художественную сторону строительства. Несомненно, что они повлияли и на создававшийся стиль архитектуры. Здания разных выставочных павильонов, а за ними и концертных залов, огромных универмагов и вокзалов, словом все постройки, рассчитанные на невиданные до того толпы посетителей, должны были отличаться прежде всего размахом, масштабностью, которая соответствовала бы размаху самих этих всемирных выставок.

Необходимость максимальной освещенности гигантских помещений вызвала к жизни постройки, в которых главную роль играли стекло и неизбежный спутник его – металл. Выдающийся образец архитектуры такого рода – здание магазина Самаритэн с его стеклянным фасадом и искуснейшим «внутренним» куполом (арх. Франц Журден). Вскоре появились построенные по тому же принципу многоэтажные магазины в Берлине, Лондоне, Мадриде, Петербурге, Москве и в большинстве других крупных городов Европы. Стиль все более определялся, становясь явлением общеевропейским.

В это же время огромное жилищное строительство, вынужденное наконец считаться с требованиями современного комфорта, заполонило всю западную половину Парижа.

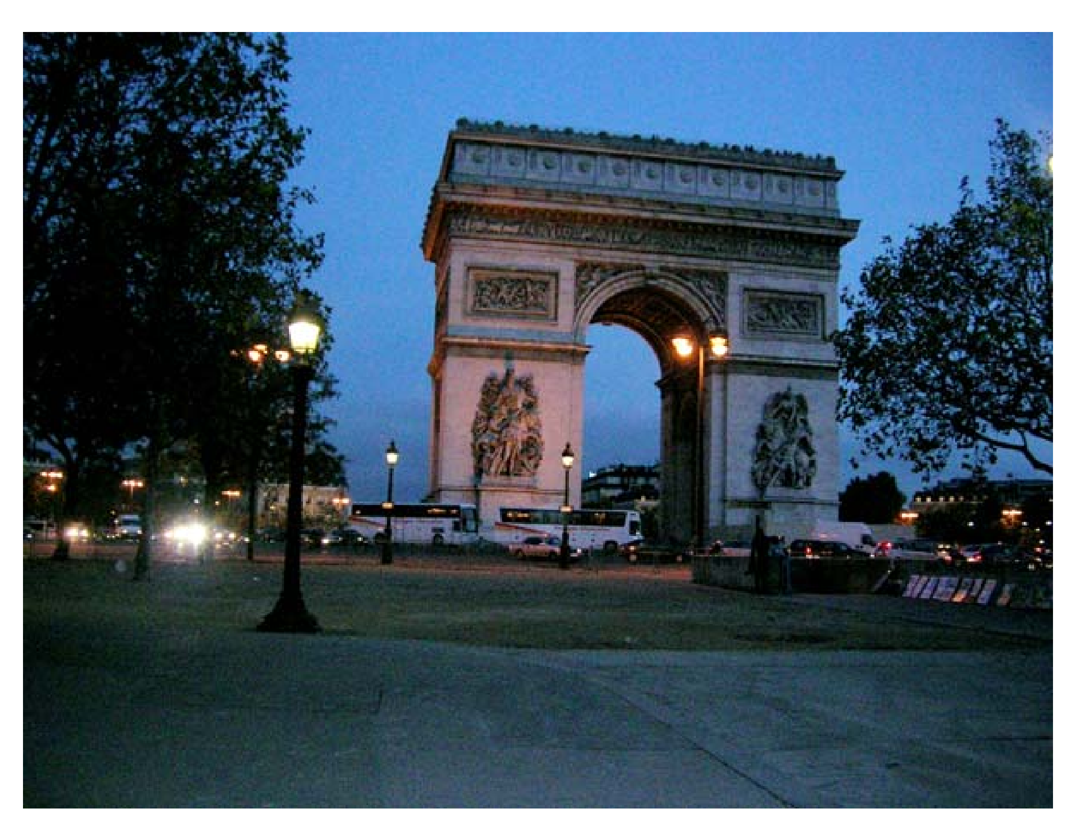
Широкое использование лифта, изобретенного еще в 1867 году, стимулировало на грани столетий массовое строительство многоэтажных жилых домов, и тем самым определило отчасти архитектурный пейзаж «Прекрасной эпохи». Сами пропорции зданий вытянулись и стали иными от этого технического нововведения. И естественно, что без лифтов был бы совсем иным, например, облик самой большой и самой известной в Париже улицы, почти полностью выстроенной в годы «Belle époque» – а именно Елисейских полей.

Этот прославленный, хотя далеко не самый красивый из парижских проспектов, тянется от площади Согласия вверх на холм до площади Звезды с ее Триумфальной аркой и двенадцатью проспектами, радиально расходящимися от площади.

Площадь Звезды не относится ни к модерну, ни вообще к «Прекрасной эпохе», но сказать о ней удобнее всего именно здесь – она неотделима от Елисейских полей; да и большинство зданий на всех

двенадцати проспектах, расходящихся радиально от площади (отсюда и название ее – Площадь Звезды – Etoile), выполнены в стиле модерн. Площадь буквально окружена Парижем «Прекрасной эпохи», сама относясь к стилю куда более раннему.

Начало площади положила Триумфальная арка, спроектированная по указаниям Наполеона архитектором Шальгреном в 1806 г. Но строилась она с перерывами на революции, реставрации и прочие, мешавшие работам события, ровно 30 лет. Эта арка – чистейший образец стиля ампир, парадного и воинственного стиля первой трети XIX столетия. Множество скульптурных групп рассказывают о наполеоновских войнах и победах.

Под аркой после Первой мировой войны устроен памятник Неизвестному солдату и горит вечный огонь.

Сама же площадь распланирована в 1854 году, когда по распоряжению Наполеона III к Парижу было присоединено несколько ближайших пригородов. К пяти сходившимся тут улицам (традиционные парижские перекрестки «пять углов») было добавлено по замыслу Османа еще семь, и таким образом площадь Звезды как бы повторила идею архитектора Висконти, оформившего могилу Наполеона под куполом Инвалидов: арка тут на месте саркофага и двенадцать радиусов, причем все – в тех же самых пропорциях.

Дома, окружающие площадь, построены архитекторами Хитровым и Роо де Флери в 1868 г. и представляют собой слегка модерновую стилизацию под тот «ампир с примесью барокко», который был так по вкусу обоим Наполеонам. Причем, для пущей торжественности ампирных фасадов, выходящих на площадь, все входы в эти двенадцать особняков убраны «на задворки площади», на кольцевую улицу, специально для того и проложенную.

Елисейские поля. Осень.

Проспект Елисейских полей продолжен по другую сторону площади проспектом Великой Армии, который переходит в главную улицу пригорода Нейи. Далее на другом берегу Сены, на довольно высоком холме, находится построенная несколько лет назад Большая арка района небоскребов (Дефанс), из-под которой можно увидеть (в бинокль, конечно) на одной линии Триумфальную арку, проспект Елисейских полей, Луксорский обелиск на площади Согласия, центральную ось сада Тюильри, арку Карусель и пирамиду Лувра, находящуюся точно по центру луврского большого двора. Все они расположены на одной прямой, создавая нечто вроде ансамбля, включившего в себя половину Парижа.

Нижняя же, примыкающая к площади Согласия, часть Елисейских полей представляет собой большой парк, разделенный надвое самим проспектом. Тут, среди деревьев, прячутся несколько интересных построек.

Театр Мариньи – круглое в плане здание – построено автором Оперы Шарлем Гарнье в 1883 году. Круглый этот театр потому, что предназначался для панорамы, но уже в конце 19 века тут расположился Парижский мюзик-холл, и декор здания был заново выполнен в стиле модерн. В конце сороковых годов помещение занял знаменитый театр Рейно-Барро. Тут же рядом – Театр Круглой площади (Théâtre du Rond-Point) и нынешний Зал Кардена (оба тоже в стиле модерн).

За площадью Клемансо, на краю которой установлен памятник этому знаменитому президенту по прозвищу Тигр, Елисейские поля становятся действительно проспектом. Он застроен в основном в конце XIX – начале XX века. В десяти-двенадцатиэтажных зданиях располагаются разные магазины, редакции, фирмы, большие кинотеатры, авиакомпании…

Тут же – знаменитое кабарэ Лидо, а рядом – желтая буква «М» – очередной Макдональдс. (Только не надо принимать эту букву за обозначение станции метро – сама буква, цвет ее и форма, от знака метро вовсе неотличимы…)

Большинство фасадов здесь носит характер средний между деловым и декоративным, и хотя все они имеют прямое отношение к стилю модерн, ни одного архитектурного шедевра на этом сугубо коммерческом проспекте найти нельзя.

Однако, каковы все же главные черты этого стиля?

Архитектура «Прекрасной эпохи», отбросив брезгливо мелкий прагматизм эклектики, взяла все же у нее некоторые рациональные моменты – прежде всего она учла прогресс инженерного дела и появление новых строительных материалов, употребление которых приняло гигантский размах.

Архитектура модерна, отбросив эпигонство ложноклассических эклектиков, была одновременно и бунтом против классики, и новым бурным ее развитием. Надоевшие прямые линии и части окружности сменились в силуэтах фасадов и в очертаниях интерьеров кривизной линий более сложных и в силуэте построек, и в декоративных элементах фасада, окон или дверей.

Мягкость и спокойствие, а порой, наоборот, нервность убегающих от взгляда капризных линий, скульптурность построек, а особенно, до тех пор презиравшаяся архитекторами фантастичность и неожиданность силуэтов здания и орнаментов, невероятное разнообразие деталей, приведшие к бурной игре света и тени, стали возможны лишь потому, что бетон, металл, стекло позволяют архитектору освободить свою фантазию, прежде придавленную камнем с его прямоугольностью, которая сдерживала, а порой и подавляла полет его художественного воображения.

Обилие скульптурных элементов фасада в постройках этой эпохи заставляет порой воспринимать само здание, как одну сложную и фантастическую скульптурную группу (и это так, как мы видим, не только в Барселоне, в постройках гениального чудака Гауди, выразившего эту эпоху в самом чистом виде!). Таков, например, уже показанный тут дом 29 по проспекту Рапп – один из шедевров Жюля Лавиротта (1864-1929). Необычайный декоративный эффект дает тут сочетание бетонного поля стены со скульптурой и цветной керамикой. Растительные и звериные мотивы отделки фасада фантастически переливаются в женские фигуры…

Не менее интересно и здание Теософического общества по соседству, и странный фонтан с античной (копия, понятно) фигурой пляшущего Пана во дворе дома № 20 (где с середины 70-х годов и по 1988 год располагалось парижское отделение радио «Свобода»).

Три архитектора определили в основном новый стиль на улицах Парижа – общий облик чуть ли не половины парижских улиц, особенно в западной части города. Первый из них – только что упомянутый Ж. Лавиротт, построивший множество жилых домов в районе Пасси на правом берегу и вокруг Эйфелевой башни – на левом. Второй – Шарль Жиро, создатель Большого и Малого дворцов, и третий – которого можно без натяжки назвать главным создателем стиля – Гектор Гимар.

Слева наверху балкон огромной квартиры, в которой двадцать лет находилось парижское бюро радио «Свобода». На эту часть балкона выходил кабинет А. Галича.

Его, архитектора парижского метро, построившего как множество наземных входов в метро, так и некоторое количество стальных эстакад с узорным чугунным литьем и определившего отделку множества подземных станций, некоторые французские искусствоведы называли автором «нового барокко с натуралистической тенденцией» – видимо, за разнообразные растительные и животные орнаменты. Но я не думаю, что такая мудреная характеристика может испортить или наоборот улучшить впечатление от работ Гимара, и других создателей «городской мебели», рассеянных по всему городу и во многом определяющих то лицо Парижа, которое мы привыкли видеть постоянно, как в жизни, так и в кино, то лицо Парижа, с которым парижане сжились за последние сто лет...

В то же время мы находим и такие высказывания: «Простой и элегантный маленький павильон, фантазия господина Гимара, весь состоит из стекла, керамики и железа. Он легок, как шампанское!». Так писала газета «Фигаро» в феврале 1900 года о входе в метро у ворот Дофина в конце проспекта Фош у самого Булонского леса. Парижане прозвали этот павильон стрекозой.

Сохранились без изменений и похожий павильон входа на станцию «Аббесс» на Монмартре и 90 других входов (большей частью без павильонов, открытых). Всего по эскизам Гимара между 1900 и 1913

годами было выполнено почти полторы сотни этих входов. Кроме того, он же построил синагогу на Булыжной ул. (rue Pave) и так наз. «замок Беранже».

Входы в метро, афишные тумбы, скамейки, фонтанчики – даже уличные туалеты (все, наверное, помнят начало знаменитого фильма «Скандал в Клошмерле») – вся эта «городская мебель, городская мелочь» – необходимая часть той мозаики, которую называем мы обликом города. И все это – модерн, стиль «Прекрасной эпохи».

И решетка с растянутыми, хитро заплетенными, коваными листьями и цветами у входа в какую-нибудь далекую от центра станцию метро, и огромная над тяжелыми белеющими под солнцем куполами колокольня собора Святого сердца, венчающего верхушку Монмартрского холма, или праздничные и опереточно-легкие павильоны в Булонском лесу, или затерявшийся сегодня среди почти-небоскребов восточной окраины (района Берси) Лионский вокзал, все это – Париж «Прекрасной эпохи».

Вообще стоит заметить, что именно вокзальное строительство в Европе дало лучшие образцы этого стиля: в Москве – «три вокзала», в Петербурге – Царскосельский вокзал – один из шедевров модерна,

Берлинский Главный вокзал (не сохранился), вокзал Виктория в Лондоне и все вокзалы Вены.

Я люблю средневековый и ренессансный город острова Ситэ, района Марэ или Латинского квартала, и тот блистательный город наполеоновских времен, что западнее первого, но все-таки мне кажется, что, прежде всего, именно третий Париж, Париж «Belle époque», капризного и праздничного модерна, первым бросается в глаза человеку, только что ступившему на парижские улицы.

Те два Парижа требуют, чтобы к ним привыкали, они раскрываются перед вами шаг за шагом, не торопясь, помня о величии прожитых ими веков, а этот – откровенный, веселый и легкомысленный как Штраус или Оффенбах, неисчерпаемо фантастический, легкий и лукавый – обрушивается на прохожего разом, и, ни о чем не спрашивая, утягивает в непрекращающийся никогда калейдоскопический карнавал, имя которому нынешний Париж…

Конечно, как ко всякому искусству, к модерну 1890-х – 1920-х годов можно относиться по разному, одно только невозможно – считать весь этот период игрой, чем-то вроде порожденного этой же эпохой, жанра оперетты. Невозможно отказывать этому времени в том, что оно само и есть стиль, проявляющий себя во всем — от грандиозных зданий до чайных чашек!

Стиль не только архитектурный, не только художественный или литературный, – но стиль вообще, определивший и вобравший в себя всю европейскую культуру за один из самых трагичных и вместе с тем самых капризных и богатых неожиданностями периодов истории; один из самых красочных и лживых, ярких и философствующих, жестоких и веселых…

Для меня, поэтому, искусство и, прежде всего, архитектура «Прекрасной эпохи» многогранны и неисчерпаемы, всегда тревожаще новы и всегда успокаивающе знакомы. Так, как может быть знакома уютная гостиная того же начала века, в которой только что прозвучали в авторском чтении стихи Ростана или Блока, Аполлинера или Волошина, знакомы, как неповторимая живопись и графика художников нашего «Мира искусства», знакомы так, как будто эти орнаменты шепчут отрывки из ускользающей от сознания прозы Марселя Пруста, неотделимого с самой его юности от парковой части Елисейских полей… Знакомы так, как может быть знаком и тревожен невероятный простор, когда смотришь с эспланады Инва-

лидов на правый берег с его силуэтами Большого и Малого дворцов, над которыми наискось в небо, словно набирая высоту – без всякой опоры по воздуху – летят навстречу зрителю четыре коня и колесница Ресипона.

«Мы видим, как цветут самые удивительные и самые декоративные творения за всю нашу историю, они шокировали порой наших дедов, забавляли наших отцов, но восхищают нас...» – пишет сегодня историк французской архитектуры Жорж Пуассон о Париже «Прекрасной эпохи».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПЛОЩАДЬ БАСТИЛИИ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛАТИНСКИЙ КВАРТАЛ И СЕН-ЖЕРМЕН-ДЕ-ПРЕ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВОКРУГ УЛИЦЫ РИВОЛИ; ЛУВР

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ОТ АКАДЕМИИ ДО ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНИ

МОНМАРТР

ПАРИЖ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

На фронтисписе -фотография автора в Петербурге перед отъездом в Париж (1973) раб. В. Оникула.

На обложке - проект Шарля-Франсуа Рибара «Триумфальный слон» (1758).

Книги издательства Salamandra P.V.V.

Джозайя Флинт. Хобо в России. 108 с., илл.

Воспоминания американского писателя-бродяги Джозайи Флинта о путешествиях в Россию, Льве Толстом и жизни в Ясной Поляне, странствиях с русскими бродягами, столичной полиции и генерале Куропаткине. Первый перевод на русский язык.

А. Я. Гуревич. Москва в начале XX века: Заметки современника. 212 с., илл.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы. Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века.

Борис Херсонский. Новый Естествослов. 154 с., илл.

Новая книга известного поэта, автора более десяти поэтических сборников, содержит вариации на тему Естествослова-Бестиария и представляет собою поэтичес-кие переложения средневековых текстов.

Роман Шмараков. Под буковым кровом. 208 с., илл.

В этой книге доктор филологических наук и прекрасный переводчик античной поэзии Роман Шмараков представляет свои прозаические опыты – семь изысканных и стилистически безупречных новелл, действие которых переносит читателя из древней Греции в Германию XVIII века, Италию времен Ренессанса и Россию «дворянских гнезд» века девятнадцатого.

Дилан Томас. Собрание стихотворений 1934-1953. 258 с., илл.

Первый полный перевод на русский язык канонического собрания стихотворений одного из величайших английских поэтов XX в. Дилана Томаса, отобранного са-мим Томасом в качестве поэтического наследия. Переводы известного поэта и переводчика Василия Бетаки снабжены подробными комментариями и статьей о жизни и творчестве Томаса.

Кики. Мемуары Кики. 243 с., илл.

Самая знаменитая натурщица XX века, она вдохновляла Сутина и Модильяни, Фуджи-ту и Кальдера, Брассая и Пикабиа, была возлюбленной Ман Рэя, подругой Жана Кокто и Макса Эрнста и удостоилась титула «королевы Монпарнаса». Первый русский перевод откровенных мемуаров Алисы Прен, прославившейся под именем Кики (1929), дополнен в нашем издании предисловиями Эрнеста Хемингуэя и Фуджиты, подробными комментариями и другими материалами, а также мемуарными отрывками, написанными Кики в 1950 г.

Редьярд Киплинг. Избранные стихи из всех книг. 331 с., илл.

Книга, подготовленная к изданию известным поэтом и переводчиком В. Бетаки, включает лучшие стихотворения Редьярда Киплинга из всех его книг в наиболее удачных поэтических переводах. Некоторые стихотворения представлены в двух-трех переводах. В книге есть и старые, давно полюбившиеся русскому читателю переводы, и довольно много совсем новых. Многие стихотворения Киплинга, никогда не переводившиеся на русский язык, представлены в этой книге впервые.

Я. Эйхенбаум. Гакраб (Битва). Поэма о шахматной игре. 97 с., илл.

Первое откомментированное издание курьезной поэмы о шахматной игре просветителя и поэта XIX в. Я. Эйхенбаума, деда выдающегося филолога и литературоведа Б. Эйхенбаума. Рисуя сражение между армиями древних воителей Хебера и Коры, автор описывает ход эффектной шахматной баталии с неожиданной концовкой (воспроизведение этой партии на шахматной доске доставит читателю немалое эстетическое наслаждение). Книга снабжена предисловием Б. Эйхенбаума.

Книги серии «Gemma magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма»:

Райские цветы, помещенные в седми цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга серии «Gemma magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» – таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Артур Конан Дойль. Пришествие фей. 241 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки. Первый полный и откомментированный перевод на русский язык.

Джон Ди. Рог Венеры. Священная Книжица черной Венеры. 68 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VI).

Первый русский перевод любопытного гримуара XVI века, чье авторство приписывается выдающемуся английскому ученому и эзотерику, советнику королевы Елизаветы I, герою многих книг и легенд Джону Ди. В этой магической книге рассказывается, как с помощью ритуала «Рога Венеры» вызвать демонов и заставить их повиноваться и разыскивать спрятанные сокровища.

Ильин А. Я. Из дневника масона 1775-1776 гг. 54 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VII).

Дневник А. Я. Ильина – ценный исторический документ, рассказывающий о повседневной жизни и деятельности масонского мастера последней четверти XVIII столетия. Подготовленный к печати в начале минувшего века известным историком В. И. Саввой, дневник А. Я. Ильина впервые за более чем 100 лет публикуется в полном объеме, с включением масонского шифра – «Литер ордена В.К.».

Гримуар заклинания духа места. 41 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VIII).

Французская рукопись XVII века под названием «Гримуар заклинания духа места» в последнее время привлекает к себе растущее внимание. Этот необычный гримуар сочетает языческие и христианские мотивы с элементами народной карнавальной обрядности и традициями магико-гримуарной литературы, идею жертвоприношения с церемониальным ритуалом вызывания духов. «Гримуар заклинания духа места» впервые переводится на русский язык.

Книги серии «Библиотека авангарда»:

Владимир Гольцшмидт. Послания Владимира жизни с пути к истине. 85 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. I).

Первое современное издание произведений «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта (1891? – 1957), поэта, агитатора, культуриста и одного из зачинателей жанра артистического перформанса. Основатель московского «Кафе поэтов» и создатель памятника самому себе, авантюрист и йог, ломавший о собственную голову доски во время выступлений, Гольцшмидт остался легендарной фигурой в истории русского футуризма.

Филиппо Томмазо Маринетти. Битва у Триполи (26 октября 1911 г.), пережитая и воспетая Ф. Т. Маринетти. 97 с., карта, илл. (Библиотека авангарда: Вып. II).

Основатель итальянского футуризма, неистовый урбанист и певец авиации и машин Филиппо Томмазо Маринетти – на фронте итало-турецкой войны. Книга поэтической прозы «Битва у Триполи» в полной мере отразила как литературное дарование, так и милитаристский пафос итальянского футуриста. Переведенная на русский язык эгофутуристом и будущим лидером имажинизма В. Шершеневичем, «Битва у Триполи» не переиздавалась с 1915 г. и давно является библиографической редкостью.

Е. П. Радин. Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии но-вого языка кубо-футуристов. 94 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. III). Факсимильное изд.

Наряду с острой критикой футуризма, понимаемого как мистическое течение, в книге содержится немало ценных наблюдений касательно ряда основных принципов футуристической креативности. Особое внимание автор, психиатр Е. П. Радин, уделяет творчеству В. Хлебникова, а также приводит многочисленные примеры текстов, рисунков и картин душевнобольных. В предисловии к факсимильному переизданию этой редкой ныне книги монография Радина (1914) рассматривается на фоне дискурса «вырождения» и «дегенерации» конца XIX – начала XX вв.

Обвалы сердца. Авангард в Крыму. 187 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. IV).

В книге полностью воспроизводятся четыре футуристических альманаха, выпущенных в Крыму в 1920-1922 гг. поэтом-космистом Вадимом Баяном (1880-1966) – «Радио», «Обвалы сердца», «Срубленный поцелуй с губ вселенной» и «Из батареи сердца». Альманахи В. Баяна, организатора и участника «Первой олимпиады футуриз-ма» (1914) и «героя» одной из пьес В. Маяковского – любопытная и во многом уникальная страница в истории русского авангарда. Приложены воспоминания В. Баяна о «Первой олимпиаде футуристов» и отрывки из мемуарных текстов И. Северянина и Д. Бурлюка. Книга снабжена подробными комментариями и предисловием, в котором биография В. Баяна раскрывается на фоне авангардного движения 1910-1920-х годов.